

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 5 (22). 2019

СПЕЦВЫПУСК

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев

доктор юридических наук
Е. Каспшак
(г. Ольштын, Польша)

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный
секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации ПИ
№ ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Богомолова А. Г. Сущность и значение взаимодействия следователя с общественностью с использованием информационных и коммуникационных технологий	7
Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Коршунов А. В. Биодетекция как средство обеспечения безопасности и правопорядка: проблемы и пути решения	11
Галдин М. В. О понятии проживающего в жилище лица, которое имеет право давать согласие на его осмотр в уголовном судопроизводстве	22
Галяшина Е. И. Криминалистическая фоноскопия: назад в будущее (истоки криминалистического учения о цифровых звуковых следах в трудах профессора О. Я. Баева)	28
Зеленский В. Д. Организационные аспекты методики расследования преступлений	36
Земцов А. П. Об использовании возможностей компьютерно-технической экспертизы в арбитражных спорах	39
Иванова Е. В., Дьяконова О. Г. Требования, предъявляемые к судебному эксперту, и их закрепление в федеральном законодательстве	42
Ильюк Е. В. Особенности криминальной ситуации при вовлечении в деструктивные религиозные организации	51
Кирюхин Д. А. Криминалистическая характеристика преступления как основа для построения психологического профиля подозреваемого в серийных сексуальных убийствах	56

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Подписано в печать
13.08.2019.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 11,1.
Уч.-изд. л. 11,7.
Тираж 300. Заказ 88

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2019
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2019

Куемжиева С. А. О принципах групповой методики расследования преступлений	61
Кузнецова О. Д. Функция разрешения дела и проблемы реализации судебной защиты лица от незаконного и необоснованного обвинения	64
Кучин О. С. Адвокатское расследование по уголовным делам: перспективы и необходимость	74
Лазарева Л. В. Специальные знания как инструмент оценки заключения эксперта в уголовном процессе	80
Малахова Л. И. Правовые и фактические основания производства следственных действий	85
Мерецкий Н. Е. Восприятие судом интегрированной информации при проведении судебного эксперимента	91
Печерский В. В. Проблемы реализации принципа равенства сторон при назначении экспертизы в уголовном процессе	97
Реховский А. Ф. Тенденции развития криминалистики в зарубежных странах	107
Шошин С. В. Некоторые проблемы назначения судебных экспертиз в современной российской криминалистике	112
Щербич Л. А. К вопросу о принципах методики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции	116
Эксархопуло А. А. Предмет «Прикладной криминалистики»	121
Яргутова В. Ю. Использование специальных знаний в области бухгалтерского учета по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности как залог справедливого приговора суда (на основе анализа судебной практики)	128
Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	133

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 5 (22). 2019

SPECIAL ISSUE

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....	5
Bogomolova A. G. The nature and importance of the investigator's interaction with the public using information and communication technologies.....	7
Vladimirov V. Yu., Gorbuninskaya I. N., Korshunov A. V. Biodetection as a means of security and rights order: problems and ways of solving.....	11
Galdin M. V. About definition of the tenant, who has the right to consent to his inspection of the dwelling in criminal proceedings.....	22
Galyashina E. I. Forensic phonoscopy: back to the future (the origins of the forensic doctrine of digital sound tracks in the works of professor O. Ya. Bayev).....	28
Zelensky V. D. Organizational aspects of crime investigation techniques.....	36
Zemtsov A. P. About the use of computer forensics expertise in arbitration cases.....	39
Ivanova E. V., Dyakonova O. G. Requirements of the judicial expert and their consolidation in the federal legislation.....	42
Il'yuk E. V. Features of the criminal situation with involvement in destructive religious organizations.....	51
Kiryukhin D. A. Criminalistic characteristic of crime as a basis for the construction of the psychological profile of the supervised in serial sexual killings.....	56
Kuemzhieva S. A. About the principles of group technique of investigation of crimes.....	61

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Kuznetsova O. D. Function of business solutions and challenges of implementing the judicial protection of persons from illegal and unwarranted accusation 64

Kuchin O. S. Advocate investigation on criminal cases: prospects and need 74

Lazareva L. V. Special knowledge as an instrument for the evaluation of the expert conclusion in the criminal process 80

Malakhova L. I. The legal and factual grounds of investigation 85

Meretsky N. E. Perception by the court of integrated information when conducting a judicial experiment 91

Pechersky V. V. Problems of implementation of the principle of equality of parties when appointing the expert in the criminal process 97

Rekhovsky A. F. Trends in the development of criminalistics in foreign countries.....107

Shoshin S. V. Some problems of the appointment of forensic examinations in modern russian forensics 112

Shcherbich L. A. On the question of the principles of the method of maintaining public prosecution in the court of first instance..... 116

Eksarkhopulo A. A. Subject “Applied criminalistics” 121

Yargutova V. Yu. Use of special knowledge in the field of accounting in criminal cases of crimes in the sphere of economic activity as a guarantee of a fair verdict of the court (based on the analysis of judicial practice)..... 128

The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication 133

---

*Светлой памяти доктора юридических наук,
профессора кафедры криминалистики
Воронежского государственного университета,
заслуженного деятеля науки РФ
Олега Яковлевича Баева (1941–2017)
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рамках Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юридического факультета ВГУ, прошедшей в г. Воронеже 15–16 ноября 2018 г., был проведен круглый стол «Криминалистика и уголовный процесс: вчера, сегодня, завтра», посвященный памяти профессора Олега Яковлевича Баева.

Вероятно, в связи с непререкаемым авторитетом Олега Яковлевича в криминалистическом (и не только) сообществе, значимостью его как ученого и как человека для очень и очень многих количество участников и представленных материалов превысило возможности отражения результатов круглого стола в рамках сборника, посвященного конференции. В этой связи редакционная коллегия «Воронежских криминалистических чтений» приняла решение о выпуске внеочередного номера нашего научно-практического журнала.

Широта научных интересов Олега Яковлевича Баева обусловила исключительную разноплановость и разнонаправленность предложенных для анализа участниками круглого стола проблем, что и повлекло включение в содержание номера публикаций различной проблематики.

Методике расследования преступлений посвящены статьи В. Д. Зеленского, С. А. Куемжиевой, криминалистической тактике защиты – О. Д. Кузнецовой, О. С. Кучина, обвинения – Л. А. Щербич, а взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства и иными вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений лицами – А. Г. Богомоловой.

Невозможно представить обсуждение проблем криминалистики и уголовного судопроизводства без исследования процедуры, оснований и результатов использования специальных знаний при производстве по уголовному делу (статьи Л. В. Лазаревой, В. Ю. Яргутовой).

Судебная экспертиза и ее результаты по подавляющему большинству уголовных дел являются основным доказательством, что не исключает возникновение сложностей, а в ряде ситуаций и проблем, связанных с назначением (Е. В. Иванова, О. Г. Дьяконова), производством судебных экспертиз (Е. И. Галяшина, В. В. Печерский, С. В. Шошин) и использованием заключений эксперта в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве (А. П. Земцов).

Следственные действия, являясь основным способом собирания доказательств при расследовании уголовных дел, претерпевают изменения, обусловленные законодательными, техническими и тактическими новеллами. Анализ особенностей производства некоторых из них посвящены статьи наших авторов (М. В. Галдин, Н. Е. Мерцкий).

Не обделены вниманием и общие, традиционные вопросы развития криминалистики (см. статьи А. Ф. Реховского, А. А. Эксархопуло), а также отдельные, весьма специфические из них (В. Ю. Владимиров, И. Н. Горбулинская, А. В. Коршунов, Е. В. Ильюк, Д. А. Кирюхин).

В предисловии к одному из выпусков «Воронежских криминалистических чтений» Олег Яковлевич привел «чеканную» (как он ее назвал) фразу В. С. Черномырдина: «Если мы поймем, что надо работать, то, я думаю, вреда большого не будет, и не так много мы потеряем». Поэтому вслед за Олегом Яковлевичем я считаю, что материалы данного журнала «большого вреда» наукам уголовного процесса и криминалистики не принесут, а напротив, продемонстрируют, что, даже теряя, мы находим, что идеи Олега Яковлевича Баева успешно живут и развиваются его соратниками, учениками и коллегами.

*Ответственный редактор
«Воронежских криминалистических чтений»
академик РАН, доктор юридических наук, профессор
М. О. Баев*

А. Г. Богомолова

Тулский государственный университет

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрены возможности информационных и коммуникационных технологий взаимодействия следователя с общественностью в ходе расследования преступлений. Указаны особенности и преимущества такого взаимодействия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: средства массовой информации, средства массовой коммуникации, взаимодействие, общественность.

THE NATURE AND IMPORTANCE OF THE INVESTIGATOR'S INTERACTION WITH THE PUBLIC USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

A b s t r a c t: the article considers the possibilities of information and communication technologies of interaction between the investigator and the public during the investigation of crimes. The features and advantages of such interaction are indicated.

Key words: mass media, mass communication media, interaction, public.

Поступила в редакцию 17 октября 2018 г.

Для успешного решения задач предварительного следствия большое значение имеет тесное сотрудничество лица, производящего расследование (далее также следователя), с общественностью при производстве по уголовному делу. В рамках рассматриваемого процесса под общественностью следует понимать отдельные лица или группы лиц (общественные организации), готовые оказать помощь следователю в решении задач предварительного расследования.

Эффективное взаимодействие следователя с общественностью может обеспечить использование современных инфор-

мационных и коммуникационных технологий. К их числу, мы полагаем, следует отнести использование средства массового распространения информации, в частности, электронные средства массовой информации (интернет-СМИ (электронные газеты, интернет-радиостанции, интернет-телевидение), социальные сети, электронная почта, видеохостинги и фотохостинги, чаты, мессенджеры).

Постановка и решение задач расследования преступления посредством взаимодействия следователя с общественностью (в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий) зависит от сложившейся следственной ситуации по делу, т. е. носит тактический характер.

В целом, вопросы тактики взаимодействия следователя с общественностью изучали такие ученые, как О. Я. Баев, Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. М. Гальперин, А. Ю. Головин, Е. С. Дубоносов, М. И. Еропкин, В. И. Иванов, И. И. Карпец, Н. И. Кулагин, А. В. Наумов, Ф. А. Полозков, В. Т. Томин и др.¹

Большинство научных трудов, рассматривающих вопрос взаимодействия следователя с общественностью в ходе предварительного расследования, были написаны в условиях, когда информационные и коммуникационные технологии находились на ином уровне. В то же время следует отметить значимость взаимодействия следователя с общественностью в ходе предварительного следствия, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Так, в частности О. Я. Баев отметил, что вопросам взаимодействия следователя со средствами массовой информации посвящается незначительное количество работ, в связи с чем требуются глубокие теоретические исследования данного вида взаимодействия².

Согласимся с мнением ученого и в подтверждение выдвинутого им тезиса добавим, что для следственных органов открываются существенные возможности при использовании средств массовой информации и Интернета как новой формы взаимодействия с общественностью.

Исследуемый процесс представляет собой деятельность определенных субъектов, направленную на передачу в социальную среду или получение из нее информации, способной оказать влияние на ход расследования преступлений. В этих условиях информационные и коммуникационные технологии являются связующим звеном между общественностью и лицом, осуществляющим расследование.

Современные информационные и коммуникационные технологии объединяют в себе возможности всех средств массовой информации, как электронных, так и печатных, в связи с чем размещенная таким образом информация способна вызывать широкий общественный резонанс. Кроме того, использование социальных сетей, форумов, электронных почт, мессенджеров и др. обеспечивает оперативный обмен информацией между следователем и общественностью, в том числе для организации обратной связи. Такое взаимодействие характеризуется простотой, доступностью и оперативностью.

Информационные и коммуникационные технологии позволяют следователю организовать доступный канал связи с общественностью. Например, посредством Интернета становится доступной связь с правоохранительными органами лицам, способным оказать помощь в предоставлении криминалистически значимой информации по делу, но по определенным причинам имеющим затруднение сделать это лично (лица с ограниченными физическими возможностями, несовершеннолетние, лица, желающие, чтобы их сообщение осталось анонимным, и др.).

Отметим, что в некоторых случаях взаимодействие следователя с общественностью является необходимым элементом деятельности по расследованию преступлений. Так, использование информационных и коммуникационных технологий позволяет предотвратить (опровергнуть) недостоверные слухи, способные дестабилизировать деятельность органов, производящих расследование. В особенности по резонансным преступлениям первенство в распространении информации должно исходить от правоохранительных органов с целью ориентирования

общественности на содействие органам расследования и недопущения распространения недостоверной информации и слухов.

В практике правоохранительных органов нередко возникают ситуации, когда после совершенного преступления существует дефицит информации, позволяющей установить личность и местонахождение преступника³. Наиболее часто такие ситуации имеют место по делам об убийствах, кражах, грабежах, разбоях, дорожно-транспортных происшествиях и т. д. В этих случаях основной целью использования информационных и коммуникационных технологий в ходе расследования преступления выступает получение исходной информации о событии преступления и лицах, его совершивших. Эффективным средством получения такой информации в первые дни расследования может являться публикация или объявление специального сообщения посредством информационных и коммуникационных технологий.

Взаимодействие следователя с общественностью может произвести в социальной среде значительные, а в ряде случаев необратимые перемены. В связи с этим лицу, производящему расследование, необходимо провести анализ веро-

ятных практических выгод и возможных негативных последствий. При этом следователь должен продумать объем криминалистически значимой информации по делу, которая будет обнародована, чтобы исключить ее использование самими преступниками либо иными связанными с ними лицами в целях противодействия расследованию (а также учитывать обеспечение следственной тайны). Кроме того, определенные сведения могут поступать от самого преступника или связанных с ним лиц, но следует помнить, что целью их сообщения может являться дезинформирование органов расследования. В связи с этим поступающая следователю информация требует дополнительной проверки, уточнения и доработки. Стоит подчеркнуть главенствующую и координирующую роль следователя в ходе взаимодействия с общественностью, поскольку именно он несет ответственность за принимаемые решения и результаты расследования в целом.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что использование информационных и коммуникационных технологий имеет особое значение при взаимодействии следователя с общественностью и позволяет усовершенствовать процесс расследования преступлений.

³ См.: *Еропкин М. И.* Привлечение общественности к расследованию преступлений // Советское государство и право. М., 1959. № 10. С. 82–88; *Иванов В. И.* Межвузовская научная конференция. Роль общественности в выполнении государственных функций в условиях развернутого строительства коммунистического общества. М., 1960; *Гальперин И. М., Полозков Ф. А.* Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961. 127 с.; *Томин В. Т.* Участие трудящихся в расследовании преступлений органами ООП: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 212 с.; *Васильева О. М., Веремеенко И. И., Денисов Р. И.* Основы взаимодействия милиции и общественности. М., 1980. 82 с.; *Головин А. Ю., Баранов М. В.* Решение следователем ситуационных задач предварительного расследования: учеб. пособие. Тула, 2015. 142 с.

² См.: Баев О. Я. Место и цели взаимодействий со средствами массовой информации в структуре взаимодействий следователя // Юридические записки. Воронеж, 2005. Вып. 18. С. 43–52.

³ См.: Головин А. Ю., Дубоносов Е. С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. Тула, 2001. С. 56.

Тулский государственный университет

Богомолова А. Г., аспирант кафедры
правосудия и правоохранительной
деятельности Института права
и управления

E-mail: a.g.reznikova@mail.ru
Тел.: 8-920-277-70-30

Tula State University

Bogomolova A. G., Post-graduate Student
of the Department of Justice and Law
Enforcement, Institute of Law
and Management

E-mail: a.g.reznikova@mail.ru
Tel.: 8-920-277-70-30

В. Ю. Владимиров

ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, Москва,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

И. Н. Горбулинская

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

А. В. Коршунов

Научный центр стратегических исследований Росгвардии

БИОДЕТЕКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

А н н о т а ц и я: биодетекция, как уникальная способность собак, позволяет использовать их в разных сферах человеческой деятельности, в том числе и для обеспечения безопасности общества и поддержания правопорядка в государстве. Однако научно-методическое обеспечение данной деятельности не соответствует потребностям практики. В статье приводятся основные проблемы кинологического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и предлагаются пути их решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: биодетекция, кинология, криминалистическая одорология, обеспечение безопасности.

BIODETECTION AS A MEANS OF SECURITY AND RIGHTS ORDER: PROBLEMS AND WAYS OF SOLVING

A b s t r a c t: biodetection, as a unique ability of dogs, allows them to be used in different spheres of human activity, including to ensure the safety of society and maintain law and order in the state. However, the scientific and methodological support of this activity does not meet the needs of practice. The article presents the main problems of canine detection and investigation of crimes and suggests ways to solve them.

Key words: biodetection, cynology, criminalistic odorology, security.

Поступила в редакцию 22 октября 2018 г.

В криминалистической одорологии под биодетекцией понимается процесс выявления запаховых следов (пахучих веществ и их смесей), находящихся на предметах-носителях либо в воздухе, при помощи обоняния биодетектора¹.

В качестве биодетекторов могут выступать различные животные, растения

и даже люди. Так, растения реагируют на изменение температуры окружающей среды, влажности воздуха, загрязнение атмосферы и др. Человек способен обнаружить и распознать продукты таких процессов, как горение (на месте пожара, взрыва), стрельбы из огнестрельного оружия по запаху сгоревшего пороха, гниения (на месте нахождения трупов), брожения (на месте хранения некачественных продуктов питания), а также

© Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н.,
Коршунов А. В., 2019

присутствующие (или присутствовавшие ранее) самые различные вещества: лекарственные, парфюмерные, лакокрасочные, горюче-смазочные, взрывчатые, ядовитые и многие другие².

Однако на сегодняшний день ни один из известных биодетекторов не может сравниться с собакой, которая наделена от природы уникальным по остроте обоняния анализатором и достаточно легкой дрессируемостью и управляемостью, обусловленными, в свою очередь, многовековым взаимодействием с человеком.

Известно, что общая поверхность, занимаемая обонятельным эпителием в носу взрослого человека, невелика – всего 2–4 квадратных сантиметра, а у собак – от 27 до 200 квадратных сантиметров. К тому же обонятельный эпителий человека содержит приблизительно 10 млн обонятельных нейронов, а у немецкой овчарки – до 225 млн³. При этом каждый обонятельный нейрон обладает селективным восприятием, что обеспечивает возможность распознавания собакой даже сложных смесей пахучих веществ⁴.

Данная уникальная способность собак позволяет их использовать в разных сферах человеческой деятельности, в том числе и для обеспечения безопасности общества и поддержания правопорядка в государстве.

На сегодняшний день собаки, прошедшие специальную подготовку, эффективно применяются правоохранительными органами и спецслужбами России в оперативной и служебной деятельности, а также в процессе расследования преступлений.

Созданная сегодня в структуре МВД РФ кинологовическая служба предназначена обеспечивать организацию работы по использованию специально подготовленных служебных собак с целью предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия преступлений, предупреждения и пресечения административных право-

нарушений; обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности, охраны общественного порядка; охраны объектов и территорий государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности, специальных учреждений органов внутренних дел, охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; розыска и задержания лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, совершивших побег из-под стражи, а также розыска без вести пропавших; обнаружения наркотических средств и психотропных веществ, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов; осмотра и обработки мест возможного укрытия преступников, спрятанных трупов (человеческих останков); поиска предметов, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления его обстоятельств⁵.

В последнее время к списку объектов, при поиске которых наиболее успешно используются собаки, добавились незаконно перемещаемые животные и растения, подпадающие под действие конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (объекты СИТЕС), а также сырец янтаря, наличные денежные средства и табак. Эти актуальные сегодня незаконно перемещаемые объекты успешно обнаруживаются служебно-розыскными собаками в ручной клади и багаже пассажиров аэропортов и поездов.

Отдельным направлением применения обонятельной способности собак как средства исследования запаховых следов является их использование при производстве экспертизы запаховых следов человека в ходе раскрытия и расследования преступлений. Данная экспертиза в настоящее время зачастую является единственной возможностью идентифи-

цировать человека по следам его биологической природы, что и обуславливает ее криминалистическую значимость. Проведение биологических идентификационных экспертиз сегодня все более востребовано при расследовании преступлений как против личности, так и связанных с противоправной деятельностью в различных сферах общественной жизни и государственной деятельности.

Все перечисленные направления использования специально обученных собак имеют для правоохранительных органов немаловажное практическое значение. В свою очередь, эффективность такой деятельности во многом зависит от степени разработанности актуального и достаточного по объему информационного и правового обеспечения, основанного как на научных разработках в области одорологии, так и на практическом опыте применения собак-биодетекторов.

Вопросы, связанные с технико-криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений, использования при этом специальных знаний из различных отраслей науки, техники, искусства или ремесла, изучаются криминалистикой. Не является исключением и такая наука, как кинология, отдельные положения которой рассматриваются в такой отрасли криминалистики, как криминалистическая одорология.

Однако фундаментальные разработки в этой области знаний применительно к запросам криминалистической практики почему-то ограничиваются проблематикой, связанной с использованием запаховых следов человека в целях его розыска и идентификации. А вот тактика использования обонятельных возможностей служебно-розыскных собак (далее – СРС) в целях поиска, обнаружения и фиксации запаховой информации (фиксация производится при помощи сигнального поведения СРС и соответствующего про-

токолирования, фото- и видеосъемки) в отношении взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств и психотропных веществ, объектов СИТЕС и других криминалистически значимых объектов и веществ в теории криминалистики не разрабатывается и методически в учебных курсах не представлена.

В учебниках криминалистики в разделах криминалистической тактики и методики расследования имеются лишь весьма краткие и совершенно бессодержательные упоминания о возможностях применения СРС при проведении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в процессе раскрытия и расследования преступлений. Да и то далеко не во всех случаях.

Например, в учебнике «Криминалистика» под редакцией А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова (2008 г.) идентификационные и диагностические возможности судебно-odoroлогической экспертизы применительно к исследованию запаховых следов человека достаточно полно раскрываются в главе, посвященной криминалистическому исследованию материалов, веществ и изделий. А вот применительно к криминалистической тактике и методике расследования в главах, посвященных тактике осмотра места происшествия и расследованию контрабанды, применение СРС в целях розыска преступника, обнаружения наркотических, взрывчатых и иных подконтрольных веществ даже не упоминается. В параграфе 22.1 «Сущность и тактические приемы обыска» тактические рекомендации по этому вопросу отсутствуют. Лишь упоминается, что «в роли специалиста кроме эксперта-криминалиста может выступать кинолог со служебной собакой, обученной обнаруживать наркотики, взрывчатые вещества и др.» (с. 416). Аналогичные «упоминания» имеются и в параграфах 32.1 «Расследование убийств»

(с. 575), 34.1 «Расследование краж» (с. 623) и главе 42 «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков» (с. 785). Лишь в параграфе 47.2 «Особенности тактики отдельных следственных действий, проводимых по горячим следам» (с. 862) В. П. Лавровым раскрываются основные цели и задачи, стоящие перед специалистом-кинологом, даются тактические рекомендации по времени (на какой стадии) применения СРС и некоторым особенностям выявления не только запаховых, но и иных следов преступника. Ранее эти тактические рекомендации были сформулированы им же в учебнике «Криминалистика» (М., 1988. Т. 2., под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова и И. М. Лузгина) также применительно к раскрытию преступлений по горячим следам (с. 387). Тот факт, что В. П. Лавров продолжает оставаться последовательным продолжателем идей Р. С. Белкина, очевиден, как и то, что развитие этого направления в криминалистике практически остановилось.

Налицо отождествление таких понятий, как «криминалистическая одорология» и «судебная экспертиза запаховых следов человека», которая традиционно рассматривает только вопросы установления тождества по запаху человека⁶. Нельзя ставить знак равенства между данными понятиями. Иначе за рамками криминалистической одорологии останется отождествление иных объектов по запаховым следам и целый ряд сложных и нерешенных проблем кинологического обеспечения криминалистической деятельности при использовании иных форм процессуального и оперативно-розыскного использования СРС.

В этой связи представляется, что круг задач, стоящих перед криминалистической одорологией как наукой о природе и механизме образования запаховых следов, методов и технических средств их ис-

пользования в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений явно не отвечает современным запросам практики и нуждается в корректировке⁷.

Решение данной проблемы невозможно без принципиального переосмысления предмета научного познания криминалистической одорологии как отрасли криминалистической техники, ее содержательного и структурного построения⁸. Очевидно, что сегодня предмет изучения криминалистической одорологии ограничивается только рамками запаховых следов человека. Такой узкий подход уже нанес существенный вред практике использования запаховых следов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений⁹.

Назрела необходимость привести данную отрасль, как частнонаучную теорию, в содержательное соответствие с такими отраслями криминалистики, как «Дактилоскопия», «Трасология» и др., которые рассматривают вопросы не только соответствующих видов экспертиз (дактилоскопических, трасологических и т. п.), но и технико-криминалистические и тактико-криминалистические особенности обнаружения, выявления, фиксации и исследования следов рук, иных следов человека, транспорта, механизмов и т. д., а также использование данных следов при раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений. При этом криминалистическая одорология методологически должна охватывать не только запаховые следы человека, но и весь спектр объектов, запаховые следы которых представляют криминалистический интерес (оружие и боеприпасы, наркотические средства и психотропные вещества, взрывчатые вещества, объекты СИТЕС и др.).

В свою очередь, расширение предмета научного познания криминалистической одорологии невозможно без организации и проведения соответствующих научных исследований в области кримина-

листической техники, тактики и методики, основанных на сочетании как апробированных, так и вновь разрабатываемых приемов, методов и средств научного познания. Результаты таких исследований будут способствовать созданию прочной методологии данной отрасли, отдельные положения которой найдут свое отражение во всех частях науки криминалистики и, как следствие, на страницах учебников по криминалистике.

Представляется, в содержание криминалистической одорологии как отрасли криминалистической техники необходимо включить не только сведения о понятии запаховых следов человека и правилах работы с ними, но и информацию об особенностях поиска, обнаружения и обозначения собаками иных категорий запаховых следов, таких, как взрывчатые вещества, наркотические средства и психотропные вещества, боеприпасы, трупы и т. д., с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов в повседневной деятельности. Участникам расследования необходимо владеть и информацией об особенностях работы СРС, видах ее сигнального поведения, а также сведениями о возможных ухищрениях, применяемых преступниками для сокрытия запаховых и иных следов преступления.

Полноценное использование положений «криминалистической тактики» невозможно без знаний о наиболее рациональной линии поведения участников расследования при работе с запаховыми следами в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Участие специалиста-кинолога на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, как правило, приводит к получению следователем фактических данных, имеющих значение для уголовного дела, и может способствовать раскрытию преступления, изобличению виновных в его совершении. При этом неурегулирован-

ность процессуального положения специалиста-кинолога, недостаточная разработанность организационных основ его сотрудничества со следователем и иными участниками раскрытия и расследования преступления, отсутствие установленно-го процессуальным законом или ведомственными нормативными актами порядка оформления и представления последнему результатов деятельности данного участника следственного действия неизбежно снижают эффективность их взаимных усилий, направленных на установление истины по уголовному делу.

В настоящее время криминалистическая тактика не содержит рекомендаций по решению данных проблем.

Нам представляется, что права и обязанности специалиста-кинолога должны в полной мере соответствовать требованиям ст. 58 УПК РФ «Специалист».

Так, он вправе знать цель приглашения, в чем конкретно должно выразиться его участие в расследовании и раскрытии преступления, при этом он обязан явиться по вызову к следователю, со служебной собакой или без таковой, в зависимости от сложившейся необходимости. Непосредственно в процессе производства следственного действия специалист-кинолог вправе обращать внимание следователя (дознавателя) на обстоятельства, связанные с обнаружением, фиксацией, изъятием, упаковкой (консервацией) запаховых следов.

Если говорить об обязанностях, то специалист-кинолог обязан участвовать в производстве следственного действия, используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке (консервации) запаховых следов, давать пояснения по поводу выполняемых им действий.

По окончании следственного действия кинолог вправе делать подлежащие занесению в протокол заявления, связанные с

обнаружением, фиксацией, изъятием, упаковкой (консервацией) запаховых следов, «предлагать следователю (дознавателю) формулировки записи, являющиеся более правильными и грамотными с его точки зрения, требовать фиксации в протоколе своего участия в следственном действии, с указанием фамилии, инициалов, должности, специального звания, образования, а также отражения клички и категории (назначения) применявшейся служебной собаки. В то же время он обязан подписать протокол того следственного действия, в котором принимал участие, по приглашению следователя, в порядке, определенном процессуальным законом»¹⁰.

Знание следователем (дознавателем) прав и обязанностей специалиста-кинолога позволит верно ориентироваться в процессуальном положении этого специалиста, требовать от него соблюдения своих обязанностей, контролировать действия кинолога с учетом его прав.

Если говорить об основной организационной проблеме, мешающей кинологу полноценно участвовать в уголовном процессе, то это несогласованность действий специалиста-кинолога и иных участников следственного действия.

Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и иными нормативными актами, кинолог с СРС как специалист привлекается к производству осмотра места происшествия для оказания содействия следователю или дознавателю. Вместе с тем, к участию в осмотре места происшествия и работе со следами на нем привлекаются и иные участники, например, специалист-криминалист или судебный медик, с которыми также непосредственно сотрудничает специалист-кинолог. Как должно складываться взаимодействие данных специалистов между собой, чье мнение должен учитывать руководитель следственно-оперативной группы, например, при

определении границ производимого осмотра, решении вопроса о месте или объектах с наиболее сохранившимися запахowymi и иными следами, оставленными преступником и т. п.?

Все свои действия данный участник расследования обязан согласовывать с руководителем следственно-оперативной группы, а в части фиксации следовой обстановки – еще и со специалистом-криминалистом и иными специалистами (в случае их участия), а при необходимости и с другими участниками следственного действия.

Нам видится следующий порядок действий специалиста-кинолога в ходе следственного действия. Так, при производстве осмотра места происшествия на его статической стадии специалист-кинолог с использованием субъективного метода под руководством следователя моделирует возможные действия преступника и определяет места его пребывания, которые в дальнейшем без риска для вещной обстановки места происшествия могут быть использованы им в качестве начальных точек для проработки следа. Окончательный выбор такой точки он согласовывает со следователем. Если на стадии статического осмотра определить такие места не представляется возможным, то эта работа продолжается на стадии детального (динамического) осмотра до достижения результата. После этого, по согласованию со следователем, специалист-кинолог применяет СРС в целях преследования преступника по пути его отхода и последующего задержания. Причем в ходе преследования собака способна двигаться не строго по запахowym следам, повторяя маршрут преступника, а проложить более короткий маршрут, чем тот, по которому двигался злоумышленник, «срезая» петляющие участки.

Данная способность собаки обусловлена тем, что ее обоняние может улавли-

вать разницу в концентрациях запаха на близлежащих точках следа и безошибочно определять направление движения искомого лица. В первую очередь выветриваются следы, оставленные в начале маршрута, а затем конечные. Поэтому концентрация запаха от начальных к конечным точкам следа постепенно увеличивается.

С одной стороны, такое поведение собаки считается нарушением инструкции, а с другой – является необходимостью при розыске преступника «по горячим следам».

Поиск объектов – носителей следовой информации на этой стадии не целесообразен, так как он замедлит движение по следу.

Далее по окончании проработки следа по пути отхода преступника специалист-кинолог по согласованию со следователем приступает к поиску объектов – носителей следовой информации. Для этого он производит обратную проработку следа по пути отхода, а также по пути подхода преступника. Это необходимо для тщательной отработки маршрута и поиска дополнительных следов преступления (выброшенных или утерянных вещей, например, окурка сигареты, орудия преступления или места выслеживания жертвы и др.). СРС в этом случае должна прорабатывать след нижним чутьем, не срезая углов по ходу движения, т. е. двигаться строго по следу. При обнаружении каких-либо следов или предметов специалист-кинолог обязан уведомить об этом следователя и совместно со специалистом-криминалистом определить дальнейший алгоритм их фиксации и изъятия.

Немаловажно совместно определить и перечень мероприятий, которые должны быть выполнены по сохранению запаховых следов и обстановки на месте происшествия как до прибытия специалиста-кинолога, так и во время использования СРС. Так, в соответствии с Наставлением по организации кинологи-

ческих подразделений органов внутренних дел Российской Федерации кинолог должен принять меры к сохранению обстановки места происшествия и не допускать, чтобы животное загрязняло или деформировало объект-запахоноситель, поскольку это затрудняет или делает невозможными экспертные исследования. Однако, в соответствии с кинологическими правилами, разработанными для служебно-прикладного вида спорта для подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, сигнальное поведение служебно-розыскной собаки подразумевает, наряду с бесконтактными способами (посадка, облаивание и т. д.), и такие контактные способы, как царапание и покусывание¹¹. Очевидно, что использование контактного способа сигнального поведения служебной собаки при обнаружении искомых предметов явно противоречит одному из важнейших требований криминалистики – о необходимости сохранения следовой обстановки. Современная криминалистическая одорология этих проблем не решает.

При изложении тактики производства отдельных следственных действий с участием специалиста-кинолога необходимо предусмотреть и информацию, связанную с поиском и обнаружением как следов человека, так и иных следов и объектов, представляющих интерес с точки зрения обеспечения безопасности. В этой связи предлагаем пример порядка действий специалиста-кинолога в ходе обыска помещения с целью обнаружения наркотических средств. Здесь алгоритм деятельности специалиста-кинолога во многом аналогичен ранее рассмотренному в ходе осмотра места происшествия, но имеет некоторые особенности. Так, уже на подготовительной стадии следователь обязан выяснить у специалиста-кинолога, на поиск каких видов наркосодержащих и психотропных веществ (далее – НСПВ)

прошла подготовку его СРС, и сопоставить эту информацию со сведениями, полученными из оперативных источников. При этом также полезно уточнить, имела ли дело СРС ранее с натуральными НСПВ или дрессировалась исключительно на имитаторах запаха. Это позволит своевременно принять решение о замене СРС или о более критичной оценке ее поисковой деятельности. Также на обзорной стадии обыска следователь уточняет способ поиска (последовательный, выборочный, концентрический, эксцентрический и т. д.) и вид сигнального поведения СРС. В том случае, если сигнальное поведение СРС носит контактный характер, следователь дает обязательные для кинолога указания о недопустимости нарушения следовой обстановки и о способах обозначения специалистом-кинологом промежуточных и итоговых результатов поиска.

Далее с учетом произведенных специалистом-кинологом обозначений производится выборочный и затем последовательный обыск. По окончании обыска полезно осуществить контрольное применение СРС.

Аналогичным образом может быть проведен обыск в целях обнаружения как взрывчатых веществ и взрывных устройств, так и других объектов, применение розыскной собаки при поиске которых целесообразно.

Ход и результаты своей деятельности в ходе следственного действия специалист-кинолог отражает в акте о применении розыскной собаки. Данный акт составляется в соответствии с «Наставлением по организации деятельности кинологических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденным Приказом МВД России от 31 декабря 2005 г. № 1171.

«Очевидно, что следователь должен быть заинтересован получать от киноло-

га информацию, которую в дальнейшем можно было бы использовать не только в качестве ориентирующей. Соответственно, такая информация должна быть облечена в одну из известных процессуальному закону форм и представлена следователю в установленном порядке. Однако составляемый кинологом акт о применении розыскной собаки не известен УПК, к тому же анализ составляемых кинологом документов позволяет заметить, что они недостаточно подробно отражают ход и результаты участия кинолога в следственном действии»¹². В этой связи считаем целесообразным в случаях, когда собака «взяла след», составление кинологом (помимо указанного акта) заключения специалиста с подробным изложением информации о применении розыскной собаки, полученных результатах и по другим специальным вопросам, требующим разъяснения.

Вместе с тем зачастую на практике при производстве осмотра места происшествия следователи ограничиваются лишь истребованием у специалиста-кинолога акта о применении СРС и даже не включают кинолога в протокол следственного действия в качестве участника, чем значительно ограничивают его права. Таким образом, действия кинолога сводятся к оперативно-розыскному мероприятию, которое в свою очередь должным образом не оформляется, так как специалист-кинолог субъектом оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) не является. Данная негативная ситуация во многом объясняется объективными причинами. Она обусловлена тем, что, выполняя свои профессиональные обязанности, специалист-кинолог практически в самом начале следственного действия покидает место осмотра в поисках следов преступления. Получается, что при включении его в качестве участника следственного действия в протокол он теоретически «на бумаге» есть, а «на

практике» нет. Проводя аналогию, можно допустить, что, вписав анкетные данные понятых в протокол в начале осмотра места происшествия, их можно отправить по домам, а потом снова пригласить в конце осмотра для получения удостоверительных подписей на бланке. Однако, согласно ч. 4 ст. 177 УПК РФ «все обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть предъявлено участникам осмотра». Следовательно, все участники следственного действия на всем его протяжении должны находиться на месте осмотра, следить за его ходом, делать замечания и т. д.

Как поступить в данной ситуации? Дать кинологу возможность произвести поиск следов «по горячим следам» и затем вместе продолжить осмотр или произвести осмотр места происшествия и затем совместно с кинологом пойти на поиск следов преступника?

Данный вопрос явно нуждается в проработке со стороны ученых-криминалистов.

В криминалистической методике расследования отдельных видов и групп преступлений криминалистической одорологии пока также не отведено достойного места.

Криминалистическая методика как заключительная часть криминалистики аккумулирует в себе данные общей и частных теорий криминалистики, показывает, как использовать достижения криминалистической техники и тактики в процессе расследования конкретных преступлений в зависимости от их видовой или групповой принадлежности. Следовательно, именно изучение содержания данного раздела криминалистики наиболее наглядно демонстрирует существующие проблемы в научно-методическом обеспечении криминалистической одорологии и использовании ее рекомендаций при раскрытии и расследова-

нии преступлений. Все это не позволяет в полной мере использовать современные возможности биодетекции при расследовании таких преступлений, как кражи, грабежи, разбои, убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств и ряда других, где запаховые следы традиционно занимают ключевое место в системе средств доказывания, позволяя получить объективную, наглядную и убедительную розыскную и доказательственную информацию при установлении истины по делу.

Таким образом, криминалистическая одорология как наука в современном ее состоянии не отвечает в полной мере запросам следственной и судебной практики. Ее переход на качественно новый уровень невозможен без принципиального переосмысления предмета научного познания. Предмет криминалистической одорологии должен включать не только вопросы отождествления человека по его запаховым следам, но и технико-криминалистические и тактико-криминалистические особенности обнаружения, выявления, фиксации и исследования таких следов, а также их использование при раскрытии и расследовании отдельных видов и групп преступлений. При этом криминалистическая одорология методологически должна охватывать работу не только с запаховыми следами человека, но весь спектр объектов, запаховые следы которых представляют криминалистический интерес (оружие и боеприпасы, наркотические средства, взрывчатые вещества и др.).

Именно при этом условии криминалистическая одорология будет продолжать развиваться как наука, способствующая обеспечению безопасности и правопорядка в государстве.

¹ См.: Панфилов П. Б. Биодетекция и интерпретация поведения собак-детекторов в идентификационном ольфакторном исследовании // Судебная экспертиза. 2008. № 3 ; Салтеевский М. В. Криминалистическое следоведение. Следы запаха человека (криминалистическая одорология) // Криминалистика : учеб.-практ. пособие. Харьков, 1997 ; Старовойтов В. И. Судебная ольфакторная экспертиза следов пахнущих веществ из крови и пота человека // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2011. № 12. С. 70–79.

² См.: Шамонова Т. Н. и др. Использование запаховой информации при расследовании убийств и других преступлений против личности. М., 1997.

³ См.: Макарчук Н. Е., Калуев А. В. Обоняние и поведение. Киев, 2000. С. 6.

⁴ См.: Исследование запаховых следов человека : учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Моисеевой, В. Г. Савенко. М., 2008. С. 22.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н. О криминалистическом обеспечении кинологической деятельности // Материалы Ежегодной всероссийской научно-практической конференции 25 ноября 2016 г. «Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга». СПб., 2016. С. 9.

⁷ См.: Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика : учебник. М., 2005.

⁸ См.: Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н. Указ. соч. С. 8.

⁹ См.: Сулимов К. Т. Проблемы кинологического обеспечения криминалистической одорологии (к 90-летию служебного собаководства России) // Следователь. 1999. № 7. С. 32.

¹⁰ Гурдин С. В. Участие специалиста-кинолога на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 8.

¹¹ См.: Об утверждении правил служебно-прикладного вида спорта «служебно-прикладной спорт ФСКН России» : приказ Минспорта России от 23 сентября 2010 г. № 1003.

¹² Гурдин С. В. Указ. соч. С. 8.

ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, г. Москва,
Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя

Владимиров В. Ю., заслуженный юрист
России, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУ «Российский
центр судебно-медицинской экспертизы»
Минздрава России, г. Москва, профессор
кафедры криминалистики Московского
университета МВД России имени В. Я. Кикотя

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru
Тел.: 8-903-790-49-41

*Russian Center for Forensic Medical Examination
of the Ministry of Health of Russia, Moscow,
Moscow University of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya*

Vladimirov V. Yu., Honored Lawyer of Russia,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the
Russian Center for Forensic Medical Examination
of the Ministry of Health of Russia, Moscow,
Professor of the Department of Criminalistics of the
Moscow University of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru
Tel.: 8-903-790-49-41

*Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя*

Горбулинская И. Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований

*E-mail: irinag-70@mail.ru
Тел.: 8-910-445-91-91*

*Научный центр стратегических исследований
Росгвардии*

Коршунов А. В., офицер группы 6 научного отдела

Тел.: 8-910-445-91-91

*Moscow University of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya*

Gorbulinskaya I. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Technical and Forensic Support for Expert Research

*E-mail: irinag-70@mail.ru
Tel.: 8-910-445-91-91*

*Scientific Center for Strategic Studies
of Rosgvardia*

Korshunov A. V., Officer of Group 6 of the Scientific Department

Tel.: 8-910-445-91-91

М. В. Галдин

*Московская академия Следственного комитета РФ,
третий факультет повышения квалификации (г. Новосибирск)*

О ПОНЯТИИ ПРОЖИВАЮЩЕГО В ЖИЛИЩЕ ЛИЦА, КОТОРОЕ ИМЕЕТ ПРАВО ДАВАТЬ СОГЛАСИЕ НА ЕГО ОСМОТР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А н н о т а ц и я: автором проанализированы реализация конституционного принципа неприкосновенности жилища и допустимость его ограничения в сфере уголовного судопроизводства. С учетом судебной практики и научных взглядов рассмотрены некоторые аспекты производства осмотра жилища. Предпринята попытка сформулировать отсутствующее в уголовно-процессуальном законодательстве понятие лица, проживающего в жилище, которое вправе давать согласие на его осмотр.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следственное действие, осмотр места происшествия, жилище, проживающее в жилище лицо, согласие на осмотр жилища.

ABOUT DEFINITION OF THE TENANT, WHO HAS THE RIGHT TO CONSENT TO HIS INSPECTION OF THE DWELLING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A b s t r a c t: the author analyzed the implementation of the constitutional principle of the inviolability of the dwelling and the admissibility of its limitations in criminal proceedings. Taking into account judicial practice and scientific views, some aspects of the inspection of housing are considered. An attempt was made to formulate the notion of a tenant, who has the right to consent to his inspection.

Key words: investigative action, inspection of the scene, dwelling, tenant, consent to inspection of the dwelling.

Поступила в редакцию 28 сентября 2018 г.

Стандартом государственной власти и правозащитной деятельности прежде всего является эффективность реализации конституционно-правовых норм в правовых отношениях. Имеющий прямое действие Основной закон нашей страны определяет гарантии прав и свобод человека и гражданина, одной из которых является право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Наряду с неприкосновенностью частной жизни и личной неприкосновенностью пра-

во на неприкосновенность жилища означает, что войти в него против воли проживающих в нем лиц возможно только в случаях, предусмотренных федеральным законом или на основании судебного решения¹.

П. Ю. Тюрин под неприкосновенностью жилища понимает особое состояние личного, индивидуального и недоступного посторонним места, призванного обеспечить, охранять и гарантировать комфортное проживание, протекание естественно необходимых процессов, целостность и сохранность информации о частной, ин-

---

© Галдин М. В., 2019

тимной стороне жизни лица, его личные и семейные тайны на данной закрытой территории (жилище), а также гарантию от нежелательного их (тайн) поиска и распространения различными незаконными способами и приемами как со стороны любых физических лиц, так и государства, его органов и институтов². С учетом конституционных и международных норм право на неприкосновенность жилища представляет собой гарантированное субъективное право личности на безопасное проживание, предусматривающее обязательное выражение согласия на допуск посторонних лиц в свое жилище.

Частью третьей ст. 3 Жилищного кодекса РФ предусмотрено, что проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая.

В сфере уголовного судопроизводства проникновение в жилое помещение обусловлено необходимостью производства в нем следственных действий (ст. 177, 182, 183 УПК РФ). О возможности проникновения в жилище для производства прочих процессуальных действий закон умалчивает. Исходя из природы уголовно-процессуального принципа неприкосновенности жилища полагаем, что неприкосновенность жилища распространяется на другие процессуальные действия (на-

пример, освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний, допрос, очная ставка). В частности, Конституционный Суд РФ исходит из того, что ст. 194 УПК РФ не содержит дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний³. Действительно, если от жильцов получено согласие на допрос одного из них в жилом помещении, то проникновение с целью производства этого следственного действия не может свидетельствовать об ограничении права на неприкосновенность. Здесь же обратим внимание, что получение судебного решения о производстве осмотра жилища в отсутствие согласия проживающих в нем лиц обязательно в стадии возбуждения уголовного дела⁴.

Полномочие проникать в жилище закреплено в специальных «статусных» законах, определяющих пределы компетенции сотрудников властных органов. Так, частью первой ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» предусмотрено право сотрудника Следственного комитета входить в жилье и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление⁵.

О. Я. Баев совершенно справедливо указал, что при осмотре жилища одна из первых тактических задач следователя заключается в убеждении проживающих в нем лиц дать согласие на проведение осмотра⁶. Такой прием криминалистической тактики вытекает из требований части первой ст. 11 и части десятой ст. 166 УПК РФ, в соответствии с которыми следователь обязан разъяснить участвующим лицам права, обязанности,

цель и порядок производства следственного действия. При возникновении конфликтных ситуаций следователю прежде всего необходимо убедить присутствующих жильцов в необходимости осмотра жилища, разъяснить последствия противодействия его законным требованиям и только после этого обратиться к мерам принуждения.

Законом не запрещено вхождение в жилое помещение для его осмотра в принудительном порядке⁷, т. е. с применением физической силы, вскрытием запертых дверей, ведущих как в само жилище, так и во входящие в него жилые и нежилые помещения. Такое принуждение должно быть минимально необходимым, не унижающим честь и достоинство личности, не причиняющим вреда здоровью и не носящим характер насилия, но в то же время обеспечивающим цель своего проведения. Однако вскрытие сейфов, иных хранилищ, открывание дверей, ящиков в предметах мебели, а также прочие мероприятия поискового характера в рамках осмотра запрещены. Они могут быть произведены при обыске, который допустим только после возбуждения уголовного дела. Весьма показательным в этом отношении представляется приговор Забайкальского краевого суда от 16 ноября 2016 г., в соответствии с которым одним из доказательств явился протокол осмотра дома. Апелляционная инстанция признала несостоятельными доводы осужденного и непротиворечащим положением ст. 177 УПК РФ то обстоятельство, что во время осмотра была открыта крышка подполья и сделан распил пола для извлечения трупов⁸. Не секрет, что на практике осмотр места происшествия является одним из первоначальных следственных действий, от эффективности и результативности производства которого во многом зависит законность итогового

решения. В том числе по этой причине учеными-процессуалистами неоднократно высказывалось мнение о необходимости внесения изменений в ст. 177 УПК РФ, которые бы прямо позволяли следователю вскрывать помещения не только при обыске, но и при осмотре⁹. Такой подход представляется оправданным частью третьей ст. 55 Конституции РФ и соответствующим принудительному характеру следственных действий.

Принудительным характером осмотра охватывается как само обследование жилища, так и изъятие предметов и документов (ч. 2 и 3 ст. 177 УПК РФ). По данному поводу имеется устоявшаяся правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой проживающее в жилище лицо, давая согласие на осмотр своего жилища, не лишено возможности осознавать, что обнаруженные при этом предметы, имеющие отношение к уголовному делу, могут быть осмотрены на месте или изъяты¹⁰.

Если хотя бы одно из проживающих в жилище лиц возражает против осмотра, на производство осмотра требуется разрешение суда¹¹. Однако понятие лица, проживающего в жилище, в законе отсутствует. На этот недостаток практически сразу после принятия действующего УПК РФ обратили внимание О. Я. Баев и М. О. Баев¹². Не дается определение этого понятия и в разъяснениях Верховного Суда РФ, о чем уже высказывались сожаления в научных публикациях¹³.

Д. О. Серебров дает узкое определение проживающим в жилище лицам, понимая под ними владельцев на правах собственности (если квартира приватизированная), квартиросъемщиков, зарегистрированных в нем постоянно или временно (или их родственников)¹⁴.

Толкуя часть пятую ст. 177 УПК РФ, О. Я. Баев предложил понимать под про-

живающими в жилище лицами совершеннолетних, постоянно или временно проживающих в подлежащем осмотру жилком помещении или владеющих им на праве частной собственности, независимо от факта их регистрации в этом жилище¹⁵.

Развернутое определение проживающих в жилище лиц с выделением их категории дается В. М. Харзиновой. Ими она считает постоянно или временно проживающих в нем собственников; нанимателей помещения по договору социального найма или по договору аренды; граждан, а также проживающих совместно с ними совершеннолетних членов их семей (супруга, детей, родителей и др.) и других родственников, не являющихся членами их семей; нетрудоспособных иждивенцев, опекунов, попечителей и иных лиц, вселенных в помещение в установленном законом порядке¹⁶.

Если собственник жилища не проживает в жилище, то получать от него согласие на осмотр не требуется¹⁷. Согласия прочих лиц, которые находятся в жилище противоправно либо по иной, не связанной с проживанием, причине, например, в связи с выполнением работ или оказанием услуг (няня, кухарка, домработница и др.), испрашивать не требуется.

В науке преобладает мнение о том, что при проживании в жилище недееспособных граждан или несовершеннолетних согласие на проведение осмотра следует испрашивать у их законных представителей. А. В. Писарев отмечает, что в исключительных случаях проведение осмотра допустимо с согласия несовершеннолетних жильцов. Если же в помещении находятся и взрослые, и несовершеннолетние, то волеизъявление последних не должно учитываться при получении согласия на осмотр¹⁸. Такой подход продолжает оставаться актуальным и не противоречит действующему законодательству.

Важным для нас представляется выделение А. В. Павловым в качестве обязательного критерия отнесения жильца, имеющего право выражать согласие или несогласие на осмотр факта его присутствия в жилище или в непосредственной близости от него. Законодатель не уточняет, следует ли получать судебное решение или выносить постановление о производстве осмотра в случаях, не терпящих отлагательства тогда, когда проживающее в жилище лицо не согласно на его осмотр, однако не присутствует при этом. Большинство практиков полагает, что согласие на осмотр жилища следует получать от жильцов, которые присутствуют при производстве этого следственного действия. Анализ судебной практики по данному вопросу не противоречит этому. Так, апелляционная инстанция Верховного Суда РФ признала, что судебного разрешения на осмотр дома не требовалось, поскольку осмотр проводился в присутствии и *с участием лица*, проживавшего в доме с согласия сестры собственника¹⁹.

Сравнительный анализ ст. 177 и 182 УПК РФ позволяет сделать вывод, что осмотр, в отличие от обыска, может быть произведен и в отсутствие жильцов. От практиков достаточно часто приходится слышать, что в таких случаях к осмотру жилища следует привлекать представителей местной администрации или жилищно-эксплуатационной организации. Полагаем, что такое мнение сформировалось на основе части второй ст. 169 УПК РСФСР 1960 г., согласно которой в случае невозможности присутствия лица, у которого производится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи приглашаются представители жилищно-эксплуатационной организации, исполнительного комитета поселкового или сельского Совета народных депутатов. Признавая

разумность такого правила и учитывая мнение практических работников, присоединяемся к позиции ряда ученых, ратующих за возвращение этой нормы в действующий уголовно-процессуальный закон²⁰, а также его распространение на производство иных следственных действий в жилище, в том числе и на осмотр. Сейчас такой подход представляется атавизмом, поскольку обязанности обеспечивать участие представителей жилищно-эксплуатационной организации в осмотре жилища в отсутствие проживающего в нем лица законом не предусмотрено.

С учетом приведенных выше взглядов считаем, что лицами, которые проживают в жилище и имеют право давать

согласие на его осмотр, являются присутствующие перед началом производства этого следственного действия лица, которые занимают жилое помещение на законных основаниях, вселены в установленном порядке, а также те, кто проживает в жилище с разрешения первых. Таким образом, за основу нами предлагается взять всего три критерия: факт проживания в жилище на законном основании, законность пользования жилым помещением и присутствие перед началом производства осмотра. При этом следует отдавать предпочтение мнению дееспособного жильца о согласии на осмотр жилища перед мнением недееспособного, в том числе несовершеннолетнего.

¹ См.: Популярный юридический энциклопедический словарь / редкол.: О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. М., 2000. С. 426–427.

² См.: *Тюрин П. Ю.* Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 17.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 911-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

⁴ См.: *Галдин М. В.* О допустимости протокола осмотра в качестве доказательства при ограничении прав проживающих в жилище лиц // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Ю. Д. Лившица : в 2 ч. Челябинск, 2014. Ч. II. С. 75.

⁵ См.: О Следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Рос. газета. 2010. 30 дек. № 296.

⁶ См.: *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 82.

⁷ См.: *Кальницкий В. В.* Глава 24. Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 72-АПУ16-34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Семенцов В. А.* О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 7–10.

¹⁰ См., напр.: Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 г. № 551-О, от 25 сентября 2014 г. № 1897-О, от 19 июля 2016 г.

№ 1665-О, от 24 декабря 2013 г. № 2027-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

¹² См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* УПК РФ 2001 г. : достижения, лакуны, коллизии. Возможные пути заполнения и разрешения последних. Воронеж, 2002. С. 81.

¹³ См., напр.: *Ковтун Н. Н.* Судебное «санкционирование» следственных действий // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 16.

¹⁴ См.: *Серебров Д. О.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью следственных действий, ограничивающих конституционные права личности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 113.

¹⁵ См.: *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 82.

¹⁶ См.: *Харзинова В. М.* Проблемы производства следственного осмотра // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1 (19). С. 49.

¹⁷ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 171П14 / «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10, октябрь.

¹⁸ См.: *Писарев А. В.* Актуальные проблемы правового регулирования производства осмотра жилища // Уголовное досудебное производство : проблемы теории и практики : материалы межвузовской науч.-практ. конф. Омск, 2004. С. 76.

¹⁹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 72-АПУ16-34.

²⁰ См., напр.: *Овчинников Ю. Г.* Проведение обыска в жилище в отсутствие проживающих в нем лиц : процессуальный аспект // Законность. 2016. № 5. С. 64–67 ; *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* УПК РФ : нужны коррективы // Государство и право. 2004. № 6. С. 101.

Московская академия Следственного комитета РФ, третий факультет повышения квалификации (г. Новосибирск)

Галдин М. В., доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса

E-mail: galdin_m_v@mail.ru
Тел.: 8 (383) 217-00-22

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, third faculty of advanced training (Novosibirsk)

Galdin M. V., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure

E-mail: galdin_m_v@mail.ru
Tel.: 8 (383) 217-00-22

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ФОНОСКОПИЯ:
НАЗАД В БУДУЩЕЕ (ИСТОКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
УЧЕНИЯ О ЦИФРОВЫХ ЗВУКОВЫХ СЛЕДАХ
В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА О. Я. БАЕВА)**

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются положения криминалистической фоноскопии, изложенные в трудах О. Я. Баева, дающие мощный импульс для развития теории и практики криминалистики и уголовного процесса, в целях использования в доказывании цифровых фонограмм как новых объектов криминалистического исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровые звуковые следы, криминалистическая фоноскопия.

**FORENSIC PHONOSCOPY: BACK TO THE FUTURE
(THE ORIGINS OF THE FORENSIC DOCTRINE
OF DIGITAL SOUND TRACKS IN THE WORKS
OF PROFESSOR O. YA. BAYEV)**

A b s t r a c t: the article deals with the provisions of forensic phonoscopy, set out in the works of O. Ya. Bayev, giving a powerful impetus to the development of the theory and practice of criministics and criminal procedure, in order to use in forensic research digital phonograms as new evidence objects.

Key words: forensic phonoscopy, digital sound tracks.

Поступила в редакцию 10 октября 2018 г.

Криминалистическая фоноскопия как раздел криминалистической техники, изучающий звуковые следы, природу и закономерности их образования, средства, приемы и методы фиксации на материальном носителе, изъятия, исследования и использования в целях раскрытия и расследования преступлений, возникла на стыке разных наук из объективной потребности криминалистов в получении объективных научных фактов на основе криминалистического исследования таких следов пре-

ступления, как голос и речь человека, звуки выстрелов и иных источников, запечатленных на материальном носителе, позволяющем многократно их воспроизводить, прослушивать и анализировать.

Сегодня криминалистическая фоноскопия заняла прочное место в структуре науки криминалистики, обосновавшись в разделе «Криминалистическая техника». В научных трудах О. Я. Баева как известного криминалиста и процессуалиста, ученого с энциклопедическими знаниями вопросам криминалистической фоноскопии всегда уделялось особое внимание.

В данной статье, не имея возможности рассмотреть все огромное множество монографий, учебников и учебных пособий, статей и других работ профессора О. Я. Баева, мы обратимся к некоторым его работам, в которых были высказаны важные идеи, давшие многим криминалистам мощный творческий импульс и надежную процессуальную почву для исследования появившихся в связи с развитием технического прогресса новых следов преступлений – цифровых звуковых следов, а также затронуты вопросы о допустимости в доказывании по уголовным делам цифровых фонограмм как результатов оперативно-розыскной деятельности. Некоторые идеи, касающиеся криминалистической фоноскопии, оказались, на наш взгляд, незаслуженно забытыми, и к ним хочется привлечь особое внимание. Это тем более важно, потому что профессор О. Я. Баев поистине обладал удивительным талантом писать просто об очень сложном.

Рассмотрев состояние российской криминалистики начала XXI в., основные направления развития и современные проблемы, О. Я. Баев писал: «Информация, циркулирующая в рамках уголовного судопроизводства, – лишь вид информации в широком значении этого понятия. В результате совершения преступления возникают не доказательства как таковые в уголовно-процессуальном смысле, а информация, связанная с совершением преступления, с фактами изменения вследствие этого отображаемой реальности. Такая информация существует объективно, вне сознания лица, расследующего преступление (или иного субъекта уголовно-процессуального доказывания). Ее возникновение, сохранение, возможности переработки подчиняются определенным объективным закономерностям»¹. По мысли О. Я. Баева, современный этап развития криминалистики знаменуется активными исследова-

ниями всех составляющих ее систему элементов. В области криминалистической техники обострившаяся криминальная обстановка в стране актуализирует и задачи криминалистической фоноскопии. Он подчеркивал: «Значимым, как показывает криминалистическая практика, становится создание научно обоснованных методик распознавания различных фальсификаций доказательств, в частности, аудио- и видеозаписей, изменения, которые могут вноситься заинтересованными лицами путем монтажа с использованием новейших технологических достижений»².

Современная практика раскрытия и расследования особо опасных преступлений демонстрирует новые изошренные формы противодействия расследованию с применением современных компьютерных, информационных и коммуникационных технологий, позволяющих фальсифицировать аудио- и видеоматериалы, которые по многим категориям дел содержат важную криминалистически значимую информацию.

Известно, что по уголовным делам, сопряженным с взяточничеством, коммерческим подкупом, похищениями людей, вымогательством, экстремистскими проявлениями, актами терроризма и др., доказательственная база формируется не только показаниями потерпевших, свидетелей и иных лиц, но и объективными результатами документирования преступной деятельности в ходе применения аудио- и видеотехники при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Особенностью данной группы аудиовидеоматериалов является применение специальной техники, разработанной и предназначенной для негласного съема информации. Известно, что аппаратура фиксации вносит в начало структуры полученных файлов информационные поля, которые могут быть выяв-

лены в ходе проведения исследования бинарной структуры файлов. Для проверки того, каким образом сформированы информационные поля в файлах, служащих источником криминалистически значимой информации, а также проверки их оригинальности необходимо получение сведений об аппаратуре, на которой производилась фиксация аудиовидеоданных, сведения о программных комплексах, используемых на данной аппаратуре, а также производство контрольных записей, выполненных на аппаратуре фиксации.

Для снятия сомнений в неизменности содержимого записываемых файлов тактико-конструктивные характеристики цифровых регистраторов, используемых для фиксации телефонных переговоров, негласной аудиовидеозаписи при проведении наблюдения, оперативного эксперимента и иных ОРМ, не должны позволять оператору производить прерывание процесса записи (должна отсутствовать конструктивная возможность). Программные средства, применяемые для взаимодействия пользователя с аппаратурой, также не должны вносить изменения, в том числе монтаж, в полученные файлы. Соблюдение указанных требований к аппаратуре фиксации и выполнение мероприятий по документированию результатов ОРМ в соответствии с действующими инструкциями существенно снижает риск искусственного манипулирования полученными данными.

Отдельную группу составляют фонограммы (видеозаписи), которые производятся следователем или приглашенным им специалистом для фиксации хода и содержания процессуального действия. Здесь гарантией подлинности и достоверности аудиовидеозаписей, прилагаемых к протоколам следственных действий, является соблюдение общего порядка их производства и процессуального оформления.

Однако этого нельзя сказать про ситуацию, где в качестве источника доказательственной информации фигурируют аудио- и видеофонограммы, произведенные самими гражданами на бытовые диктофоны, мобильные телефоны и т. п., в целях записи поступающих в их адрес угроз, вымогательства и иных противоправных действий. В последнее время нередко адвокаты записывают на диктофон или мобильный телефон происходящее в ходе следственного действия (например, при предъявлении обвинения), которое, по мнению стороны защиты, проводится незаконно. Например, мотивируя тем, что обвиняемый в силу нездоровья не мог адекватно воспринимать происходящее, следователем не в полном объеме разъяснены права обвиняемого, либо внесенные следователем в протоколы записи не в полном объеме отразили происходящее и т. д. В результате действия (бездействия) следователя (обоснованно или по надуманным поводам) обжалуются, что в любом случае затягивает расследование, позволяя злоупотреблять обвиняемому и его защитникам своими правами, нарушая тем самым права потерпевшего.

Известно, что методические требования, предъявляемые к вовлекаемым в уголовное судопроизводство аудиовидеофонограммам, – это производство записи устройством, которое не позволяет манипулировать данными, которые должны сохраняться в неизменном и полном виде, обеспечивая возможность их проверки и оценки на всех этапах уголовного судопроизводства.

Совершенно очевидно, что профессиональное противодействие защитой уголовному преследованию может проявляться в попытках лишить доказательственного значения приобщенные к материалам уголовного дела аудио- и видеоматериалы, оспаривая их допустимость, достоверность и подлинность, либо заяв-

лять об их фальсификации (монтаже, редактировании, постановочном характере) с целью инсценировки, шантажа или искусственного создания доказательств мнимого преступления.

В этой связи приоритетной задачей является разработка новых криминалистических направлений диагностики аутентичности аудиовидеодоказательств. Не менее важно оптимизировать инструкторские материалы, регулирующие порядок обращения с доказательствами, в том числе цифровыми.

На проблемы допустимости цифровых фонограмм, получаемых в результате оперативно-розыскных мероприятий, и оценки их достоверности О. Я. Баев заострял внимание при изложении методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него в перспективной ситуации расследования взятничества: «Дело в том, что для производства скрытой аудио- и видеозаписи в настоящее время все чаще используется аппаратура, основанная на цифровых технологиях. Они же, как известно, представляют самые широкие возможности для создания практически любого монтажа... Заметим, что эту технологическую особенность достаточно часто и, как показывает практика, зачастую небезуспешно использует сторона защиты, ставя под сомнение подлинность использованной при доказывании обвинения фонограммы, выполненной при подготовке и осуществлении оперативного эксперимента по рассматриваемой категории уголовных дел»³.

Ситуация осложняется при криминалистическом исследовании фонограмм, не являющихся оригиналами, а полученных путем копирования или перезаписи. Следовательно, получая добытые в результате оперативно-розыскной деятельности носители аудио- и видеoinформации, осуществляет их осмотр, прослушивание, решает вопрос о приобщении к матери-

алам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, проводит необходимые процессуальные действия по их проверке на предмет относимости, допустимости и достоверности. В этих целях нередко назначаются и проводятся судебная фоноскопическая, видеотехническая экспертиза и др., перед которыми ставятся задачи выявления признаков копирования, монтажа, стирания, выборочной фиксации, установление признаков иных изменений, привнесенных в информацию о записываемом событии.

Однако возможности таких экспертиз для установления достоверности копий или результатов перезаписи аудио- и видеоматериалов, происхождение которых процессуально не установлено, существенно ограничены. Задача же установления аутентичности цифровых материалов при отсутствии оригиналов становится трудноразрешимой, так как отсутствие на фонограмме-копии признаков монтажа или изменений, внесенных в процессе записи или после ее окончания, вовсе не означает, что указанные признаки отсутствуют на фонограмме-оригинале.

Если оригинальная фонограмма записывается, например, с использованием цифрового устройства, а затем подвергается монтажу или голос модифицируется с помощью специальных устройств, после чего видоизмененная фонограмма копируется на аналоговый носитель, то получится аналоговая «копия» цифровой фонограммы, где признаки монтажа или привнесенных изменений голоса могут вообще отсутствовать. Дату и время записи по аналоговой фонограмме, в отличие от файла, установить не представляется возможным. В итоге получается видоизмененная фонограмма, соответствие содержания которой исходной установить сложно.

Однако чаще аудио- и видеоматериалы поступают к следователю в цифровом виде на оптическом носителе (ком-

пакт-диске) и ином съёмном носителе. Поскольку цифровые аудио- и видеозаписи являются информацией, представленной в бинарном коде в виде файлов, при их поиске, обнаружении, фиксации, изъятии, исследовании и хранении необходимо руководствоваться принципами, закрепленными в практике Международной организации по цифровым доказательствам (ЮСЕ)⁴. Названные принципы обязательны для соблюдения при проведении любых судебных экспертиз, сопряженных с исследованием информации, представленной в двоичном виде, и носителей такой информации. Поэтому, приобщая цифровые носители к материалам уголовного дела, следует детально документировать свойства файлов (включая контрольные суммы файлов), поскольку любые манипуляции по изменению их содержимого неизбежно приводят к изменению отдельных свойств или атрибутов файла.

Несоблюдение этих простых требований приводит к тому, что сомнению подвергается фонограмма или видеозапись независимо от источника происхождения только по причине цифровой формы представления информации.

Это во многом объясняется и тем, что в последнее время активизируются исследования по синтезу речи, разрабатываются устройства «клонирования» голоса человека-мишени. Широко распространенные в быту программные звуковые редакторы уже сегодня способны с высокой точностью производить компьютерный монтаж, микширование звуковых сигналов, используя разнообразные средства манипуляции со звуковой информацией. Профессионализм мастеров подделки начинает конкурировать с мастерством и профессионализмом экспертов. Поэтому создание более совершенных экспертных методик для достоверного выявления признаков фальсификации фонограмм и видеозаписей выступает в качестве при-

оритетной задачи судебно-экспертной деятельности.

Еще одна идея, высказанная О. Я. Бавевым, нуждается в дальнейшем осмыслении. Как известно, представляемые на фоноскопическую экспертизу фонограммы могут быть получены следующим образом:

– в результате осуществления контроля записи телефонных и иных переговоров по постановлению следователя (на основании судебного решения) или по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля или их близких родственников (при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий); фонограммы приобщаются в полном объеме к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства на основании постановления следователя и в порядке ст. 186 УПК РФ;

– в результате применения в ходе оперативно-розыскных мероприятий технических средств, которые используются в доказывании (на основании ст. 89 УПК РФ и ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), если они отвечают требованиям ст. 86, 87, 88 УПК РФ, регламентирующих собрание, проверку и оценку доказательств;

– получены и представлены для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также защитником, который также вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений для осуществления юридической помощи (ст. 86 УПК РФ);

– как объекты, предположительно связанные с совершением и сокрытием преступления, могут быть обнаружены и изъяты при осмотре (ст. 176 УПК РФ), при обыске (ст. 182, 184 УПК РФ), выемке (ст. 183 и 185 УПК РФ).

Собранные фонограммы приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств (после их осмотра и прослушивания в соответствии с требованиями ст. 81, 176 и 177 УПК РФ). Результаты осмотра отражаются в протоколе осмотра и прослушивания фонограммы (с соблюдением требований ч. 3 ст. 180 УПК РФ).

Фонограммы могут быть получены при производстве следственных и иных процессуальных действий (ст. 164, 166, 186, 189, 190, 259 УПК РФ); они хранятся при уголовном деле, по существу, являясь иными документами, прилагаемыми к соответствующим протоколам.

Рассматривая уголовно-процессуальную регламентацию контроля и записи переговоров⁵, О. Я. Баев высказал научно обоснованные сомнения отнесения такого действия к следственным действиям, считал его оперативно-розыскным мероприятием, предлагал исключить ст. 186 из действующего УПК как не соответствующую существу и системе предусмотренных им следственных действий и гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве: «Анализируемая уголовно-процессуальная новелла не обязывает следователя знакомить обвиняемого и его защитника даже при их ознакомлении с материалами дела в порядке ст. 217 УПК со всеми фонограммами всех записанных телефонных и иных переговоров, в том числе и тех, в которых принимал участие обвиняемый. Это не исключает того, что к делу окажутся не приобщенными те из них, которые могли бы свидетельствовать в пользу обвиняемого»⁶.

И еще один важный момент, на который обращал внимание О. Я. Баев, но который требует сегодня активных исследований криминалистов, связан с проблемой идентификации лица по голосу и речи на иностранных (добавлю, и этнических в условиях многонациональной Рос-

сии – ЕИГ) языках, возможностью привлечения «высококвалифицированных переводчиков для адекватного воспроизведения на русском языке содержания переговоров (их частей), осуществляемых на том или ином иностранном языке»⁷.

На современном уровне развития криминалистической фоноскопии данную задачу можно решить с привлечением информационных речевых технологий и теории распознавания слуховых образов. В теории распознавания образов классической задачей считается разделение процесса определения личности говорящего на верификацию и идентификацию. Под верификацией подразумевается следующая ситуация. Говорящий объявляет, кто он такой (называет свою фамилию, PIN-код или другим способом заявляет о своей индивидуальности). Система автоматического распознавания индивидуальных характеристик голоса и речи (или эксперт) должна подтвердить или отвергнуть индивидуальность данного говорящего.

Заявление об индивидуальности (а следовательно, и о праве доступа к тем или иным системам, средствам, информации и т. п.) может сделать как истинный носитель данной индивидуальности, так и злоумышленник. Вероятность, с которой система не должна пропускать «чужого», рассчитывается исходя из риска несанкционированного доступа злоумышленника.

В целом, система верификации может быть охарактеризована двумя вероятностями: ошибки 1-го рода («захват» ложной цели или, в нашей интерпретации, принятие злоумышленника за зарегистрированного пользователя) и ошибки 2-го рода («пропуск» цели или отказ признать зарегистрированного пользователя).

Каждая система верификации может перестраиваться таким образом, что ошибки одного рода могут быть уменьшены за счет увеличения ошибок другого рода (даже при сохранении всех других факто-

ров, влияющих на вероятность ошибки: длительность и характер речевого сообщения, помехи и т. п.). Изменение соотношения ошибок 1-го и 2-го рода достигается за счет изменения порога принятия решения.

В отличие от верификации, идентификация подразумевает следующую ситуацию. Имеется ограниченная и строго контролируемая группа зарегистрированных пользователей системы. При поступлении речевого сигнала на вход системы идентификации по голосу она должна определить, кто из списка зарегистрированных пользователей в настоящий момент вступает в речевой контакт с системой ограниченного доступа.

В определенном смысле задача текстонезависимой идентификации говорящего проще задачи верификации: исключена ситуация наличия возможного злоумышленника. Разделение же допущенных пользователей (особенно при их небольшом количестве) может оказаться более простой задачей, чем задача верификации. Система может быть охарактеризована средней вероятностью правильной идентификации.

К сожалению, на практике ситуация «чистой» идентификации на закрытом множестве возникает довольно редко (анализ и протоколирование переговоров экипажей, выявление каналов утечки информации при контроле телефонных разговоров и т. п.).

В большинстве случаев возникает ситуация так называемой «открытой идентификации» (*open set identification*): ситуация аналогична верификации, но отличается тем, что пользователь не объявляет свою индивидуальность (фамилию, PIN-код или другой индекс индивидуальности) и система должна сверить поступивший речевой сигнал со всеми речевыми эталонами зарегистрированных пользователей. Таким образом, задача открытой идентификации совпадает с задачей многократной верификации.

Следует отметить еще один специфический вариант задачи верификации, когда злоумышленник не пытается получить доступ к системе ограниченного пользования. Он предоставляет сделать это санкционированному (зарегистрированному) пользователю системы. Например – и это наиболее вероятная ситуация – это закрытый канал связи; после того как доступ к системе открыт, злоумышленник может заменить санкционированного пользователя и попытаться получить доступ к интересующей его информации или передать в систему связи какие-либо команды.

Задача системы идентификации в такой ситуации – обнаружить смену индивидуальности говорящего. Очевидно, что смена говорящего (т. е. смена зарегистрированного пользователя злоумышленником) будет происходить скорее всего во время паузы. Таким образом, после каждой паузы необходимо подтверждать идентичность говорящего. Основной задачей для системы в этом случае является вскрытие самого факта проникновения злоумышленника в канал связи.

Для задачи идентификации критическим параметром является число дикторов в эталонном множестве, так как вероятность ошибки будет стремиться к 1 при бесконечно большом числе дикторов. В то же время надежность верификации не связана с числом дикторов в эталонном множестве, однако необходимо иметь широкий набор отличительных признаков голоса. При отождествлении голоса с конкретным субъектом требуется характеризовать результаты этого процесса «степенью близости» в статистическом смысле.

Следовательно, при решении задачи криминалистической идентификации на открытом множестве, когда неизвестный голос на иностранном языке может с определенной долей вероятности не принадлежать ни одному из субъектов эта-

лонного множества, качество распознавания снижается из-за большого числа субъектов эталонного множества (численность населения Земли), а возможность распознавания голоса как постороннего требует полного описания статистических характеристик речи.

В криминалистической фоноскопии количество не поддающихся контролю или просто неизвестных влияний не ограничено, и зафиксировать его в виде конечных статистических величин сложно. Создание автоматической системы, имеющей информацию об особенностях речевой реализации, позволяет автоматически применять «допуски» на условия и обстоятельства записи фонограммы.

Проблема возрастает при необходимости проведения точных идентификационных исследований по голосу, поскольку сопоставление голоса и речи на разных языках, зафиксированных на двух и более фонограммах, проводится на фоне влияний, несопоставимых по условиям, обстоятельствам и состояниям говорящих.

В заключение хочется сказать, что труды О. Я. Баева нельзя прочесть один раз и отложить на полку. Они нуждаются в многократных обращениях, так как каждое новое прочтение позволяет увидеть новые ракурсы, новые идеи, которые имеют реальные шансы на воплощение в криминалистическую науку и практику.

¹ Баев О. Я. Российская криминалистика начала XXI века : направления развития, современные проблемы // Проблемы криминалистики и уголовного процесса (статьи разных лет). Воронеж, 2006. С. 75.

² Там же. С. 82.

³ Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него : науч.-практ. пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М., 2009. С. 153.

⁴ Принципы разработаны по инициативе стран «Большой восьмерки» на Министерской встрече в марте 1998 г., изложены в пункте 21 Итогового коммюнике Саммита G8 14–17 мая 1999 г. в Бирмингеме, приняты в качестве руководящих принципов Международной организацией по цифровым доказательствам (International Organization on Computer Evidence (IOCE)).

⁵ См.: Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3. Воронеж, 2002 ; Об уголовно-процессуальной регламентации контроля и записи переговоров // Баев О. Я. Проблемы криминалистики и уголовного процесса (статьи разных лет). Воронеж, 2006. С. 124–130.

⁶ Баев О. Я. Проблемы криминалистики и уголовного процесса... С. 128.

⁷ Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него. С. 154.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Галяшина Е. И., доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, академик РАЕН (действительный член)

E-mail: egalyashina@gmail.com
Тел.: 8 (499) 244-88-88, доб. 510

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Galyashina E. I., Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philology, Professor, Vice Head of the Forensic Expertises Department, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (full member)

E-mail: egalyashina@gmail.com
Tel.: 8 (499) 244-88-88, ext. 510

В. Д. Зеленский

Кубанский государственный аграрный университет

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: в статье изложены отдельные элементы процесса сочетания организационных средств и методов с положениями криминалистической методики: целеопределение и формирование предмета расследования, определение системы следственных и иных действий в конкретном расследовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: организация расследования, криминалистическая методика, предмет расследования, целеопределение, следовая картина.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF CRIME INVESTIGATION TECHNIQUES

A b s t r a c t: the presentation in a concise form outlined the individual elements of the process of combining organizational means and methods with the provisions of the investigation techniques: targeting and shaping the subject of investigation, defining a system of investigative and other actions in a particular investigation.

Key words: organization of investigation, technique of the investigation, subject of investigation, target definition, trace picture.

Поступила в редакцию 6 ноября 2018 г.

Криминалистическая методика разрабатывает рекомендации по совершенствованию расследования преступлений. Их практическая реализация представляет определенную сложность, особенно на начальном этапе расследования.

Первоначальный этап расследования характеризуется интенсивным производством неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В этот период формируется предмет расследования – система обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу¹. Как известно, методикой расследования отдельных видов преступлений разрабатываются типовые варианты сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от характера следственной ситуации. Их производство зависит также от содержания ин-

формации об известных обстоятельствах, подлежащих установлению.

В определении и конкретизации предмета расследования используются организационные средства и методы. Именно здесь наиболее полно происходит сочетание организации с методикой расследования.

Организация – это процесс упорядочения расследования посредством целеопределения, планирования, создание условий для качественного производства следственных действий, процесс взаимодействия и руководства расследования². Упорядочение представляет собой интеллектуальный процесс выявления связей элементов структуры определения, расследования, в первую очередь следственных действий в их сочетании и определения последовательности их производства³. Посредством упорядочения расследование приобретает стройный вид, превращается в целеопределенную систему.

Структура расследования, как известно, представляет собой систему основных взаимосвязанных элементов расследования как деятельности: предмет расследования, тактические цели, следственные и иные действия, субъекты и участники их производства. В отдельном расследовании необходима конкретизация указанных элементов. Процесс конкретизации – это и есть организация. В нем состоит связь или сочетание организации с методикой расследования. Сочетание организации и методики осуществляется по нескольким основным направлениям. К их числу относятся:

- рассмотрение информации о преступлении и организация предварительной проверки;
- организация первоначальных неотложных следственных действий.

Сочетание состоит в том, что на основе типовых вариантов первоначальных неотложных следственных действий разрабатывается начальный этап расследования по отдельным видам преступлений и планируются различные варианты его производства:

- формирование предмета расследования;
- определение оптимального варианта сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- организация криминалистического предупреждения преступлений.

В настоящей статье кратко рассмотрен процесс структурирования расследования, прежде всего, процесс формирования предмета расследования.

Оставляя в стороне предварительную проверку, рассмотрим сочетание организации с методикой с момента возбуждения уголовного дела. Для формирования предмета расследования необходимо знать и в отдельном случае отчетливо представить следующее.

1. Отражение преступления в окружающем мире представляет собой следовую картину, т. е. совокупность материальных,

идеальных и виртуальных следов. Следовая картина – типовой вариант отражения.

2. В отдельном расследовании конкретная следовая картина будет несколько отличаться от типовой по менее полному количеству следов-отражений. Задача следователя заключается в том, что он, прежде всего, должен собрать имеющиеся фактические данные и представить следовую картину конкретного преступления, а затем попытаться представить недостающие элементы, т. е. отдельные следы. Их поиск и установление являются целями следственных и иных действий.

Анализ фактической следовой картины преступления производится с целью дальнейшего сопоставления ее с типовым вариантом обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, разработанным методикой расследования данного вида преступлений. Строятся версии о каждом из этих недостающих обстоятельств. Из версий выводятся логические следствия, посредством которых выявляются промежуточные факты, обосновывающие указанные обстоятельства. Таким путем следовая картина преступления пополняется. На ее основе формируется предмет расследования – вся совокупность обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Изложенный механизм целеопределения – определения тактических целей расследования – присущ каждому расследованию с ограниченным количеством исходных данных. Внешне все выглядит просто. Однако именно в рассматриваемой части расследования совершается наибольшее число следственных ошибок. Криминалистикой выявлены различные факторы, влияющие на процесс целеопределения. К ним относятся:

- а) необходимость полноты круга построенных следственных версий;
- б) исчерпывающий перечень логических следствий из каждой версии;

в) полнота и криминалистическая грамотность производных следственных действий.

Для оптимизации изложенного организационно-аналитического процесса необходимо знание криминалистической характеристики видов преступлений, прежде всего, типичных следов и иных фактических данных, образующихся при использовании определенных способов совершения преступлений в типичной обстановке. Для исчерпывающего перечня логических следствий из каждой версии необходимы знания содержания вида деятельности, в среде которой совершено преступление. Здесь диапазон сведений о различных факторах значительно расширяется. Одних криминалистических знаний может не хватить.

Как видно, основным фактором, влияющим на полноту и качество целеопределения и формирование предмета расследования, является профессиональная подготовка следователя. Это в целом субъективный фактор, который и влияет на количество следственных ошибок. Для его устранения или изменения необходимо усовершенствовать процесс выявления логических следствий из версий – фактов, которые должны существовать при условии, что данная версия верна. Сделать это можно путем использования

информационных технологий, когда указанный процесс сможет осуществить компьютер. Разумеется, процесс создания таких систем объемный, сложный, требующий значительных сил и средств. Но осуществить его по расследованию наиболее тяжких преступлений необходимо.

В настоящее время одной из задач групповой и частных методик является разработка научно-практических рекомендаций по целеопределению и формированию предмета расследования различных видов преступлений.

Крупным узлом сочетания организационных средств и методов криминалистической методики является определение оптимального сочетания следственных и иных действий в конкретном расследовании. В настоящей статье при изложении указанной проблемы отметим только, что при использовании типовых вариантов алгоритмов действий используются принципы организации: принцип ритмичности расследования, принцип рационального сочетания следственных и иных действий.

Использование организационных средств и методов в методике расследования способствует адаптации научно-практических рекомендаций в конкретном расследовании и повышению их качества.

¹ О понятии, содержании предмета расследования см.: *Зеленский В. Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011. С. 76–77.

² См.: Там же. С. 46–52.

³ См.: *Степанов В. В.* Предмет доказывания как элемент методики расследования // Степанов В. В. Избранные научные работы : в 2 т. Саратов, 2011. Т. 2. С. 475–477.

Кубанский государственный аграрный университет   *Kuban State Agrarian University*

Зеленский В. Д., доктор юридических наук,
профессор, руководитель магистратуры
юридического факультета

E-mail: Kgau-uf@mail.ru
Тел.: 8 (861) 221-58-93

Zelensky V. D., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Magistracy
of the Law Faculty

E-mail: Kgau-uf@mail.ru
Tel.: 8 (861) 221-58-93

А. П. Земцов

Ассоциация производителей программного обеспечения и оборудования для экспертных исследований в сфере высоких технологий (Ассоциация «ЭКСПИТ»), г. Москва

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНЫХ СПОРАХ

Аннотация: в статье на базе актуальных примеров из практики автора рассматривается вопрос об эффективности использования возможностей компьютерно-технической экспертизы в рамках рассмотрения арбитражных дел.

Ключевые слова: негосударственные экспертные организации, компьютерно-техническая экспертиза в арбитражных процессах.

ABOUT THE USE OF COMPUTER FORENSICS EXPERTISE IN ARBITRATION CASES

Abstract: in the article, based on current examples from the practice of the author, addresses the issue of the applicability of computer forensics expertise in arbitration cases.

Key words: non-governmental expert organizations, digital forensics in civil processes and arbitration.

Поступила в редакцию 17 октября 2018 г.

Чем глубже информационные технологии проникают в нашу жизнь, тем больший объем важной информации создается и хранится в электронном виде: сообщения электронной почты, фотографии со смартфона, записи видеорегистратора или данные в навигаторе, сведения об онлайн-покупках, поисковые запросы, поставленные «лайки» и многое другое.

Не отстает и бизнес. Компании внедряют системы управления технологическими процессами, используют аналитику больших данных и машинное обучение, электронный документооборот и облачные сервисы, не говоря уже о давно ставших всем привычными дистанционном банковском обслуживании и корпоративной почте.

Если же компания – сама игрок на рынке информационных технологий, ее «продукт», т. е. то, что компания «производит», – это уже сам по себе объект, несущий огромный объем информации.

Объем такой информации (цифровых «следов») все больше увеличивается, а важность возрастает. И одним из следствий такого развития событий является то, что такие цифровые следы все чаще становятся важным доказательством при расследовании либо при отстаивании интересов в суде. При этом проникновение IT-технологий во все сферы жизни человека, бизнеса и в целом общества уже привело к тому, что цифровые следы стали играть важную роль не только в делах по «классическим» компьютерным преступлениям (ст. 272–274 УК РФ, а так-

же более новая ст. 159.6 УК РФ), но и во многих других категориях дел.

Не менее актуальны цифровые следы и для судебной практики по административным, гражданским, арбитражным делам. Оспаривание факта направления электронного сообщения, поиск и восстановление данных, получение доступа к защищенным устройствам и файлам, определение даты и способа создания документа, выявление признаков изменений первоначального содержания (редактирования, монтажа) цифровых фотографий или видеозаписей, сравнение программного кода и функционала программ для ЭВМ – это лишь краткий список задач, которые могут быть решены путем исследования цифровых следов. Даже, казалось бы, малозначимые данные, никаким образом на первый взгляд не связанные друг с другом, при научном подходе и использовании передовых методик могут подсказать ответы на сложнейшие вопросы.

Вот лишь несколько примеров из практики проведения компьютерно-технических экспертиз в рамках арбитражных процессов, позволивших эффективно отстаивать позицию стороны, заявившей соответствующее ходатайство о назначении экспертизы.

1. Компания провела конкурс на создание информационной системы поддержки логистики. Подрядчик создал программный комплекс, установил его и настроил с использованием технологии удаленного доступа. Спустя год заказчик обнаружил неработоспособность отдельных компонентов программы. Подрядчик высказал мнение, что все проблемы – из-за низкого уровня подготовки технического персонала заказчика либо неправильной эксплуатации программы. Однако проведенная компьютерно-техническая экспертиза показала

иное: еще на этапе первоначальной удаленной инсталляции подрядчиком были установлены и настроены не все компоненты программы. Именно это обнаружилось спустя год в ходе эксплуатации и, как установил суд, привело к убыткам заказчика (истца).

2. Две крупные региональные компании – производители оборудования. Аппаратная часть производимого каждой компанией оборудования значительно отличается, а программная, по мнению истца, схожа и незаконно заимствована у него ответчиком.

По ходатайству истца была проведена компьютерно-техническая экспертиза, которая подтвердила его мнение о схожести компонентов программ (более чем 70 % текста кода программ).

По ходатайству ответчика была назначена и проведена повторная экспертиза, в ходе которой был подтвержден вывод о схожести компонентов программ на более чем 70 % текста кода, однако было дано и объяснение этого факта.

Первоначальная экспертиза была проведена третьей стороной по произвольной методике, без учета современных методов программирования и создания программных продуктов. Было установлено и доказано, что схожесть такого объема текста кода двух программ стала следствием того факта, что программисты обеих компаний в процессе написания программ независимо друг от друга использовали одинаковые общедоступные «open source» шаблоны и библиотеки. Те же участки кода, которые были созданы каждой компанией самостоятельно и не являются шаблонными в рамках языка программирования – порядка 22 % текста кода – были абсолютно уникальными. Стороны приняли решение о заключении мирового соглашения.

Приведенные примеры и повседневная деятельность большого количества коммерческих организаций позволяют сделать вывод о том, что без понимания путем экспертных исследований крайне важной (с учетом совре-

менных тенденций всеобщей информатизации) специфики коммерческой деятельности можно проиграть арбитражное дело тому, кто разобрался не только в правовой, но и в технологической стороне вопроса.

Ассоциация производителей программного обеспечения и оборудования для экспертных исследований в сфере высоких технологий (Ассоциация «ЭКСПИТ»), г. Москва

Земцов А. П., директор

E-mail: a.zemtsov@aexpit.ru

Тел.: 8 (495) 006-68-19

Association of Software and Equipment Manufacturers for Expert Research in the Field of High Technologies (EXPIT Association), Moscow

Zemtsov A. P., Director

E-mail: a.zemtsov@aexpit.ru

Tel.: 8 (495) 006-68-19

Е. В. Иванова, О. Г. Дьяконова

Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна)

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СУДЕБНОМУ ЭКСПЕРТУ, И ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: в настоящее время в России осуществляется реформирование законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности. В статье предпринимается попытка обсудить с точки зрения научно-практического подхода и нормативного закрепления некоторые основные требования, предъявляемые к лицу, выступающему в качестве судебного эксперта в судопроизводстве. Делается вывод о необходимости совершенствования положений законопроекта с учетом разработок теории судебной экспертологии и процессуальной науки.

Ключевые слова: судебный эксперт, независимость, самостоятельность, компетентность, соблюдение профессиональной этики.

REQUIREMENTS OF THE JUDICIAL EXPERT AND THEIR CONSOLIDATION IN THE FEDERAL LEGISLATION

Abstract: at present the legislation in the field of forensic science is being reformed in Russia. The article attempts to discuss from the point of view of scientific and practical approach and regulatory provisions some basic requirements for a person acting as a forensic expert in the proceedings. It is concluded that it is necessary to improve the provisions of the bill, taking into account the development of the theory of forensic expertology and procedural sciences.

Key words: forensic expert, independence, autonomy, competence, professional ethics.

Поступила в редакцию 21 сентября 2018 г.

В 2013 г. в первом чтении на заседании Госдумы был принят законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – проект ФЗ о СЭД)¹. Несмотря на активную разработку проекта, большое количество публикаций, предметом которых было обсуждение его положений, принятие закона до настоящего времени не состоялось. Следовательно, дискуссия относительно его положений продолжается.

В Проекте ФЗ о СЭД предлагается считать судебным экспертом физическое лицо, обладающее специальными знаниями и соответствующее требованиям,

установленным настоящим Федеральным законом, которому в процессе судопроизводства в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации, поручено производство судебной экспертизы. Однако далеко не все требования к эксперту сформулированы бесспорно, несмотря на то, что некоторым из них посвящены отдельные статьи. Например, в ст. 18 проекта ФЗ о СЭД закрепляется требование о необходимости наличия данных об эксперте в государственном реестре судебных экспертов. Думается, что данное требование можно считать обязательным только в отношении лиц, экспертная деятельность для которых является основной. Для лиц,

© Иванова Е. В., Дьяконова О. Г., 2019

обладающих специальными знаниями в тех областях, которые редко являются востребованными в судопроизводстве, а привлечение в процесс происходит от случая к случаю, предъявление такого требования о наличии данных в реестре является неоправданным.

Вызывает вопрос и наименование ст. 9 проекта «Независимость судебного эксперта», в которой речь идет собственно о двух так называемых «требованиях» к эксперту – независимости и самостоятельности.

Следует сделать оговорку, что «независимость» характеризует отношение эксперта как физического лица по отношению к любому другому лицу, а «самостоятельность» – возможность эксперта совершить выбор, соответственно характеризует внешнюю и внутреннюю составляющие. Такой вывод можно сделать из содержания данной статьи проекта. Однако помимо положений, раскрывающих независимость и частично самостоятельность эксперта (речь в статье идет только о возможности выбора методики), в статье содержатся нормы, посвященные допросу эксперта, которым не место в данной статье проекта. Нормативное предписание о том, что эксперт дает показания только после проведенной экспертизы, следует разместить в процессуальных кодексах в статьях о допросе эксперта как процессуальном действии, а в рамках закона о СЭД – в статье о правах эксперта. Данное положение не имеет прямого отношения ни к самостоятельности, ни к независимости эксперта, а определяет сущность судебной экспертизы как исследования и роль эксперта в судопроизводстве.

Представляется, что обе рассматриваемые характеристики не следует считать требованиями, предъявляемыми к эксперту. Это принципиальные положения, которые должны характеризовать его деятельность в судопроизводстве.

Именно поэтому их реализация должна быть обеспечена, гарантирована эксперту, но не предъявляться к нему в качестве требования. Тем не менее при отсутствии независимости и самостоятельности эксперта он должен подлежать отводу, поскольку в этом случае будут нарушены принципиальные положения судопроизводства, в том числе деятельности по доказыванию.

Т. Ф. Моисеева правильно пишет о независимости как принципиальном положении: «К гарантиям, обеспечивающим независимость эксперта как процессуального лица, относятся: процессуальная самостоятельность эксперта, закрепленная в процессуальном законодательстве; предусмотренная законом процедура назначения и производства экспертизы; установленная законом ответственность за оказание воздействия на эксперта»². Тем не менее некоторые авторы отмечают, что «на этапе подготовки к проведению экспертного исследования эксперт не обладает и не может обладать процессуальной независимостью. ...эксперт независим на этапе проведения экспертного исследования и прежде всего – при выборе методов и методик исследования»³.

О. Я. Баев, ссылаясь в том числе и на опыт зарубежных стран, писал о «неосознанной предвзятости» эксперта, когда «последний неосознанно для себя, по существу, отождествляет себя с субъектом тактики, чаще всего в этих случаях, разумеется, тактики следственной... Эксперту всегда известно, кто именно следовательно подозревается в совершении расследуемого им преступления, чью причастность к нему он с помощью привлечения специальных познаний эксперта хочет подтвердить или опровергнуть... Подобная “неосознанная предвзятость” может усугубляться в ряде случаев ведомственным характером экспертизы – когда и следователь, назначивший экспертизу,

и эксперт, ее проводящий, находятся на службе не только в одном правоохранительном органе, но и в одном его территориальном подразделении (например, в одном УВД, РОВД и т. п.)»⁴. В связи с изложенным представляется очень интересным предложение О. Я. Баева об анонимном характере объекта, поступившего на экспертное исследование, «чтобы такую анонимность объекта (объектов), которые будут использоваться экспертом для проведения сравнительных исследований, обеспечивал руководитель экспертного учреждения но утверждаемому для того соответствующим подзаконным актом регламенту»⁵. Такое предложение, действительно, позволит эксперту не заикливаться на конкретном субъекте, а последовательно изучив объекты, дать обоснованное и непредвзятое заключение.

Некоторые исследователи отмечают негативное влияние на независимость эксперта так называемого принципа «кто платит, тот заказывает музыку». Пишут о недостаточно развитом рынке услуг негосударственных судебных экспертов, а также о дороговизне их исследований, «...во многих видах судебной экспертизы частное лицо вообще не способно конкурировать с государством в связи с тем, что не может экономически себе позволить приобрести дорогостоящее, уникальное оборудование, так как оно себя никогда не окупит», что влечет нарушение принципа конкуренции⁶.

Н. В. Кононова, обсуждая проблему объективности эксперта, взаимосвязанную с обеспечением его независимости, предлагает «выбор экспертного учреждения поставить в зависимость не от воли председательствующего судьи, а от качества работы экспертов, которое анализируется на основе специального рейтинга, ...под которым понимаем определенную оценку, выставляемую районными судами каждому экспертному учреждению

округа в зависимости от ряда критериев: соотношение количества успешных экспертиз учреждения к тем, которые вызвали недоверие и потребовали проведения повторных исследований, глубина исследований, сроки проведения и т. д.»⁷.

Проблема, действительно, весьма существенна, однако предлагаемое Н. В. Кононовой и ее коллегами решение практически трудно реализуемо, подобный рейтинг будет формироваться в течение весьма продолжительного периода, основываться на подсчете количества «успешных», а также назначенных повторных и дополнительных (что уже совсем выглядит неясным исходя из оснований назначений экспертиз такого вида) экспертиз. Неясно также, как сроки производства экспертиз могут существенно повлиять на беспристрастность и объективность эксперта. Полагаем, что использование таких критериев не совсем оправдано, поскольку они весьма субъективны и, кроме того, могут повлиять на конкурентоспособность многих экспертных организаций.

Е. Р. Россинская отмечает, что на самостоятельность суждений эксперта, независимость судебной экспертизы влияют многие факторы, и одних процессуальных требований явно недостаточно, поскольку в реальной жизни существует множество способов оказания давления на эксперта или руководителя судебно-экспертного учреждения⁸. Рассуждая о возможностях обеспечения реальной независимости и самостоятельности эксперта, Е. Р. Россинская приводит в пример опыт Республики Казахстан, делает вывод, что оторванность лиц, обладающих специальными знаниями, от органов дознания и следственных аппаратов наносит существенный вред, поэтому имеется необходимость в сохранении института специалистов в правоохранительных органах⁹.

Е. Р. Россинская полагает также, что обеспечить «независимость эксперта, ко-

торая, как и любая абстракция, в условиях реального социума недостижима, хотя к ней, конечно, надо стремиться, следует посредством: 1) выведения государственных судебно-экспертных учреждений из подчинения органов исполнительной власти, отвечающих за производство дознания и предварительного следствия; 2) возможности проведения альтернативных судебных экспертиз; 3) конкуренции государственных и негосударственных экспертных учреждений, частных экспертов; 4) предъявления одинаковых требований к профессиональной подготовке государственных и негосударственных экспертов»¹⁰. Данная позиция представляется наиболее обоснованной и жизнеспособной.

Как отмечают исследователи, опираясь на опыт Республики Казахстан, «на практике вопросы самостоятельности и независимости судебных экспертов сопряжены со следующими рисками: риски влияния руководства судебного учреждения на судебного эксперта; риски зависимости экспертных заключений от суммы выплачиваемого гонорара за проведенное исследование; риски давления и преследования со стороны родственников; риски высокого воздействия в случаях, когда судопроизводство на различных этапах сопровождается участием представителей СМИ»¹¹.

При этом они делают вывод, что «для достижения абсолютной независимости экспертов необходимо предоставление возможности проведения альтернативных экспертиз, обеспечение условий для совершенной конкуренции государственных и частных судебных экспертов. Положительным явлением в независимости судебного эксперта в Казахстане является то, что государственные судебно-экспертные учреждения не подчиняются тем же органам исполнительной власти, что и следственные аппараты, органы дозна-

ния»¹². Однако исходя из данных, приведенных в указанном отчете, в Республике Казахстан частных экспертов, получивших лицензию на производство определенных видов судебных экспертиз, не так много: по состоянию на 1 января 2017 г. 1160 экспертов, при этом лидируют по числу выданных лицензий такие направления, как экспертиза веществ и материалов, исследование хозяйственных операций и бухгалтерское исследование, строительно-товароведческое исследование, автотовароведческое исследование, товароведческое исследование непродовольственных товаров, строительно-техническое исследование, строительно-экономическое исследование, финансово-бюджетное исследование, исследование почерка и подписей и техническое исследование документов. По многим другим видам экспертных специальностей выданы от 1 (например, судебно-экспертное технологическое исследование, судебно-экспертное исследование железнодорожного транспорта) до 38 лицензий (судебно-экспертное исследование транспортных средств, судебно-экспертное транспортно-трасологическое исследование). При этом по данным, указанным в Отчете, «фактически осуществляют свою деятельность на основании государственной лицензии 118 судебных экспертов (28 % от общего количества выданных лицензий)»¹³. Представляется сомнительным, что такое количество лицензированных экспертов способно составить реальную конкуренцию.

Таким образом, *независимость и самостоятельность характеризуют и подчеркивают положение эксперта при участии в судопроизводстве или иной юрисдикционной деятельности, в отличие от его незаинтересованности в исходе дела, которую можно считать требованием.* Как и самостоятельность эксперта, незаинтересованность в исходе дела явля-

ется признаком, характеризующим внутреннюю составляющую деятельности эксперта, качественно влияющую на его отношение к делу. Однако в отличие от «самостоятельности» *незаинтересованность в деле формируется и осознается экспертом независимо от других лиц*. Конечно, другие лица могут оказать влияние на эксперта, под воздействием чего он может приобрести заинтересованность, но в отличие от «самостоятельности» эксперт может осознать наличие такого признака и отказаться от участия в деле (заявить самоотвод). Ввиду этого признак «незаинтересованности в исходе дела» является требованием, предъявляемым к эксперту.

Статья 11 проекта ФЗ о СЭД выделяет в качестве требования к эксперту *соблюдение им профессиональной этики*. При этом в статье указывается, что эксперт обязан выполнять этические нормы, правила профессионального поведения и взаимоотношений экспертов для добросовестного выполнения своих обязанностей.

Несмотря на то что ученые призывают обратить внимание на необходимость изучения вопросов этической культуры и морали эксперта¹⁴, отметим, что кодекса профессиональной этики эксперта, как, например, разработанный и принятый адвокатским сообществом¹⁵, не существует.

Некоторые государственные учреждения разработали кодекс профессиональной этики эксперта и распространили действие его положений на своих сотрудников. Например, Модельный кодекс профессиональной этики экспертов в сфере государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий¹⁶ (не распространяется на судебных экспертов). Экспертные организации, хотя далеко не все, также принимают собственные кодексы профессиональной этики эксперта, сфера распространения которых охватывает

сотрудников соответствующей экспертной организации. Но они не распространяют свое действие на экспертов, занимающихся частной практикой, а также привлекаемых для производства исследования от случая к случаю и не являющихся сотрудниками экспертных организаций.

В 2011 г. появился Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации¹⁷, который, по мнению О. В. Микляевой, «призван выполнять три основные функции: репутационную – формирование доверия к судебным экспертам со стороны судебного сообщества, следственных органов и простых граждан; управленческую – регламентация поведения и определение порядка принятия решений в сложных этических ситуациях, указание на неприемлемые формы поведения; развития профессиональной культуры – ориентация работников на единые профессиональные цели, повышение профессиональной самоопределенности»¹⁸. Принятие данного кодекса, как полагает О. В. Микляева, и в этом с ней трудно не согласиться, «является лишь первым этапом процесса, направленного на создание единых норм в области судебно-экспертной деятельности, при отсутствии этого кодекса у подобного процесса мало шансов на успех»¹⁹. Однако распространять его действие на своих сотрудников руководители экспертных организаций вне системы Министерства юстиции по каким-то причинам не торопятся, что снова возвращает к вопросу о необходимости разработки и принятия единого кодекса профессиональной этики, по примеру Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого Федеральной палатой адвокатов и распространяемого на все адвокатское сообщество.

Возвращаясь к формулировке ст. 11 проекта, поддержим мнение Е. А. Зайце-

вой, выразившей сомнение в корректности употребления в проекте словосочетания «выполнять этические нормы». Более устойчивым является оборот «соблюдать нормы» (для сравнения – «выполнять требования») ²⁰. В такой формулировке содержится положение ст. 9 Закона Кыргызской Республики о СЭД. В ст. 11 Закона Республики Казахстан о СЭД содержится положение о необходимости соблюдения Кодекса этики судебного эксперта, утвержденного Приказом министра юстиции Республики Казахстан ²¹, что, как верно отмечает Л. Ф. Парамонова, «обязывает судебного эксперта соблюдать Кодекс этики судебного эксперта при осуществлении судебно-экспертной деятельности, т. е. не только при проведении исследований» ²².

В Республике Беларусь действуют Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность ²³. В этих Правилах профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность, установлены основные обязанности судебного эксперта по выполнению этических принципов: независимости, объективности и беспристрастности; порядочности; профессиональной компетентности; безупречного поведения; конфиденциальности. Также регламентированы этические установки по распоряжению экспертом информацией, полученной при осуществлении профессиональной деятельности, при взаимодействии со СМИ; положения, касающиеся поведения эксперта и взаимодействия с коллегами и гражданами. Кроме того, в главе 6 указанных Правил приводятся основные положения по разрешению конфликтных ситуаций, связанных с деятельностью эксперта.

Кодекс этики судебного эксперта Республики Казахстан изложен в четырех главах. В главе, содержащей общие положения, указано, что «знание и соблю-

дение судебными экспертами положений Кодекса является одним из критериев оценки качества их профессиональной деятельности и трудовой дисциплины». Вторая глава содержит этические принципы деятельности судебного эксперта, практически тождественные приведенным в Правилах профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность Республики Беларусь. Но, в отличие от рассмотренных выше Правил, Кодекс этики судебного эксперта Республики Казахстан указывает на принцип лояльности эксперта как один из необходимых для соблюдения при осуществлении профессиональной деятельности, которая раскрывается следующим образом: «Судебный эксперт не может быть вовлечен в ненадлежащую деятельность, которая способна дискредитировать его самого или учреждение, вызвать конфликт интересов, нанести прямой или косвенный ущерб деятельности органа судебной экспертизы». Отметим, что подобное положение содержится в Правилах профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность Республики Беларусь, но раскрывается посредством принципа «безупречного поведения». В третьей главе Кодекса этики судебного эксперта Республики Казахстан через обязанности эксперта изложены основные постулаты его взаимоотношений с коллегами и другими гражданами при осуществлении экспертной деятельности, а также во внеслужебное время. Несмотря на различия в изложении Кодекса этики судебного эксперта Республики Казахстан, который выглядит более подробным и проработанным, и Правил профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность, следует отметить, что основная идея, принципиальные положения имеют схожее изложение, прослеживается соотнесение этических обя-

занностей эксперта принципам судебного-экспертной деятельности.

Профессиональная этика эксперта, полагаем, выступает категорией оценочного характера и усложняется отсутствием общих рекомендуемых положений и требований, которыми необходимо руководствоваться потенциальному эксперту. Ученые признают необходимость разработки и принятия Кодекса профессиональной этики судебного эксперта, исследование нравственных основ деятельности эксперта²⁴.

Таким образом, имеется необходимость зафиксировать основные этические нормы для деятельности судебного эксперта в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, в которую он привлекается для производства экспертного исследования, в едином Кодексе профессиональной этики судебного эксперта. Данный проект должен быть выложен для ознакомления, дискуссии и представления замечаний экспертами, вне зависимости от места работы и ведомственной принадлежности. По истечении срока на представление замечаний следует организовать конференцию, возможно, в электронном формате, с участием представителей экспертного сообщества, представивших замечания и предложения, изучив которые, можно было бы принять в качестве резолюции обсужденный Проект кодекса профессиональной этики судебного эксперта.

Конечно, подобное предложение выглядит сложно реализуемым, однако при

этом позволяет максимально учесть пожелания и замечания большего количества заинтересованных лиц, а именно самих экспертов, которые непосредственно должны будут соответствовать требованиям, изложенным в Кодексе профессиональной этики.

Разработка, обсуждение и принятие экспертным сообществом такого Кодекса совместно с представителями юридического сообщества позволит избежать однобокого подхода к определению и раскрытию столь своеобразного феномена – профессиональной этики судебного эксперта, вбирающего в себя черты частично юридической профессиональной этики, черты, обусловленные целями экспертной деятельности, производством экспертного исследования, а также процессуальными правоотношениями и отношениями эксперта с другими участниками судопроизводства и иной юрисдикционной деятельности.

Приведенные мнения и высказанные предложения подталкивают к поиску вариантов закрепления четкого и обоснованного перечня требований, предъявляемых к эксперту, претендующему на включение в реестр судебных экспертов. Представляется возможным сформулировать требования к эксперту в общем виде следующим образом: эксперт должен быть дееспособным, не имеющим непогашенную или неснятую судимость, компетентным, самостоятельным, незаинтересованным в исходе дела.

¹ Проект ФЗ № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2018).

² Моисеева Т. Ф. Реализация принципов права в судебно-экспертной деятельности // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 5–6 апреля 2016 г. (г. Москва). М., 2016. С. 487.

³ Карагодин В. Н., Вахмянина Н. Б., Казаков А. А. Пределы независимости судебного эксперта в уголовном судопроизводстве // Эксперт-криминалист. 2015. № 1.

С. 15–20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2018).

⁴ *Баев О. Я.* Неосознанная предвзятость эксперта и возможные пути ее нейтрализации (постановка проблемы) // Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25–26 января 2011 г.). М., 2011. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ См.: *Комарицкий С. И.* Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов // Юрист. 2014. № 17. С. 36–41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2018).

⁷ *Кононова Н. В.* Судебная экспертиза – проблемы качества и объективности. URL: <https://kononova.pravorub.ru/personal/22821.html#content> (дата обращения: 01.09.2018).

⁸ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 3-е изд., доп. М., 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2018).

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Усиление судебной экспертизы в Республике Казахстан : проект институционального укрепления сектора правосудия. Астана, 2017. С. 279. URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/107809> (дата обращения: 01.09.2018).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См., напр.: *Виницкий Л. В.* Этические требования, предъявляемые к судебному эксперту // Проблемы формирования правового государства в Российской Федерации : [сб. материалов IV Межвуз. науч.-практ. конф.] : в 2 т. / Смолен. гуманит. ун-т. Смоленск, 2006. Т. 1 : Актуальные проблемы современной Российской уголовной политики / [редкол.: Л. Н. Николаева и др.]. 2006. С. 14–22 ; *Клименко Н. И., Ципелюк С. А.* Этические основы экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 32–35 ; *Рубис А. С., Кот Я. И.* К вопросу о правилах профессиональной этики судебного эксперта // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 1. С. 103–106 ; *Жигалов Н. Ю.* Морально-этические нормы в судебно-экспертной деятельности // Российский следователь. 2012. № 8. С. 6–7 ; и др.

¹⁵ См.: Кодекс профессиональной этики адвоката : принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Рос. газета. 2005. № 3891 (0). 5 окт.

¹⁶ См.: Модельный кодекс профессиональной этики экспертов в сфере государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий. URL: <https://gge.ru/upload/iblock/078/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁷ См.: Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста России : одобрен на Всероссийском совещании руководителей государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России 26 марта 2011 г. URL: <http://minjust.ru/ru/node/269945> (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁸ *Микляева О. В.* Этический кодекс судебного эксперта : формальность или требование современного общества // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2 (34). С. 154.

¹⁹ Там же. С. 155.

²⁰ См.: *Зайцева Е. А.* Судебно-экспертная деятельность и ее принципы // Судебная экспертиза : российский и международный опыт : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 21–22 мая 2014 г. Волгоград, 2014. С. 51.

²¹ См.: Об утверждении Кодекса этики судебного эксперта : приказ министра юстиции Республики Казахстан от 27 марта 2017 г. № 304. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38296432#pos=1;-277 (дата обращения: 01.09.2018).

²² *Парамонова Л. Ф.* Новации казахстанского законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность // Судебная экспертиза. 2017. № 3 (50). С. 20.

²³ См.: Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность : утв. Постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь 17 апреля 2014 г. № 3. URL: http://kodeksy-by.com/porm_akt (дата обращения: 01.09.2018).

²⁴ См. напр.: *Комисарова Я. В.* Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996 ; *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 458 ; *Майлис Н. П.* Психологические особенности в судебно-экспертной деятельности // Криминалистика и судебная экспертология : наука, обучение, практика : в 2 ч. Ч. II. Вильнюс, 2017. С. 60 ; *Червонцева К. Б.* Нравственные основы судебно-экспертной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 ; *Рубис А. С., Кот Я. И.* К вопросу о профессиональной этике судебного эксперта Республики Беларусь // Правовая инициатива. 2012. № 5. URL: <http://49e.ru/ru/2012/5/1> (дата обращения: 01.09.2018) ; *Жигалов Н. Ю.* Морально-этические нормы в судебно-экспертной деятельности // Российский следователь. 2012. № 8. С. 6 ; *Колесникова Н. С.* Основы профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности и пути ее совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 36 ; *Аминев Ф. Г.* Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации : современные проблемы и пути их решения : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2016. С. 447 ; и др.

Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна)

Иванова Е. В., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и уголовного процесса

E-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru
Тел.: 8-916-717-45-07

Дьяконова О. Г., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса

E-mail: oxana_diakonova@mail.ru
Тел.: 8-915-687-48-44

State Social and Humanitarian University (Kolomna)

Ivanova E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure

E-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru
Tel.: 8-916-717-45-07

Dyakonova O. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure

E-mail: oxana_diakonova@mail.ru
Tel.: 8-915-687-48-44

Е. В. Ильюк

Московская академия Следственного комитета РФ

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПРИ ВОВЛЕЧЕНИИ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: *деструктивные религиозные организации существовали на протяжении веков. С развитием практической психологии появилась возможность изучить методы вовлечения в секты. Только изучив методы «перепрограммирования» сознания адептов, можно противодействовать криминальным действиям руководителей деструктивных организаций и впоследствии восстанавливать психику потерпевших до нормы.*

Ключевые слова: *секта, деструктивная религиозная организация, перепрограммирование и контроль сознания людей, виктимность, технологии управления сознанием, вовлечение, выученная беспомощность, разрушение Я-концепции.*

FEATURES OF THE CRIMINAL SITUATION WITH INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Abstract: *destructive religious organizations have existed for centuries. With the development of practical psychology, it became possible to study methods of involvement in sects. Only by studying the methods of “reprogramming” the consciousness of adherents can one counteract the criminal actions of the leaders of destructive organizations and subsequently restore the mind of the victims to the norm.*

Key words: *sect, destructive religious organization, reprogramming and control mind of people, victimhood, mind control technologies, involvement, learned helplessness, destruction of self-concept.*

Поступила в редакцию 12 октября 2018 г.

Согласно толковому словарю современного русского языка секта – это: 1) религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви; 2) группа лиц, замкнувшихся в своих мелких интересах¹. Термин «тоталитарная секта» был введен в обиход А. Л. Дворкиным, который отмечал, что это особого рода авторитарные организации, направленные на власть и деньги для руководства и ближайшего окружения, прикрывающи-

еся различными масками, совсем не обязательно религиозными, может быть, и политическими, может быть, и психологическими, может быть, и какими угодно другими, для которых характерны обман при вербовке, контролирование сознания членов, эксплуатация членов, регламентация всех аспектов их жизни².

Деструктивность религиозной организации (секты) может проявляться в совершении действий, которые четко очерчены в диспозиции ст. 239 УК РФ, их деятельность сопряжена с насилием

© Ильюк Е. В., 2019

над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

Истории России известны секты духоборов, молокан, скопцов и хлыстов, малеванцев, в которых практиковалось ритуальное членовредительство, идеи «библейского коммунизма», пропаганда «святой проституции». В секту хлыстов, например, принимали целыми семьями – одновременно оскопляли и мужчин, и женщин, и детей. После того как в 1770-е гг. сектанты покалечили много людей, а десятки человек погибли, Екатерина II была вынуждена издать указ о том, что скопцы вредны и опасны, повелев местным властям их наказывать.

Технологии «промывания мозгов» начали разрабатываться в 1950-е гг., в 1960-е гг. появляется термин «управление сознанием». В новых религиозных движениях в 1960-х гг. при «промывании мозгов» участников изолировали от привычного социального окружения, от тех, кто не «служит богу». Отрыв от привычного окружения обязателен для всех, за исключением тех, кто вовлекает новых членов, работая в онкологических больницах, домах престарелых, оказывает услуги на дому, выявляя потенциальных adeptов.

В таких деяниях можно выделить группу риска (кто может стать потерпевшим), виктимные факторы, методы воздействия организаторов на adeptов.

В группу риска входят лица с низкой самооценкой, повышенной внушаемостью, склонностью к зависимому поведению (аддиктивность), слабым типом нервной системы, возрастом (несовершеннолетний или престарелый), с элементами беспомощности, недостатком уверенности в своих силах, низким уровнем образования и культуры, у них

дополнительно активируется чувство «вины», «греховности». Низкая самооценка поддерживается и низким уровнем жизни. Если у человека ничего нет, то и выбор вариантов поведения значительно меньше. И если свое жилье уже передал секте, то уходить уже некуда.

Страхи и тревога за близких есть у всех. Но если для формирования личности успешного человека, лидера необходима работа над собой по искоренению страхов, уменьшению тревоги, то в деструктивных организациях страхи и тревога «насаждаются», прививаются, усиливаются. Обычный и типичный для всех людей страх смерти, основанный на стремлении к безопасности, превращается, преобразуется, гипертрофируется в страх «конца света». Так, Малеванный, находясь в Казани в психиатрической лечебнице, рассказывал психиатру, что он слышал голос с небес: «Готовься к смерти!... Приготовь и семью твою...»³

Секта отделяет новичков от прежних систем социальной поддержки (изоляция группы обязательна); контакты ограничиваются контактами с единомышленниками. Для разрыва социальных связей деструктивные организации организуют мероприятия за городом, применяют программу лишения сна (встречи с учителем ночью) и громкие и повторные пения, плач. На первом этапе воздействия, при первом контакте – «бомбардировка любовью»: демонстрируются забота, доброта, светящиеся счастливые лица, поглаживания, объятия, улыбки, прилив любвеобилия с новыми сестрами и братьями. Изоляция от прежнего окружения и разделение на «мы» и «они» означает групповую поляризацию, которая влечет сдвиг «в сторону риска». Вовлекающие умеют хорошо маскировать психологическое давление, при этом скрытое давление маскируется благородными мотивами. Многие члены сект

были завербованы друзьями или родственниками, которым они доверяли.

На втором этапе воздействия ставится задача отключить сознание. Применяются хороводы, песнопения, мантры (минимальное число прочтений – 7–8, оптимальное для воздействия – от 12 раз), медитативная музыка с монотонно усыпляющей мелодией. Коллективные действия – крики, вопли, скандирование, хлопки в ладоши, танцы, прыжки, пение хором – взвинчивают участников и снижают уровень самосознания⁴. Так происходит деиндивидуализация. В секте «пятидесятников» судороги, тряска, пена изо рта, нечленораздельные звуки означали «сошел святой дух». В деструктивных религиозных организациях другая лексика, в результате прежнее и новое окружение говорит на разных языках; другая одежда, которая является символической; применяются вещества, приводящие в измененное состояние сознания (психотропные вещества, алкоголь, галлюциногены, слабые наркотики, лишение сна, изменение структуры питания (вегетарианство, отказ от сахара и соли); создание состояния хронической усталости; усиление навязчивых страхов, например, по поводу близкого конца света; изоляция от внешнего мира, запрет на общение с семьей, на получение информации извне, контроль и ограничение поступающей информации; контроль мыслей, эмоций, поведения со стороны «братьев» и «сестер»; режим, моления (до 65 часов в неделю). Сами по себе эти методы не порождают негативные последствия. Важно, какие мысли и установки внедряются после «введения» человека в состояние повышенной внушаемости и виктимности. Например, христианский пост (ограничения в питании, половой жизни, сне, моления, горящие свечи) не приводит к деструктивным последствиям, а направлен на позитив-

ные изменения в сознании; лечебное голодание под контролем врача направлено на выздоровление пациента, неконтролируемое врачом голодание может причинить вред здоровью и смерть, например, практиковавшееся в секте пятидесятников 10-дневное сухое голодание⁵, сопровождающееся молениями. После такого принудительного голодания организм становится настолько ослабленным, что он не может сопротивляться физическому и психическому воздействию.

При вовлечении в деструктивные организации организаторами могут использоваться методы нейролингвистического программирования (XX–XXI вв.). В частности, «боевое НЛП» включает формирование навыков удержания проблемных состояний, разрушения любви и дружбы, форматы несчастной семьи; формирование эмоциональной неустойчивости, встраивание депрессий и тревоги; разрушение Я-концепции; встраивание мыслей-вирусов; «кладбище ресурсов».

Для усиления эффекта воздействия используется пространственное расположение участников действий – круг, пламя костра, пламя факелов.

Третий этап после снятия контроля сознания – перепрограммирование: внедрение бредовых идей (например, сделать из людей бесполовых ангелов путем ампутации половых органов); подмена понятий (любовь ↔ групповой секс); неправильное восприятие мира – измененная система ценностных ориентаций; смена имени; другая лексика; другая одежда; «выученная беспомощность», греховность, полный и ежедневный контроль «гуру», учителя.

У членов тоталитарных религиозных организаций формируется тоталитарное мировоззрение, что приводит к преобладанию групповых интересов над личными и развитию синдрома «мы/они», разделяющего мир на два враждебных

лагеря: «мы» и все остальные, не принадлежащие к данному культу, вследствие чего групповая воля уничтожает индивидуальную, человек деиндивидуализируется.

Четвертый этап – удержание в секте. Применяются слежка за другими адептами; объединение по парам по системе «приятельства» для наблюдения и контроля; доносительство лидеру об отклоняющихся от культовых доктрин мыслях, чувствах и действиях (поступках); внедряется страх наказания за «отступничество» – выход из секты, проявление группового конформизма, действует «огруппленное мышление». При огруппленном мышлении члены группы ослеплены излишним оптимизмом, создается иллюзия единодушия, не подвергается сомнению вера в нравственность группы, игнорируются этические и моральные аспекты совершаемых действий, на противников единой точки зрения выливается сарказм большинства.

Происходит психологическое перепрограммирование человека, реформирование его сознания и рождение новой личности⁶. Прежнее социальное окружение человека уже не оказывает влияния. В результате покаяния адептом овладевает чувство отчаяния, сопровождаемое потерей веры в себя и свои силы, тревога, вырабатывается привычка безразличного отношения к окружающей действительности, привычка превращает человека в покорное пассивное существо («в раба божьего»).

У сектантов формируется и в дальнейшем поддерживается «синдром приобретенной или выученной беспомощности», который связан с разрушением

Я-концепции. Человек в секте утрачивает навыки самостоятельного принятия решений, ему нужен руководитель, гуру при решении любых, даже житейских, вопросов.

Жертвы сект поддерживают руководителей организации. Возникает эффект «Стокгольмского синдрома».

«Перепрограммирование» нередко приводит к психическим расстройствам, когда «живые боги» и «пророки» верят в реальность видений и галлюцинаций. Религиозно-архаический бредовой комплекс отражает искаженные болезненным процессом религиозно-мистические переживания и включает религиозный (бред мистический, мессианства, реформаторства, греховности) и архаический (бред колдовства, одержимости) компоненты⁷. Возможно проявление таких психических расстройств, как шизофрения, гомицидомания и парафилии (некрофилия, некрофагия, педофилия). Ритуалы могут быть основаны на бредовых идеях.

О последствиях: самый яркий пример трагичных последствий деяний таких организаций – массовое самоубийство 910 членов «Народного Храма» в 1978 г. Народный Храм перебазировался в джунгли в Джонстауне, в Гайане в 1977 г. В 1978 г. четверо американцев, прибывших для проведения расследования, были убиты при попытке улететь на самолете из Джонстауна. После этого по призыву руководителя Храма Джима Джонса 910 человек приняли яд спокойно и добровольно. Доктор Уэст, психиатр, заявил после трагедии: «Этого не случилось бы в Калифорнии. Но они жили в полной изоляции от мира, в джунглях, в чужой стране»⁸.

¹ См.: Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009. С. 692.

² См.: Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Н. Новгород, 2014.

³ См.: *Бехтерев В.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001. С. 92.

⁴ См.: *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2008. С. 353.

⁵ См.: *Москаленко А. Т.* Пятидесятники. М., 1966. С. 140.

⁶ См.: *Лири Т., Стюарт М.* Технологии изменения сознания в деструктивных культах / под ред. И. Митрофановой; пер. с англ. «Janusbooks». СПб., 2002. С. 18, 37–39. URL: <http://www.leary.ru/books/cult/> (дата обращения: 25.01.2018).

⁷ См.: *Паиковский В. Э.* Религиозно-архаический бредовый комплекс (психопатология, нозологическая принадлежность, терапевтическая динамика) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2011 ; *Сербский В. П.* Руководство к изучению душевных болезней. М., 1906.

⁸ *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 2013. С. 154.

Московская академия
Следственного комитета РФ

Ильюк Е. В., кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного права
2 факультета ИПК, г. Екатеринбург

E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Тел.: 8-992-012-33-19

Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

Ilyuk E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal Law of the Second Faculty of the
Institute of Professional Education, Ekaterinburg

E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Tel.: 8-992-012-33-19

Д. А. Кирюхин

Главное управление криминалистики Следственного комитета РФ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙСТВАХ

А н н о т а ц и я: в статье обосновывается расположение элементов криминалистической характеристики серийных сексуальных убийств в определенной последовательности. По мнению автора, данная последовательность позволит составить более правильный психологический профиль подозреваемого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: серийные сексуальные убийства, криминалистическая характеристика, психологический профиль, профайлер.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CRIME AS A BASIS FOR THE CONSTRUCTION OF THE PSYCHOLOGICAL PROFILE OF THE SUSPECTED IN SERIAL SEXUAL KILLINGS

Abstract: the article substantiates the location of elements of the criminalistic characteristic of serial sexual killings in a certain sequence. According to the author, this sequence will allow to make a more correct psychological profile of the suspect.

Key words: serial sexual killings, criminalistic characterization, psychological profile, profiler.

Поступила в редакцию 9 октября 2018 г.

В последние два десятилетия для правоохранительных органов России одной из самых острых проблем стало раскрытие и расследование серийных убийств и изнасилований. Если в 1995 г. таких убийств в России было 143, то в 2005-м – 986. В 2006 г. уже было зарегистрировано 139 серий, что говорит о переходе из количественного показателя в «качественный». Средняя продолжительность раскрываемости одной серии от полугода до десяти лет.

При раскрытии данных преступлений правоохранительные органы в первую

очередь сталкиваются с тем, что традиционные методы здесь не работают. Половина всех серийных убийц не судимы, многие никогда не состояли на учетах в психоневрологических и наркологических диспансерах, в быту и на работе рекомендовали себя как отличные семьянины и сотрудники. Поэтому проверка по учетам и отработка лиц, ранее судимых, и прочего контингента не приводила к желаемому результату. Необходим был другой подход.

Пионерами в решении этого вопроса стали американцы. После того как печально известный маньяк Тед Банди пересек всю Америку, оставив за собой око-

© Кирюхин Д. А., 2019

ло сотни трупов, в ФБР США был создан отдел «профайлеров» – сотрудников, которые анализировали поведение серийного преступника на месте происшествия и на основе этого создавали его психологический профиль, включающий в себя социальные и психологические данные о разыскиваемом преступнике, такие как пол, возраст, семейное положение, наличие криминального прошлого, социальный статус, местожительство и т. п.

Нельзя сказать, что в Советском Союзе не было подобных методик. В следственной практике и оперативно-розыскной деятельности 80-х гг. прошлого века укоренился термин «психологический портрет преступника». Так, в середине 80-х при расследовании прогремевшего не только на бывший Союз, но и весь мир, дела «Лесополоса» впервые в следственной практике был привлечен в качестве эксперта по созданию психологического портрета врач-психиатр, впоследствии доктор наук, профессор А. О. Бухановский. Но самый лучший результат по применению психолого-розыскного портрета продемонстрировали ленинградские сыщики при розыске серийного убийцы Сибирякова, дело «Ленгаз». Так, в составленной ориентировке значилось всего пять пунктов с указанием возраста, места жительства, наличия судимости, места работы и семейного положения. Этого оказалось достаточно, чтобы участковый узнал в ней своего поднадзорного и сообщил об этом начальству. Огромный вклад в развитие и разработку методики создания психологического портрета внесли такие ученые, как Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко, Б. В. Шостакович, В. И. Иванов, Ю. П. Дубягин и др.

Внимательно изучая опыт и методику профайлеров ФБР, автор публикации столкнулся с тем, что окончательный профиль преступника есть не что иное,

как последовательное изучение и соединение всех элементов криминалистической характеристики.

Сегодня в научном мире одним из дискуссионных вопросов в теории криминалистики является количественный и качественный состав элементов криминалистической характеристики. Эта проблема особо актуальна при изучении серийных сексуальных убийств, поскольку от эффективности формирования и раскрытия системы элементов преступления будет зависеть практическая реализация криминалистической характеристики данной группы преступлений.

Содержание каждой криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений, по мнению одних авторов, не должно исчерпываться строго определенным и жестким перечнем ее элементов. В частности, Л. А. Сергеев отмечал, что кроме особенностей способов и следов соответствующих видов преступлений, обстоятельств, характеризующих участников преступлений и их преступные связи, объективную сторону, время, место и обстановку совершения преступления, объект посягательства и взаимосвязь указанных факторов, в криминалистическую характеристику могут входить и прочие ее составляющие¹.

Применительно к рассматриваемой группе преступлений разными авторами определяется разная последовательность элементов криминалистической характеристики. Так, С. А. Афанасьев в своей диссертационной работе «Криминалистическая характеристика и типовая программа расследования сексуально-садистских убийств» указывает на пять элементов криминалистической характеристики сексуально-садистских убийств²: характеристика типичных следов при сексуальных убийствах; способ совершения преступления (убийства); характери-

стика лиц, совершивших убийство; место и время совершения убийства; характеристика жертвы сексуально-садистского убийства.

А. Л. Протопопов в своей работе определяет другую последовательность уже шести элементов криминалистической характеристики: характеристика жертвы преступления; место и время совершения преступления; способ совершения преступления (убийства); личность преступника; мотив и цель преступления; характеристика следов преступления³. Такая последовательность представляется более логичной и правильной.

Однако на основании собственно анализа и практического опыта применения криминалистической характеристики в целях создания психологического профиля преступника мы предлагаем другую последовательность элементов криминалистической характеристики:

1. Понятие преступления (сексуального убийства).
2. Личность жертвы преступления.
3. Механизм следообразования (характеристика следов убийства).
4. Характеристика места и времени совершения преступления.
5. Мотивы преступления (сексуального убийства).
6. Способ совершения преступления (сексуального убийства).
7. Личность преступника (серийного убийцы).

Понятие преступления. При обнаружении признаков преступления (например, обнаружении трупа) или установлении события преступления необходимы знания уголовно-правовой характеристики данного преступления. Однозначного криминалистического понятия «убийство на сексуальной почве», «сексуальное убийство», «сексуально-садистское» «гомицидальное убийство» ни в

уголовно-правовой, ни в криминалистической литературе нет. Ученые-правоведы, криминалисты, криминологи и психиатры по-разному трактуют это понятие и классифицируют такого вида убийства. В п. «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ предусматривается ответственность за убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Личность жертвы. При получении информации об обнаружении трупа оперативные сотрудники только по одним первоначальным данным о трупе могут сказать, что это за убийство: на бытовой почве, в результате ограбления, заказное убийство или смерть в результате несчастного случая, или же сексуальное убийство. Первоначальная следственная ситуация чаще всего такова: очевидцы отсутствуют, виновный скрылся. Очень часто у погибшей отсутствуют документы, удостоверяющие ее личность. Также большое значение для следствия имеет установление круга знакомых жертвы, поскольку не исключено, что преступник был ранее знаком с ней либо жертва подходит под определенный типаж потенциальных жертв убийцы-маньяка, т. е. необходимо выявление общей закономерности между жертвами при серии убийств.

Третьим элементом является **механизм следообразования** или характеристика следов преступления, так как основная задача осмотра места происшествия – выявление и фиксация следов преступления в целях создания доказательственной базы для их последующего представления в суде. Информация, извлеченная с места происшествия, при правильном анализе позволяет установить сущность происшедшего события, первичные данные о преступнике, способе совершения преступления, а также

способе сокрытия убийства и других необходимых признаках. Дальнейшее получение информации продолжается при изучении данных экспертиз: судебно-медицинской, криминалистической, биологической и др.

Место и время совершения убийства. После получения сообщения об обнаружении трупа с признаками насильственной смерти следственно-оперативная группа выезжает на место происшествия. Не всегда место обнаружения трупа или его частей совпадает с местом убийства. Например, по статистике в Санкт-Петербурге до 35 % убийств сопровождалось перемещением трупа, а еще в 7 % случаев не представилось возможным установить, перемещался труп или нет. Это необходимо сделать, так как с местом преступления связан не только сам факт убийства, но и его следы, и следы преступника. Без места преступления невозможно смоделировать картину убийства (действий жертвы и преступника).

Время совершения нападений также не является чем-то случайным, оно несет достаточно много информации о личности убийцы, особенно если удается выявить закономерности в его выборе самим преступником. Важное значение здесь имеет продолжительность совершения преступления. В отличие от корыстного преступника, который действует в ситуации с жестким дефицитом времени, стремясь как можно быстрее скрыться, сексуальный убийца может часами проводить манипуляции с жертвой, ее трупом, а поэтому длительно находиться на месте преступления, что снова отсылает нас к четвертому элементу кримхарактеристики.

Мотив преступления является одной из составляющих причин совершения преступления. В п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ указаны обстоятельства, необходимые для дока-

зывания при производстве по уголовному делу. Требуется установить обстоятельства, относящиеся к событию преступления, его объективную и субъективную стороны. Последнее понятие включает в себя вину, ее формы, мотив и цель.

Как известно, в уголовном праве под мотивом преступления понимают те стремления, желания, под влиянием которых и при содействии своего сознания субъект совершает общественно опасные деяния. При расследовании сексуальных убийств наиболее важно выявить типичные доминирующие мотивы, которые оказывают непосредственное влияние на выбор преступником того или иного способа совершения или сокрытия преступления, а следовательно, и на механизм следообразования. В криминалистике мотив, как осознанное побуждение к определенному действию, вызывает решимость совершить преступление определенным способом, обуславливая соответствующее поведение виновного в период подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Способ совершения преступления, на наш взгляд, является центральным и самым важным элементом кримхарактеристики. Он представляет собой определенную совокупность действий преступника, направленную на достижение намеченной цели, определяемой мотивом преступления. Его повторяемость, проявляющаяся в соответствующих признаках, дает предположение о том, что образование данных признаков есть результат действия одного и того же преступника в сходных условиях внешней среды с использованием собственного определенного опыта. Во всех случаях выбор способа определяется набором личностных качеств преступника, его физическими возможностями, ситуационными факторами и т. д. Так, ученые

Ю. М. Антонян и др. в своей работе «Серийные сексуальные убийства» предлагают разграничивать убийц на «душителей» и «потрошителей» в зависимости от способа совершаемых ими убийств⁴.

И наконец, после детального изучения всех предыдущих элементов криминалистической характеристики мы переходим к анализу **личности преступника**. Определение личностных характеристик преступника, совершившего сексуальное убийство, представляет собой сложную, многоаспектную научную проблему, включающую использование знаний из области психологии, психиатрии, сексопатологии и т. п.

Для криминалистической характеристики преступлений в первую очередь интерес представляют такие данные о

личности субъекта преступления, которые указывают на ее закономерные связи с совершенным преступлением, проявляющиеся в многообразных следах и последствиях совершенного противоправного общественно опасного деяния. В этом плане личность целесообразно изучать не только как следообразующий объект – источник информации о совершенном преступлении, но и как одно из важнейших средств его раскрытия и расследования. Сведения о личности преступника как элемента криминалистической характеристики составляют все те данные, которые могут служить определению эффективных путей розыска, избличения преступника и других, связанных с этим задач расследования по уголовному делу.

¹ См.: *Сергеев Л. А.* Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4–5.

² См.: *Афанасьев С. А.* Криминалистическая характеристика и типовая программа расследования сексуально-садистских убийств : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992. С. 48.

³ См.: *Протопопов А. Л.* Расследование сексуальных убийств. СПб., 2001. С. 31.

⁴ См.: *Антонян Ю. М. и др.* Серийные сексуальные преступления. М., 2000. С. 87.

Главное управление криминалистики
Следственного комитета РФ

Кiryukhin D. A., научный консультант

E-mail: daos2525@mail.ru

Tel.: 8-931-336-42-93

General Directorate of Criminalistics of the
Investigative Committee of the Russian Federation

Kiryukhin D. A., Scientific Consultant

E-mail: daos2525@mail.ru

Tel.: 8-931-336-42-93

С. А. Куемжиева

Кубанский государственный аграрный университет

О ПРИНЦИПАХ ГРУППОВОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: в статье изложены основные вопросы принципов групповой методики расследования преступлений. Дано понятие укрупненной группы преступлений, методики их расследования, значение принципов этого вида методики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическая методика, группа преступлений, принципы, групповая методика расследования.

ABOUT THE PRINCIPLES OF GROUP TECHNIQUE OF INVESTIGATION OF CRIMES

A b s t r a c t: the article presents the main issues of principles of the group technique for the investigation of crimes. The concept of an increased group of crimes, technique of their investigation, and the significance of the principles of this type of technique are given.

Key words: technique of the investigation, crime group, principles, group investigation technique.

Поступила в редакцию 4 октября 2018 г.

В криминалистике общепринятым является деление методики расследования преступлений на общие положения и методику расследования отдельных видов преступлений. В то же время анализ структуры методики показывает, что существует третий вид методики – методика расследования укрупненных групп преступлений¹. Основанием выделения укрупненных групп является сходство уголовно-правовой характеристики преступлений и криминалистические признаки расследования этих преступлений. Укрупненная группа – это совокупность преступлений одного или нескольких видов. Методика их расследования по своей структуре и содержанию отличается от частной методики. Она включает отдельные теоретические положения и научно-практические рекомендации, общие

для групп преступлений, а не только для отдельного их вида².

Групповая методика – это система теоретических положений, конкретизирующих общие положения криминалистической методики применительно к расследованию отдельных видов преступлений, и основанные на этих положениях научно-практические рекомендации по совершенствованию сходных элементов расследования преступлений укрупненной группы.

Структурно групповая методика включает как самостоятельные теоретические положения, так и заимствованные из общей части криминалистической методики. Первые разрабатываются для расследования преступлений определенной группы. Групповая методика исследует сходные для преступлений группы основные положения криминалистической характеристики, особенности следственных ситуа-

© Куемжиева С. А., 2019

ций, способы совершения преступлений, типичные следы и др.

Для разработки положений групповой методики важное значение имеют принципы. Прежде всего, это принципы криминалистической методики. Известно, что сложный и объемный вопрос о принципах криминалистической методики исследован в трудах Р. С. Белкина, И. А. Возгрин, М. В. Субботиной, С. Н. Чурилова, А. В. Шмонина и других криминалистов. Не вдаваясь в изучение его сущности, отметим, что принципиальные теоретические положения криминалистической методики охватывают содержание обусловленности методики расследования предметом деятельности; зависимость следственных и иных действий от характера следственной ситуации; оптимальность вариантов сочетания следственных и иных действий и др.

Теоретические положения групповой методики основаны на указанных и иных принципах. Вместе с тем существуют и собственные принципы групповой методики расследования. Они выражают основные положения групповой методики, взаимосвязь ее структурных элементов, в определенной мере конкретизируют и дополняют принципы всей криминалистической методики.

В теории криминалистики рассматривались принципы методики расследования отдельных групп преступлений. Так, М. В. Субботина, исследуя проблемы методики расследования хищений, сформировала специальные принципы построения базовых криминалистических методик. Это принцип полноты по отношению ко всему процессу расследования отдельной категории преступлений; принцип «нивелирования»; принцип определенной структурности, определенный принцип полноты³.

Полагаем, что для той разновидности методики, которую М. В. Субботи-

на показывает базовой, позиция автора принципов обоснована. А. В. Варданян и Р. В. Кулешов, критически рассмотрев позицию М. В. Субботиной, полагают, что принципами базовых, родовых методик является принцип целостности, принцип единства общего и особенного (интеграции и дифференциации), принцип системности, принцип структурности⁴.

Одобряя позицию названных авторов, отметим, что некоторые из указанных принципов, например, принципы системности, структурности, относятся ко всей криминалистической методике в целом, а не только к ее части – методике расследования групп преступлений. На наш взгляд, принципы групповой методики должны иметь непосредственное значение для определенного вида методики и одновременно сочетаются с принципами всей криминалистической методики.

Для разрешения вопроса о сущности принципов групповой методики важно понимание ее сущности. Что представляет собой групповая методика? Как отмечалось, на наш взгляд, групповая методика – это самостоятельный вид методики. Структурно криминалистическая методика состоит из общих положений, групповой методики и методики расследования отдельных видов преступлений или частной методики. Исходя из этого, групповая методика строится на основе принципов всей методики и имеет свои специфические основные положения. Отличие групповой методики от частной состоит в том, что она исследует сходные признаки криминалистической характеристики укрупненных групп преступлений и сходные криминалистические особенности расследования. Групповая методика разрабатывает теоретические положения расследования преступлений укрупненной группы. Научно-практические рекомендации частной и групповой методики

сочетаются. Сочетание носит объективный характер.

Таким образом, первый принцип групповой методики состоит в использовании в групповой методике сходных уголовно-правовых признаков и криминалистических особенностей расследования отдельных видов преступлений.

Вторым является принцип оптимального сочетания научно-практических рекомендаций частной методики расследования вида преступлений с научно-практическими рекомендациями, выработанными групповой методикой для части расследования этих преступлений.

Названные принципы действуют в сочетании. Первый принцип побуждает выявить сходные уголовно-правовые и криминалистические особенности в различных преступлениях. Реализация второго принципа обязывает практически использовать особенности расследования.

Указанные принципы необходимы для решения основных задач групповой методики расследования:

а) разработка общих теоретических положений, имеющих значение для методики расследования укрупненной группы сходных (однородных) преступлений;

б) выявление закономерностей расследования, общих для определенной группы преступлений;

в) исследование особенностей организации расследования укрупненных групп преступлений;

г) выработка научно-практических рекомендаций для определенных моделей сочетания следственных и иных действий в расследовании преступлений укрупненной группы.

Изложенные принципы групповой методики дополняют принципы криминалистической методики и способствуют оптимизации расследования.

¹ См.: Куемжиева С. А., Зеленский В. Д. Общие положения криминалистической методики. Краснодар, 2015. С. 142–144.

² См.: Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018. С. 62–65.

³ См.: Субботина М. В. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика : учебник / под ред. А. П. Резвана [и др.]. М., 2006.

⁴ См.: Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. № 2. С. 11–12.

Кубанский государственный аграрный университет

Куемжиева С. А., кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета

E-mail: Kgau-uf@mail.ru

Tel.: 8 (861) 221-58-93

Kuban State Agrarian University

Kuemzhieva S. A., Candidate of Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law

E-mail: Kgau-uf@mail.ru

Tel.: 8 (861) 221-58-93

О. Д. Кузнецова

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

ФУНКЦИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛА И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦА ОТ НЕЗАКОННОГО И НЕОБОСНОВАННОГО ОБВИНЕНИЯ

А н н о т а ц и я: статья посвящена анализу процессуальной роли суда – субъекта судебного следствия. Приводятся мнения по поводу дискуссионного вопроса о том, какую позицию в рамках судебного следствия должен занимать суд – активную или пассивную. Анализируются действия суда, совершаемые по собственной инициативе и инициативе сторон. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что роль суда в процессе доказывания сводится к реализации процессуальной функции по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу и обеспечению сторонам равных возможностей для осуществления своих прав в соответствии с принципом состязательности, а также к осуществлению действий в интересах защиты. Кроме того, предлагается расширить сферу судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ, включив в нее контроль предъявления обвинения. В статье освещается предложение по изменению действующего законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебное следствие, доказывание, процессуальная функция, состязательность, объективная истина.

FUNCTION OF BUSINESS SOLUTIONS AND CHALLENGES OF IMPLEMENTING THE JUDICIAL PROTECTION OF PERSONS FROM ILLEGAL AND UNWARRANTED ACCUSATION

Abstract: this article analyzes the procedural role of the court is the subject of a judicial investigation. Provides views on the discussion of the question of what position within the framework of a judicial investigation and, in particular, the process of proof should be on the court, active or passive. Analysis of court action on their own initiative and the initiative of the parties. Also the analysis of different points of view about this: as active supporters of the court's role in the process of proving and opponents. As a result of research the author comes to the conclusion that the role of the court in the process of proof is reduced to the implementation of procedural functions for the review and resolution of the criminal case on the merits and provide the parties equal opportunities to exercise their rights in accordance with the adversarial principle, as well as to the implementation of the actions for protection. In addition, it is proposed to expand the scope of judicial review in accordance with article 125 of the Code of Criminal Procedure, to include the monitoring of charges. The article outlines a proposal to amend the current legislation.

Key words: judicial investigation, proof, procedure, function, controversy, truth.

Поступила в редакцию 7 ноября 2018 г.

Функция разрешения дела основана на таком признаке состязательности, как независимый от сторон суд. Закон определил общую тенденцию развития состязательности применительно к функции разрешения дела – сужение судебных полномочий в основном за счет элементов функции обвинения: права на возбуждение уголовного дела, на сбор доказательств по своей инициативе; на возможность его влияния на доказательственную базу предварительного расследования (например, отсутствие полномочия суда по своему усмотрению исключать свидетелей из списка к обвинительному заключению, которое в свое время предусматривал УПК РСФСР).

Судебная практика свидетельствует о появлении новых элементов в данных процессуальных актах. В них отражаются и оцениваются не только показания подсудимого и потерпевшего (как основных представителей сторон, чьи показания являются источником доказательств), что является обязательным в силу ст. 305–307 УПК РФ, но излагается и оценивается в целом позиция каждой стороны.

Изложение и оценка позиции сторон допустима и в судебных решениях вышестоящих судов, постановлениях судьи по результатам рассмотрения надзорных жалоб.

Такая практика составления процессуальных актов в условиях состязательного процесса является целесообразной, поскольку позволяет суду оценить доводы не только подсудимого и потерпевшего, но и доводы государственного обвинителя и защитника, помогает свести позиции участников процесса, выполняющих одну функцию, к единой, обеспечивая тем самым законность и обоснованность судебных решений.

В зависимости от степени участия суда при исследовании имеющихся в деле

доказательств, представляемых сторонами, в зависимости от получения новых доказательств, соотношения такой деятельности суда с полномочиями сторон, а также в зависимости от пределов его полномочий в принятии решений по процессуальным вопросам разграничивают состязательность с пассивной и активной ролью суда.

Под пассивной ролью суда в процессе доказывания исследователями деятельности суда понимается отсутствие предусмотренных законом полномочий по собиранию новых доказательств по собственной инициативе, а также отсутствие самостоятельных полномочий, не зависящих от согласия сторон, по исследованию доказательств, имеющихся в деле на момент поступления его в суд. Активная позиция предполагает установленную законом возможность совершения судом действий по своей инициативе, направленных на получение новых и на исследование имеющихся в материалах дела доказательств независимо от сторон.

Первая позиция – о пассивной роли суда, по мнению ученых, ее отстаивающих, базируется на следующих положениях:

- 1) на абсолютном разделении функций обвинения, защиты и разрешения дела;
- 2) отрицании цели уголовного процесса – объективной истины.

Точка зрения о необходимости активного участия суда в доказывании, напротив, основана на принципе объективной истины, позволяющем постановить обвинительный приговор лишь в случае установления ее судом.

На наш взгляд, более убедительные аргументы лежат в основе второй позиции.

Активность суда предполагается в странах с классической формой состязательности уголовного процесса. Статья 614 Федеральных правил США о предостав-

лении доказательств не ограничивает судью в праве вызывать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов, назначать экспертизу как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе, и не обязывает принимать решение только на фактах и доказательствах, предоставленных по выбору сторон¹.

Автор полагает, что и отечественная состязательность не исключает принципа установления объективной истины законным способом, а следовательно, должна допускать в определенных законом пределах активность суда в процессе доказывания, которая может быть ограничена лишь запретом на совершение действий в интересах обвинения.

Из содержания ст. 281, 282, 283, 285, 287–290 УПК РФ видно, что суд вправе как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе получать новые и исследовать полученные на досудебной стадии доказательства. Таким образом, суд наделен достаточными полномочиями, исполнение которых не зависит от позиции сторон. Каким образом закон соотносит беспристрастность суда с его действительно активной ролью? В первую очередь такая его роль не должна ущемлять прав сторон в состязательном процессе. Гарантией тому могло бы стать дополнение ч. 5 ст. 274 УПК РФ следующего содержания: «Суд вправе по собственной инициативе совершать действия, предусмотренные ст. 281, 282, 283, 285, 287–290 УПК РФ, лишь после представления доказательств сторонами».

Но проблема реализации принципа состязательности в деятельности суда таким изменением закона полностью не будет исчерпана. Она остается в следующих случаях и при реализации судом своего права на получение независимо от сторон указанных доказательств, и после того, как стороны закончили представление своих доказательств.

Вопрос, по мнению автора, состоит в следующем.

Ряд исследователей полагают, что суд вправе, независимо от сторон и содержания доказательства (доказательство обвинения или защиты) получить новое или исследовать ранее полученное в соответствии с вышеуказанными нормами (Е. Г. Шадрина)². Вместе с тем данная позиция непротиворечива. Если речь идет о получении судом доказательств обвинения, вопроса не должно возникать: принцип состязательности, гарантирующий разделение в первую очередь функций обвинения и разрешения дела, не позволяет ему получать такие доказательства по своей инициативе и тем более использовать их при обосновании вывода о виновности лица в обвинительном приговоре. Состязательность требует от суда полного отказа от действий, которые могут быть оценены как обвинительные. Такое толкование основано на положениях ст. 118 и 123 Конституции Российской Федерации, Постановлениях Конституционного Суда РФ, посвященных вопросам соответствия уголовно-процессуальных норм принципу состязательности. Такой позиции придерживаются и некоторые исследователи судебной функции. Например, М. Адамай-тис считает, что законодатель, разрешая суду назначать экспертизу по собственной инициативе, «дает зеленый свет для собирания судом по собственной инициативе доказательств, в том числе и обвинительных»³. В то же время реализация судом указанных в ст. 281, 282, 283, 285, 287–290 УПК РФ полномочий по получению доказательств по своей инициативе не связана с содержанием доказательства. Следовательно, указанные нормы дают право суду получать и исследовать не только доказательства защиты, но и доказательства обвинения, и использовать их в приговоре, выполняя в последнем случае действия по реализации функции обвинения.

Таким образом, регламентация законом полномочий суда в указанных специальных нормах противоречит содержанию принципа состязательности, закрепленному в ст. 15 УПК РФ, и по-прежнему является правовым основанием для обвинительного уклона суда. Представляется, что правило о приоритете специальной нормы перед общей в данном случае не может быть применено, так как оно не согласуется с основным требованием состязательности об отделении функции разрешения дела от функции обвинения. Данные противоречия можно преодолеть путем толкования закона, исходя из принципа презумпции невиновности, т. е. путем толкования его в пользу обвиняемого: при оценке доказательств обвинения, полученных по инициативе суда при отсутствии ходатайства стороны обвинения, они должны признаваться недопустимыми, как добытые с нарушением ст. 15 УПК РФ, выражающимся в принятии судом на себя функции обвинения. Исключением из такого правила, по нашему мнению, могут быть лишь ситуации, связанные с получением доказательства, обязательного в силу закона, – заключения экспертизы в соответствии со ст. 196 УПК РФ.

Таким образом, при разрешении данной процессуальной ситуации необходимо отдать предпочтение действию принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ), а не специальной норме, допускающей совмещение функций обвинения и разрешения дела в деятельности одного органа – суда.

Как разрешать ситуацию, если суд по своей инициативе получил доказательство защиты, поскольку согласно ст. 15 УПК РФ функция суда по разрешению дела отделена не только от функции обвинения, но и от функции защиты? Состязательность не исключает, а, напротив, предполагает возможность толкования

закона в пользу защиты, учитывая розыскную стадию предварительного расследования, дающую фактическое преимущество стороне обвинения на досудебном этапе.

Представляется, что следует руководствоваться положением о возможности осуществления судом функции защиты. В этом случае применимы названные выше статьи УПК РФ, позволяющие суду получать по своей инициативе только доказательств, по содержанию являющиеся доказательствами защиты. На наш взгляд, когда речь идет о необходимости обеспечения судом качественной защиты, нельзя при выборе подлежащей применению нормы закона отдавать предпочтение общему правилу об отделении функции разрешения дела от функции защиты, если оно нарушает в данной ситуации защищаемые законом права и интересы подсудимого (конституционное право на надлежащую защиту). Излагая данную позицию, автор предполагает затруднения суда, которые состоят в том, что на этапе принятия решения о получении нового доказательства не всегда возможно определить его содержание, поэтому спорность и сложность изложенного способа реализации судом своих полномочий в условиях состязательности очевидны. И самое уязвимое место в нем – это допускаемое таким толкованием процессуальное неравенство сторон, которое выражается в возможности совершения судом действий в интересах защиты и в недопустимости таких действий в интересах обвинения. Однако, по мнению автора, это неравенство неизбежно и должно проявляться в преимуществе защиты.

Таким образом, в условиях состязательности даже с учетом допускаемой ею судебной активности самостоятельная деятельность суда в процессе доказывания, на взгляд автора, должна быть ограничена следующими положениями:

1) она допустима в случае получения обязательного в силу закона доказательства, отсутствующего в деле (ст. 196 УПК РФ), которое суд вправе получить по своей инициативе в любой момент судебного разбирательства и независимо от того, является ли оно доказательством защиты или обвинения;

2) она возможна в отношении получения иных доказательств лишь после исследования доказательств, представленных сторонами, и тогда, когда они исчерпали свои возможности в доказывании;

3) полученные по инициативе суда иные (пункт 2) доказательства могут быть положены в основу приговора лишь в интересах защиты.

С позиций идеальной состязательности, предполагающей пассивность суда, суд не должен включаться в число субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами, он должен решать задачи не поискового, а чисто исследовательского характера, суд не должен вырабатывать не только стратегию, но и тактику по исследованию доказательств.

Выбор стратегии и тактики в первую очередь характерен для субъектов с определенными интересами (должностными или частными) к движению процесса и его исходу. Это утверждение в первую очередь относится к стороне обвинения, которая всегда должна быть активной, а также к защите, которая даже при ее пассивности действует на опровержение или смягчение обвинения. Определение стратегии судебного разбирательства в состязательном процессе, действительно, присуще лишь сторонам, т. е. входит в содержание лишь их функций, поскольку суд в состязательном процессе не вправе заранее определять его конечного результата и программу для его осуществления.

Сужение сферы процессуальной деятельности суда за счет действий, характерных для функции обвинения, и за счет

исключения обязанности суда полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства совершения преступления повлекло и соответствующее сужение тактической деятельности суда, которая возможна при условии сохранения судом беспристрастности и в основном сводится к следующим положениям:

1) беспристрастность при выборе и использовании судом тактических приемов проведения допроса и других судебно-следственных действий по исследованию в судебном заседании доказательств;

2) допустимо прогнозирование судом тактики сторон в целях оптимального разрешения организационно-процессуальных вопросов;

3) оказание судом влияния на деятельность сторон в целях формирования единой позиции участников каждой из них путем разъяснения значения такой позиции в условиях состязательного процесса⁴.

Как правило, в условиях состязательности суд должен принимать решение о проведении судебно-следственного действия по ходатайству сторон.

Существо соответствующих состязательности положений закона, например, при таком действии, как допрос судом участников процесса после их допроса сторонами, заключается в том, что именно стороны должны выяснять обстоятельства дела, обеспечивая тем самым беспристрастность суда.

На наш взгляд, тактика суда при допросе должна отвечать следующим требованиям: его вопросы могут, как правило, касаться уже прозвучавшей информации, т. е. быть уточняющими, и лишь в исключительных случаях касаться невыясненных сторонами обстоятельств, имеющих существенное значение для дела; они по содержанию не должны быть тенденциозными и носить характер изобличающих подсудимого в совершении преступления.

Полагаем, что в суде присяжных председательствующий должен избегать участия в допросе вообще, так как в данной форме судопроизводства он должен сохранять беспристрастность не только в глазах сторон, но и перед непрофессиональными судьями.

Значение прогнозирования судом тактики сторон заключается в предупреждении ошибок сторон, способных повлиять на существо будущего судебного решения, а также в предупреждении преднамеренных действий сторон, противоречащих закону. Такое прогнозирование поможет суду предусмотреть вариант будущего процессуального разрешения судебных ситуаций, созданных сторонами.

Принцип состязательности предполагает, как общее правило, наличие единой позиции у всех участников процесса, выполняющих одну и ту же функцию. В противном случае состязаться перед судом будут не стороны между собой, а участники процесса в пределах одной функции. Под единой позицией понимается не только правовая позиция, но и единство способов ее достижения. В ее выработке должны быть заинтересованы не только стороны (интерес участников процесса с каждой из сторон определяется тем, что такая позиция дает возможность выработать оптимальные пути достижения своих целей), но и суд, поскольку единая позиция участников процесса с каждой из сторон обеспечивает постановление законного и обоснованного приговора.

Право суда влиять на соответствующую деятельность сторон и формы такого влияния законом не предусмотрены. Тем не менее полагаем, что судья может разъяснить значение единой позиции участников процесса каждой из сторон, и такая форма деятельности не нарушит признака состязательности – равноправия сторон – и не будет свидетельствовать о пристрастности суда. Такое право суда

основано, в частности, на нормах, регламентирующих формирование вопросного листа по делам с участием присяжных, в которых указано, что стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых (ст. 338 УПК РФ). Следовательно, в некоторых случаях закон обязывает стороны иметь единую позицию. Предложенный вариант влияния суда на деятельность сторон, безусловно, повысит эффективность правосудия.

Если тактика сторон определяется их интересом в достижении целей, присущих функции, то тактика суда должна и может в условиях состязательности определяться только задачей установления объективной истины при постановлении обвинительного приговора, формирования внутреннего убеждения и обеспечения соблюдения уголовно-процессуального закона. Достижению этих задач и должна способствовать его деятельность по формированию единой позиции сторон.

К условиям, ограничивающим тактику сторон, не относятся полномочия в части разрешения председательствующего на дачу показаний подсудимым в любой момент судебного следствия (ч. 3 ст. 274 УПК РФ) и изменение судом установленного порядка допроса нескольких подсудимых (ч. 5 ст. 275 УПК РФ) по следующим причинам.

Первое положение не имеет тактического значения, так как суд в интересах объективного рассмотрения дела разрешает этому участнику процесса дать показания в выбранное по его усмотрению время. При неудовлетворении позиции подсудимого в этом вопросе возможен его отказ дать показания вообще, что при определенной ситуации, связанной с имеющимися доказательствами, может повлечь неисследование важных обстоятельств. Кроме того, значение такого разрешения председательствующего в

основном заключается в необходимости обеспечения порядка в судебном заседании, а не в предоставлении суду возможности использовать это право в тактических соображениях.

Второе положение, сформулированное в ч. 5 ст. 275 УПК РФ, связывает возможность вмешательства суда в порядок исследования доказательств с соответствующим ходатайством стороны, а следовательно, не является условием, определяющим самостоятельную тактику суда.

Г. А. Воробьев, не подвергая критике данную норму закона и буквально толкуя ее, считает, что по ходатайству стороны при наличии нескольких подсудимых суд вправе изменить существующий порядок их допроса, т. е. вправе разрешить стороне обвинения первой допросить подсудимого⁵. Полагаем, что при реализации данного положения в соответствии с его буквальным толкованием вероятно нарушения принципа состязательности, поэтому его невозможно принимать без критики. Оно не позволяет логически совместить возникновение данного права суда на изменение порядка допроса, во-первых, с наличием ходатайства стороны (очевидно, предполагается – стороны обвинения); во-вторых, с наличием нескольких подсудимых. Данная норма совершенно неожиданно «вторгается» в полномочия защиты, ограничивая их в одном из самых важных способов реализации функции, тогда как в состязательном процессе любое, даже незначительное, ограничение полномочий стороны защиты способно привести к преобладанию розыскных начал. Убедительными причинами такого ограничения не могут быть признаны ни желание государственного обвинителя допросить первым подсудимого, ни тем более наличие нескольких подсудимых. В условиях состязательности объем полномочий защиты не может определяться таким критерием, как количество

подсудимых (один или несколько). Избегать такого неоправданного ущемления прав стороны позволило бы исключение ч. 5 ст. 275 из УПК РФ.

Особенностью, внесенной состязательностью, является деятельность суда по разъяснению прав и обязанностей участникам процесса, которой придается значение гарантии обеспечения равноправия сторон и элемента контроля суда за соблюдением закона сторонами. Обязанность суда разъяснять права и обязанности участникам процесса определяется не только прямым указанием закона, но и вытекает из его смысла. На наш взгляд, к последней относятся разъяснения:

1) требований закона о нераспространении перед присяжными заседателями сведений о прежних судимостях подсудимых;

2) порядка рассмотрения ходатайств об исключении доказательств в отсутствие присяжных;

3) права и обязанности заявлять о допущенном нарушении закона и последствиях умолчания о нем;

4) непрофессиональным участникам процесса правовых последствий выбираемого ими того или иного процессуального способа защиты своего интереса.

Активная роль суда проявляется и в принятии им по собственной инициативе и независимо от сторон процессуальных решений, не являющихся окончательными по делу. Согласно действующему закону такие решения суд принимает по вопросам необходимости проведения предварительного слушания при наличии оснований, указанных в законе, о приостановлении производства по уголовному делу. Закон предоставил достаточно самостоятельности суду в принятии решений по процессуальным вопросам и оптимально определил в данной сфере соотношение полномочий сторон и суда. Вместе с тем выявляются недостатки в правовой

регламентации деятельности суда в сфере судебного контроля. В связи с законодательным закреплением такого назначения уголовного процесса, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, существо судебного контроля на досудебных стадиях и контроля при разрешении судом первой инстанции дела по существу должно быть единым: обеспечение защиты от такого обвинения. Проблема видится в том, что на досудебных стадиях реализация права на судебную защиту от незаконного и необоснованного обвинения затруднена, а в некоторых случаях и невозможна, что отрицательно влияет на эффективность разрешения дела по существу судом первой инстанции: неоправданно затягивается реализация назначения уголовного процесса.

Согласно действующему правовому регулированию судебный контроль за деятельностью сторон происходит не только при судебном разбирательстве по существу предъявленного обвинения. Суд проверяет законность действий и решений стороны обвинения и на досудебных стадиях в отдельной процедуре.

В ч. 1 ст. 125 УПК РФ указано, что в таком порядке могут быть обжалованы постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, его прекращении, а равно иные их решения и действия, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Обвинение лица в совершении преступления в отечественном уголовном судопроизводстве по делам публичного и частнопубличного обвинения традиционно представляет собой установленную законом процедуру, включающую решение органов уголовного преследования о предъявлении обвинения в форме постановления и действия по его предъяв-

лению. Новым положением, определяющим иное отношение к данным следственным действиям, является ст. 6 УПК РФ, одним из назначений уголовного процесса назвавшая защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения. Но при этом формы действенной защиты в стадии предварительного расследования законодательством не предусмотрено.

Предъявление обвинения, являясь одним из важнейших следственных действий, определяющим новый статус лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, несмотря на действие принципа состязательности, по-прежнему происходит в процедуре, исключающей его реализацию, что сказывается на качестве правосудия, откладывает проверку обоснованности предъявленного обвинения на длительный срок, вплоть до рассмотрения судом дела по существу.

С учетом изложенных аргументов поддерживаем суждение Е. Г. Лукьяновой о принципиальной невозможности ограничения предмета судебного контроля действий и решений должностных лиц органов расследования⁶. Поэтому, несмотря на содержание ст. 125 УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016 № 56)), исключающие возможность обжалования постановления о предъявлении обвинения, полагаем необходимым продолжить исследования осуществления контроля за законностью данного решения органов расследования.

Необходимость установления процедуры, в которой стороне обвинения было бы предоставлено право предъявить обвинение, а стороне защиты возразить против него либо согласиться с ним на любой, в том числе и на достаточно ранней стадии, с вынесением судебного решения об утверждении обвинения или его отклонении, имела в период

действия УПК РСФСР. Процессуальная модель, предусмотренная для обжалования в суд решения органов расследования об избрании меры пресечения – содержания под стражей (ст. 220-1 УПК РСФСР) использовалась стороной защиты не только по прямому назначению, но и для обжалования предъявленного обвинения. Причем в большинстве случаев оспаривание обвинения являлось основанием обжалования ареста. Суд не вправе входить в оценку законности и обоснованности обвинения. Однако сторона защиты, указывая соответствующий довод в жалобе, рассчитывала, что суд примет решение об отмене меры пресечения, чтобы смягчить будущие негативные последствия как от необоснованно предъявленного обвинения, так и от необоснованного в связи с этим ареста. Причины, которые требуют законодательного установления процедуры для оспаривания перед судом обвинения, предъявленного органами расследования, не устранены введением в действие УПК РФ и обусловлены по-прежнему многими обстоятельствами.

Судебные полномочия на данной стадии установлены лишь в определенных пределах. Суд рассматривает жалобы на действия и решения следственных органов, прямо указанных в законе, а также на действия и решения, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ к правосудию, и выносит судебное решение по вопросу применения некоторых мер процессуального принуждения (ст. 108, 109, 125, 165 УПК РФ). По смыслу закона он не вправе предрешать вопросы о виновности, а следовательно, высказывать суждения по существу предъявленного обвинения.

В то же время решения об избрании меры пресечения, в особенности такой, как заключение под стражу, об аресте

имущества, о временном отстранении от должности определяются предъявленным обвинением. Судебная оценка этих действий органов расследования в форме решения об их проведении либо отказе или в форме решения по жалобе на действия и решения следователя напрямую зависит от оценки законности и обоснованности предъявленного обвинения.

Названные формы судебного контроля, равно как и порядок рассмотрения отводов, ходатайств, заявлений и жалоб, предусмотренный ч. 1 ст. 67, ч. 1 ст. 69, ч. 1 ст. 159, ст. 119 и 124 УПК РФ, не могут обеспечить достижение назначения уголовного процесса – защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и реализацию права на обжалование предъявленного обвинения на досудебных стадиях.

Право на обжалование иных решений и действий органов расследования, кроме прямо указанных (об отказе в возбуждении дела и его прекращении), законодатель связал с наличием условия: если эти решения и действия способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства. Если защита личности от незаконного и необоснованного обвинения признана назначением уголовного процесса, то его предъявление является, несомненно, действием, непосредственно затрагивающим конституционные права и свободы.

Изложенные суждения о пределах судебного контроля позволяют сделать вывод о том, что имеющиеся процессуальные модели, предусмотренные ст. 108, 109, 125, 165 УПК РФ, не могут в полной мере в каждом случае привлечения лица в качестве обвиняемого гарантировать ему защиту от незаконного и необоснованного обвинения.

Наличие предварительного расследования, являющегося в большей мере

розыскной стадией с ее важнейшим элементом – предъявлением обвинения, обязывает разработать и законодательно закрепить особую состязательную судебную процедуру, в которой должно предъявляться обвинение либо производиться его оспаривание. Однако и действующее правовое регулирование позволяет рассматривать как возможные к применению некоторые существующие модели. Представляется, что наиболее подходящей из них, способной обеспечить полноту проверки является предусмотренная ст. 448 УПК РФ для предъявления обвинения специальным субъектам по судеб-

ному заключению. Такой порядок может быть распространен на все уголовные дела, по которым проводится предварительное следствие.

Значение установления в будущем специальной процедуры судебного контроля законности и обоснованности предъявляемого на досудебной стадии обвинения заключается в том, что оно устранило бы пробел в законе, а также проблемы в правоприменительной практике и явилось бы гарантией достижения назначения уголовного процесса и в конечном итоге – гарантией качества отечественного правосудия.

¹ См.: Уголовный процесс западных государств / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2001. С. 119.

² Минимурзина О. Н. Судья как особый властный субъект судебного следствия // Российский судья. 2016. № 7.

³ Адамайтис М. Суд не должен назначать экспертизу // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 1.

⁴ См. подробнее о единой позиции сторон: Кузнецова О. Д. Принцип состязательности и проблемы его реализации при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции : монография. Калининград, 2008. С. 55, 65.

⁵ См.: Воробьев Г. А. Об установлении порядка судебного следствия по новому УПК России. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – проблемы практической реализации : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Сочи, 11–12 октября 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 106.

⁶ См.: Лукьянова Е. Г. Тенденции развития процессуального законодательства в свете общей теории права // Государство и право. 2003. № 2. С. 104 ; Шадрин Е. Г. К вопросу о необходимости расширения допустимых пределов судебного контроля (на примере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) // Российский судья. 2018. № 5 ; Суждение о включении при осуществлении в судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ признаков состава преступления и доказательств его совершения изложено в работе: Егоров К. И. Оценка доказательств военным судом при осуществлении контроля на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 155–156.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Кузнецова О. Д., заместитель председателя арбитражного суда Калининградской области, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического института

E-mail: kuznecovaod@yandex.ru

Immanuel Kant
Baltic Federal University

Kuznetsova O. D., Deputy Chairperson of the Arbitral Court in Kaliningrad Region, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Business Law Legal Institute

E-mail: kuznecovaod@yandex.ru

О. С. Кучин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Аннотация: настоящая статья посвящена проблемам адвокатской деятельности в форме проведения адвокатского расследования по уголовным делам в интересах подзащитного (обвиняемого) или иного доверителя – потерпевшего от преступления. Также рассмотрены вопросы криминалистического обеспечения адвокатской деятельности, использование возможностей частного детектива и технических средств объективного контроля.

Ключевые слова: адвокат, уголовное дело, адвокатское расследование, полномочия адвоката, криминалистическое обеспечение адвокатской деятельности, частный детектив, технические средства объективного контроля.

ADVOCATE INVESTIGATION ON CRIMINAL CASES: PROSPECTS AND NEED

Abstract: this article is devoted to the problems of advocacy consulting conducted in the form of legal investigation in criminal cases in the interests of the defendant or other principal – victim of a crime. It also considered the issues of forensic security lawyers, the use of the capabilities of a private detective and technical means of objective control.

Key words: lawyer, criminal case, lawyer's investigation, powers of a lawyer, criminalistics provision of advocacy, private detective, technical means of objective control.

Поступила в редакцию 11 октября 2018 г.

Согласно Конституции РФ наша страна провозглашена демократическим правовым государством, но, к сожалению, его действительное становление, как и формирование всего гражданского общества, является длительным и сложным процессом. Положительные успехи в развитии этого направления зависят не только от состояния экономического базиса, эффективной модернизации законодательства и правовых отношений, но и от желания и возможности государства в целом обеспечить каждой личности защиту прав и конституционных гарантий.

Особое место среди последнего положения занимает конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Конституция РФ, наряду с государственной (ч. 1 ст. 45), в том числе судебной (ч. 1 ст. 46), защитой прав и свобод человека и гражданина, гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48), которое является одним из основополагающих прав и одновременно важнейшей гарантией соблюдения целого ряда иных гарантированных положений Основного закона Российского государства. Так, оно служит гарантией осуществления других за-

крепленных в Конституции РФ прав: на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), на судебную защиту (ст. 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123) – и постоянно находится во взаимосвязи с ними.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством правом на возбуждение уголовного дела и проведение по нему расследования в настоящее время обладают следователи и дознаватели. Современный УПК РФ относит их к стороне обвинения и возлагает на них обязанность доказать виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Также из уголовного процесса законодателем удален принцип объективности расследования уголовных дел, и многое отдано на откуп указанным должностным лицам, а также их руководителям.

Анализ судебной и следственной практики, публикации в средствах массовой информации, научные публикации специалистов неопровержимо доказывают, что в настоящее время имеют место неоднократные случаи, когда следователи, дознаватели и руководители следственных подразделений ненадлежащим образом исполняют свои должностные обязанности, препятствуют осуществлению законного и справедливого правосудия, допускают нарушения конституционных прав, свобод и интересов граждан, вынужденных, в частности, доказывать свою невиновность. При этом надо отметить, что такие нарушения допускаются не только в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, но и в отношении лиц, являющихся потерпевшими от преступлений. При этом также имеют место многочисленные факты, когда надзирающие прокуроры и

суды просто игнорируют законные и обоснованные доводы в жалобах адвокатов, защищающих подозреваемых (обвиняемых) или представляющих интересы потерпевших, неприкрыто занимая сторону обвинения, отказывая в удовлетворении ходатайств о проведении дополнительных следственных действий, назначении экспертиз, истребовании сведений и изъятии документов.

Таким образом, по мнению автора, явно нарушается положение ст. 45 Конституции РФ, гарантирующее каждому лицу государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем каждый человек вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Следовательно, гражданин при выборе способа и метода защиты своих нарушенных прав и свобод вправе на законных основаниях использовать все виды обжалования, обращаться в суд, к депутатам и общественности, к средствам массовой информации, создавать общественные организации, комитеты в свою защиту, проводить акции, пикетирования и т. д. Также он имеет право для защиты нарушенных прав и свобод, объективного установления важных обстоятельств, обращаться за помощью к должностным лицам, экспертам, специалистам, аудиторам, оценщикам, специалистам и т. д., в том числе и для проведения так называемых специальных профессиональных расследований.

В действующем российском законодательстве, ведомственных нормативно-правовых актах не содержится легальной дефиниции «адвокатское расследование» и не предусмотрен порядок его проведения, в том числе и по уголовным делам. В то же время на практике такие расследования по уголовным делам адвокатами проводятся и довольно успешно. Особенно этим «грешат» адвокаты,

имеющие в прошлом профессиональный опыт работы в должностях следователей, дознавателей, прокуроров, оперативных сотрудников. Обладая профессиональными навыками в криминалистике, оперативно-розыскной деятельности, в методике назначения и проведения различных экспертиз и исследований, они используют свои знания в интересах доверителей, если видят, что должностные лица следствия и дознания не прислушиваются или просто игнорируют их позицию по делу, которую адвокат считает обоснованной.

По мнению автора настоящей статьи, адвокатское расследование в уголовном процессе – это комплекс действий, основанных на его опыте, профессиональных знаниях адвоката в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, теории судебной экспертизы, действующего законодательства и реализуемых адвокатом в направлении собирания объективных доказательств по уголовному делу, выявления обстоятельств, имеющих юридическое значение по делу, а также на получение иной, не запрещенной законом информации, необходимой для оказания юридической помощи по делу в целом. Адвокатское расследование не имеет ничего общего с действиями адвоката по фальсификации доказательств, документов и ситуаций и иными незаконными действиями, хотя и направленными в интересах его доверителя.

Действия адвоката в ходе проводимого им расследования непосредственно не связаны с деятельностью правоохранительных и следственных органов и являются независимыми от них. Хотя надо отметить, что адвокат может легально использовать возможности государственных органов в сборе необходимой ему информации и доказательств, что законом не запрещено. Адвокатское расследова-

ние по уголовному делу в системе способов и методов защиты, нарушенных прав, свобод и интересов доверителей занимает особое место. Поэтому, по мнению автора, этот вид деятельности уже давно должен был быть узаконен и активно применяться в адвокатской деятельности.

Статья 86 УПК РФ впервые закрепила положение, что «защитник вправе собирать доказательства», а затем определила и пути данной деятельности: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Законодатель разработал такой способ получения информации по делу, как «адвокатский запрос», и установил административную ответственность за его неисполнение.

Учеными, практиками и самими адвокатами в современной юридической литературе адвокатскому расследованию уделяется значительное внимание. Специалисты в настоящее время в отношении деятельности адвоката по выявлению обстоятельств и собиранию доказательств в интересах защиты прав доверителя и оказания ему квалифицированной юридической помощи используют различные процессуальные термины: параллельное расследование или следствие, частные расследования, адвокатское расследование, познавательное-поисковая деятельность адвоката, поисковая деятельность защитника. Нам кажется, что термин «адвокатское расследование» наиболее подходит для обозначения этой специфической адвокатской деятельности и отражает всю полноту ее возможных действий и последствий.

Вместе с тем, как показывает анализ практики, многие представители судебного сообщества, прокурорские работ-

ники, следователи, дознаватели, оперативные сотрудники и отдельные ученые относятся к адвокатскому расследованию достаточно критично и даже считают его вредным для интересов правосудия. Свои доводы они обосновывают тем, что, во-первых, адвокат оценивает доказательства в целях защиты прав и законных интересов подзащитного и его деятельность носит односторонний характер; во-вторых, результаты деятельности по оценке доказательств выражаются в ходатайствах, заявлениях и т. п., имеющих целью убедить следователя, прокурора и суд в правильности своей позиции, а результаты такой деятельности облачаются в процессуальные документы, определяющие дальнейшее движение уголовного дела и подлежащие исполнению; в-третьих, адвокат не указан в ст. 17 и 88 УПК РФ как субъект оценки доказательств.

Также оппоненты адвокатского расследования ссылаются на положения ч. 2 ст. 74 УПК РФ, указывая, что в перечне доказательств, подлежащих обязательной оценке органами предварительного расследования, прокурором и судом о результатах параллельного адвокатского расследования нет ни слова.

Надо отметить, к сожалению, что, как показывает практика, все, что добывается по делу адвокатами – защитниками подозреваемых (обвиняемых), представителями потерпевших, гражданских истцов в рамках адвокатского расследования, в дальнейшем следователями, дознавателями и судьями очень часто игнорируется, а в лучшем случае ими перепроверяется. Современный российский адвокат может лишь обратить внимание на наличие интересной для него информации, но в отличие от следователя, дознавателя, прокурора и судьи самостоятельно конвертировать ее в пригодное для оценки доказательство не в состоянии. Это будет про-

должаться до тех пор, пока законодатель не сочтет возможным включить результаты адвокатского расследования в перечень доказательств, подлежащих обязательной оценке органом, осуществляющим предварительное расследование, прокурором и судом. В настоящее же время значительное большинство представителей стороны обвинения, судов и многие сотрудники правоохранительных органов придерживаются однозначного мнения о том, что адвокат не вправе проводить параллельное независимое расследование наравне со стороной обвинения.

Возражая на это устоявшееся мнение, автор настоящей статьи мог бы привести десятки случаев из своей личной адвокатской практики и практики своих коллег, когда адвокат, проведя свое расследование, явно способствовал тому, что по его материалам были возбуждены уголовные дела в отношении виновных лиц, а лица, необоснованно привлекаемые к уголовной ответственности, были в дальнейшем реабилитированы. Анализируя позицию стороны обвинения, автор пришел к выводу, что негативное отношение стороны обвинения и судов к адвокатскому расследованию и его результатам вызвано только тем, что эти стороны просто не хотят иметь сильных конкурентов в лице адвоката, ведь невозможно утаить тот факт, что в настоящее время многие адвокаты профессионально более грамотные, чем сотрудники правоохранительных органов, и могут более качественно выполнить свою работу по установлению истины по делу, в чем они заинтересованы.

При этом адвокатское расследование может быть начато адвокатом в интересах своего доверителя как до возбуждения уголовного дела, так и во время производства предварительного следствия, а также после направления дела в суд и даже после вынесения приговора.

Правовой основой для проведения адвокатского расследования в первую очередь является Конституция РФ, конституционные нормы которой закрепляют право гражданина на доступ к информации (ст. 24, 29), право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45), получать квалифицированную юридическую помощь (ст. 48), право потерпевшему на обеспечение государством доступа к правосудию (ст. 52), на состязательность и равноправие сторон при осуществлении правосудия (ст. 124) и ряд других. Эти положения конституционного закона получили дальнейшее закрепление в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 49-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и в ряде других нормативных актов.

Основными целями современного адвокатского расследования являются обеспечение эффективной защиты прав, свобод и интересов подозреваемых и обвиняемых при производстве по уголовному делу, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, назначение виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, полное обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания.

Так, с помощью адвокатского расследования возможно решение задач по выявлению и фиксации обстоятельств, включающих преступность и наказуемость деяния, или обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Адвокатское расследование как направление профессиональной деятельности имеет соответствующие принципы его проведения. Среди них можно назвать оперативность и своевременность, использование всех законных средств для защиты интересов доверителя и соблюдение норм соответствующего законодательства. Важными принципами адвокатского расследования являются высокая квалификация и профессиональная грамотность специалиста, его честность, разумность и добросовестность при отстаивании прав и законных интересов доверителя, а также его универсальность, т. е. умение рассматривать комплекс вопросов, касающихся различных отраслей права. К другим принципам относятся открытость, т. е. информирование доверителя о развитии разрешаемой ситуации и своевременное разъяснение ему возможного негативного развития ситуации, а также своевременное и полное предоставление информации доверителю по его делу. Существенными принципами адвокатского расследования можно назвать соблюдение адвокатской тайны, конфиденциальность в отношении полученных от доверителя и иных лиц сведений, а также соблюдение корпоративной дисциплины. При проведении адвокатского расследования возможно использование следующих средств и способов защиты прав, свобод и интересов доверителей:

- 1) получение адвокатом предметов, документов и иных сведений;
- 2) проведение адвокатом опроса лиц с их согласия и предположительно вла-

деющих информацией, относящейся к делу;

3) истребование адвокатом справок, характеристик, иных документов на основании адвокатского запроса;

4) привлечение адвокатом экспертов и специалистов;

5) использование возможностей частных детективов;

6) проведение аналитической работы по установлению и проверке обстоятельств, подлежащих доказыванию;

7) применение иных способов получения информации;

8) использование иных, не запрещенных законодательством средств и способов защиты прав, свобод и интересов доверителей.

Таким образом, адвокатское расследование по уголовному делу – это профессиональная деятельность адвоката по оказанию доверителю квалифицированной юридической помощи, состоящей из комплекса процессуальных и иных действий, а также использование способов и методов, предусмотренных действующим законодательством, и иных, не запрещенных законом действий, направленных на защиту нарушенных прав, свобод и интересов физического или юридического лица, а также установление обстоятельств, подлежащих доказыванию и имеющих существенное значение для принятия законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Кучин О. С., доктор юридических наук,
доцент, член-корреспондент РАН, профессор
кафедры криминалистики

E-mail: kuchin-os@rambler.ru

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

Kuchin O. S., Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Corresponding Member of the RAE,
Professor of the Department of Criminalistics

E-mail: kuchin-os@rambler.ru

Л. В. Лазарева

Владимирский юридический институт ФСИН России

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А н н о т а ц и я: статья посвящена процессуальным аспектам деятельности следователя и суда при оценке экспертного заключения. Автор анализирует существующие проблемы теории и практики правоприменения, высказывает мнение о возможных путях преодоления обозначенных проблем. Аргументируются предложения по совершенствованию данной деятельности путем использования специальных знаний в форме привлечения специалиста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная экспертиза, эксперт, заключение эксперта, оценка доказательств, специалист, заключение специалиста.

SPECIAL KNOWLEDGE AS AN INSTRUMENT FOR THE EVALUATION OF THE EXPERT CONCLUSION IN THE CRIMINAL PROCESS

Abstract: the article is devoted to the procedural aspects of the activities of the investigator and the court in assessing the expert opinion. The author analyzes the existing problems of the theory and practice of law enforcement; gives an opinion on possible ways to overcome the indicated problems. Arguments are made to improve this activity by using special knowledge in the form of a specialist.

Key words: forensic examination, expert, expert opinion, assessment of evidence, specialist, expert opinion.

Поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

О. Я. Баев по праву относится к плеяде советских и российских ученых, внесших значительный вклад в развитие уголовного процесса и криминалистики. Среди проблем, нашедших свое отражение в трудах О. Я. Баева, – институт судебной экспертизы, реализация процессуальных норм которого оценивается весьма неоднозначно, в силу чего научная дискуссия на протяжении более полувека не стихает. При этом предметом размышлений ученого были острые дискуссионные проблемы не только теории, но и

практики. Одной из них является проблема оценки заключения эксперта.

В соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ каждое доказательство должно быть подвергнуто всесторонней оценке органом, осуществляющим уголовное преследование, и судом. Совершенно очевидно, что простого указания в процессуальном законе на необходимость такой оценки недостаточно. Нельзя отрицать тот факт, что реализация положений о всесторонней оценке следователем и судом заключения эксперта на практике сталкивается с определенными трудностями.

Заключение эксперта нередко ошибочно расценивается как наиболее убедительное доказательство, поскольку завышена оценка его доказательственного значения. Хотя прямо такая мысль в приговорах и других процессуальных документах не высказывается, тенденция к этому на практике довольно сильна. Это объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, считается, что коль скоро оно основано на точных научных расчетах, то не может быть каких-либо сомнений в его достоверности. Во-вторых, заключение эксперта получено от лица, обладающего специальными знаниями в определенных отраслях науки, техники, ремесла.

Обращая внимание на случаи некорректного отношения к заключениям экспертов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснил, что «...заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами»¹.

Заключение эксперта, как и любое другое доказательство, может оказаться ошибочным по ряду причин. Например, представление эксперту неверных исходных данных или неподлинных объектов; примененная в процессе экспертного исследования методика может оказаться недостаточно надежной и проверенной и, наконец, эксперт, как и все люди, тоже не застрахован от ошибок, которые, хотя и редко, но все же встречаются в экспертной практике.

В то же время не будем отрицать, что заключение эксперта имеет свои особенности в формировании и оценке, по-

скольку сведения, содержащиеся в данном документе, сложны для понимания другими участниками уголовного процесса и требуют обладания необходимыми специальными знаниями, вследствие чего в правоприменительной практике при оценке по уголовному делу данного вида доказательства возникают различные сложности и проблемы.

Вполне объяснимо, почему следователь и суд способны реально оценить лишь некоторые стороны заключения эксперта, а если точнее, то оценка экспертного заключения сводится к одному только логическому анализу умозаключений эксперта, поскольку правильно понять смысл и значение методов экспертного исследования могут только субъекты, обладающие специальными знаниями. По обоснованному мнению Р. С. Белкина, «теоретическая модель такой оценки весьма далека... от реальной следственной практики», поскольку следователь, как и судья, может оценить лишь полноту заключения. Научную обоснованность выводов, правильность применения методики и компетенцию эксперта он оценить не в состоянии»².

Следует признать, успех и правильность оценки заключения эксперта зависят от объема специальных знаний следователя в конкретной области, знания материалов уголовного дела, умения логически мыслить. Для этого следователю необходимо иметь представление о современных возможностях судебной экспертизы, об эффективности тех или иных методов экспертной деятельности.

Традиционно оценка заключения эксперта осуществляется в несколько этапов, включающих в себя проверку соблюдения требований процессуального закона при проведении конкретного экспертного исследования; оценку интенсивности, научной обоснованности и мотиви-

рованности заключения эксперта; сопоставление его с другими доказательствами по делу, т. е. выполнение требований закона об оценке доказательств в их совокупности.

Кроме этого, следует учесть, что доказательственное значение результатов судебной экспертизы зависит от формы экспертного вывода, в котором они содержатся. Именно выводы имеют наибольшее доказательственное значение, поэтому они должны с логической неизбежностью вытекать из исследовательской части. И хотя в соответствии с уголовно-процессуальной доктриной решения по уголовному делу могут быть основаны лишь на категорических выводах эксперта, в то же время «вероятный вывод, хотя и носит предположительный характер, пренебрегать им не следует, так как степень вероятности и причины, по которым такой вывод сделан, могут быть различными»³.

Сказанное еще раз подтверждает всю сложность и в то же время необходимость изучения следователем экспертного заключения. В разное время предлагались различные варианты решения этой сложнейшей проблемы. Например, предлагалось ввести институт конкурирующей экспертизы, полагая, что «именно в состязательности экспертных заключений заложена объективная возможность их достоверной оценки следователем и судом»⁴.

В качестве другого решения предлагалось использование единого терминологического банка по видам судебных экспертиз, типовых бланков заключений эксперта, микрофильмирования при изготовлении наблюдательных производств, уменьшении исследовательской части заключения за счет сокращения излишне детального описания признаков исследуемых объектов⁵.

О. Я. Баев верно акцентирует внимание на двух наиболее востребованных практикой вариантах решения проблемы. Первый – это допрос эксперта для разъяснения им своих исследований, второй – назначение повторной или дополнительной экспертизы⁶.

Соглашаясь в целом с предложенными вариантами, все же полагаем, что наиболее оптимальное решение проблемы оценки экспертного заключения ориентировано на привлечение специалиста.

На такую возможность также указывает Верховный Суд в Постановлении Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», разъясняя, что «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения»⁷.

Специалист может привлекаться для оказания помощи в оценке заключения эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда путем дачи показаний. В предыдущих работах мы подробно рассматривали проблемы регламентации показаний специалиста, придя к выводу о необходимости закрепления в УПК РФ допроса специалиста⁸. Попытаемся обосновать возможность привлечения специалиста к оценке заключения эксперта.

При привлечении специалиста для оценки заключения эксперта ему должна быть предоставлена его копия со всеми приложениями, а также в случае необходимости должны быть представлены все необходимые материалы уголовного дела, прежде всего, те, которые были в распоряжении эксперта при проведении им исследований.

На наш взгляд, следователю следует обращаться для консультации к специа-

листу при назначении любых экспертиз и в обязательном порядке при назначении сложных экспертиз (например, фотоскопических, особенно если объект исследования зафиксирован на цифровом носителе; криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий; судебно-строительных; судебных финансово-экономических; судебно-бухгалтерских и др.).

Так, например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 327 УК РФ, консультация специалиста при назначении следователем судебно-технической экспертизы документов помогла выяснить, что современные технологии изготовления печатей и штампов позволяют изготовить практически неограниченное количество печатных форм, имеющих одинаковые общие и частные признаки, и дать категоричное заключение – одной ли печатной формой был нанесен исследуемый отпечаток либо несколькими, но изготовленными по одной технологии или с использованием компьютерной верстки, – практически невозможно⁹. В данном примере помощь специалиста позволила поставить перед экспертом дополнительные вопросы, что повысило доказательственное значение судебной экспертизы.

В другом случае после выполнения экспертом исследования почерка по электрографической копии и дачи им заключения специалист, привлеченный следователем к оценке заключения эксперта, обратил внимание, что в настоящее время отсутствуют методики исследования почерка по электрографическим копиям. Данное обстоятельство было учтено судом и повлекло за собой исключение заключения эксперта из числа доказательств в ходе судебного следствия.

Разумеется, далеко не по каждому заключению эксперта может возникнуть необходимость обращаться к специали-

сту. В законе есть достаточно мер, обеспечивающих оценку заключения эксперта. К ним относятся следующие статьи УПК РФ: ст. 204, рекомендующая форму заключения эксперта; ст. 205, предусматривающая допрос эксперта по инициативе следователя или ходатайству иных участников процесса для разъяснения данного экспертом заключения; ст. 207, предусматривающая возможность назначения дополнительной и повторной экспертизы и указывающая основания назначения каждой из этих экспертиз. Указанные нормы делают достаточно реальной оценку заключения эксперта сторонами, с позиции его достоверности (верности, правильности). И все же даже в этой ситуации нельзя полностью исключить целесообразность обращения к специалисту по поводу заключения эксперта любой из сторон.

Привлечение специалиста для оценки заключения эксперта, облеченное в форму заключения, могло бы быть во многих случаях весьма полезным. Это, в свою очередь, должно стимулировать органы следствия и суд к более тщательному изучению заключения эксперта, оценки его с точки зрения наличия доказательственной информации, в случае необходимости проведения допроса эксперта, назначения повторной (дополнительной) экспертизы. С помощью специалиста будут наиболее полно и последовательно отражены в установочной части постановления о назначении экспертизы те обстоятельства происшедшего события, которые имеют существенное значение для уголовного дела.

Таким образом, деятельность субъектов уголовной юрисдикции по оценке заключения эксперта требует от законодателя закрепления в процессуальном законе дополнительных способов с использованием специальных знаний.

- ¹ Рос. газета. 2010. 30 дек.
- ² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 623.
- ³ Ильин Н. Н. Оценка заключения эксперта, содержащего вероятный вывод или вывод о невозможности решить вопрос по существу при производстве портретной экспертизы // Библиотека криминалиста. 2017. № 3 (32). С. 250.
- ⁴ Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 400–401.
- ⁵ Мирский Д. Я., Лифшиц Е. М. Значение оптимизации содержания и формы заключения эксперта // Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы : сб. науч. тр. М., 1987. С. 76–82.
- ⁶ См.: Баев О. Я. «Судебно-экспертная» деятельность следователя // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 191–192.
- ⁷ Рос. газета. 2010. 30 дек.
- ⁸ См.: Лазарева Л. В. Собираание доказательств посредством использования специальных знаний // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 109.
- ⁹ См.: Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 374.

*Владимирский юридический институт
ФСИН России*

Лазарева Л. В., доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры уголовно-
процессуального права и криминалистики

E-mail: larisa_vui@mail.ru
Тел.: 8 (4922) 40-45-65

*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia*

Lazareva L. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics

E-mail: larisa_vui@mail.ru
Tel.: 8 (4922) 40-45-65

Л. И. Малахова

Воронежский государственный университет

ПРАВОВЫЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация: статья посвящена анализу правовых и фактических оснований производства следственных действий. В ней также кратко рассматриваются вопросы понятия следственного действия, их свойств и признаков.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, основания и условия производства следственных действий.

THE LEGAL AND FACTUAL GROUNDS OF INVESTIGATION

Abstract: the article is devoted to the analysis of legal and factual grounds of investigative actions. It also briefly discusses the concept of investigative action, their properties and features.

Key words: investigative actions, procedural actions, grounds and conditions of investigative actions.

Поступила в редакцию 18 октября 2018 г.

Проблема определения понятия и сущности следственных действий всегда привлекала внимание ученых, но несмотря на большое количество работ, посвященных этой проблематике, данное понятие и сейчас является дискуссионным. Дискуссии касаются, прежде всего, определения системы следственных действий, т. е. вычленения из значительного числа процессуальных действий тех, которые как раз и являются следственными.

Как отмечал В. В. Кальницкий, ни в научной, ни в учебной литературе не содержится исчерпывающего перечня следственных действий, что дает возможность различным авторам по-своему формулировать системы следственных действий на основании собственных представлений¹.

Характерной чертой следственного действия является его правовая природа, получающая свое выражение в том, что следственное действие – это юридический факт, создающий определенное правоотношение, в котором в качестве

субъекта участвует лицо, производящее расследование, при собирании и оценке доказательств. Из юридической природы следственного действия следует такой его признак, как допустимость производства следственного действия только в связи с расследованием. Исключением из этого правила является производство тех следственных действий, которые законодатель перечислил в ст. 144 УК РФ в качестве следственных действий, которые могут быть проведены до возбуждения уголовного дела.

Наиболее широко систему следственных действий представляет И. Ф. Герасимов, который полагает, что в нее входят такие процессуальные действия, как вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о принятии уголовного дела к производству, дача поручений и указаний органу дознания, вызов специалиста, вынесение постановлений о выделении и соединении уголовных дел и т. д.² Л. Я. Драпкин идет еще дальше, относя к системе следственных действий еще и требование о производ-

стве ревизии³. И. М. Лузгин, определяя перечень следственных действий и классифицируя их, при этом стремится выяснить содержание следственных действий и познавательные возможности каждого из них. При этом автор выделяет две группы следственных действий. К первой группе относятся действия, в содержание которых входит обнаружение, исследование и оценка доказательств. Среди таких действий он выделяет допрос, очную ставку, следственный осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, предъявление для опознания и т. д. В другую группу он относит следственные действия, содержанием которых является управление процессом расследования, определения его пределов, срока и порядка проведения, такие, как вынесение постановления об избрании меры пресечения, продлении сроков расследования, соединении и выделении уголовных дел, о предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения, направление уголовного дела прокурору и т. д.⁴ Таким образом, ко второй группе И. М. Лузгин относит действия, которые лишь констатируют познавательный результат, т. е. автор рассматривает следственные действия как синонимы процессуальным действиям.

Г. Г. Доспулов в числе следственных действий видит действия процессуальные, такие, как отбор подписки о невыезде, отстранение от занимаемой должности, заключение под стражу⁵. Такое понимание следственных действий, на наш взгляд, затрудняет разграничение мер уголовно-процессуального пресечения, а также тех действий, цель которых – получение и проверка доказательств.

А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко и В. И. Шиканов в свое время выделяли 14 следственных действий, таких как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, обыск, осмотр, освидетель-

ствование, задержание, наложение ареста на имущество и на корреспонденцию, выемка, следственный эксперимент, эксгумация, получение образцов, экспертиза⁶.

Критическая оценка предлагаемых в качестве следственных действий отдельных процессуальных действий происходит в трех направлениях.

Первое заключается в том, что отдельные следственные действия называют разновидностями других. Так, очную ставку зачастую называют особым видом допроса, выемку – видом обыска⁷. Таким образом, в основе данного подхода лежит указание на схожесть криминалистической природы «объединяемых» следственных действий. Второе направление в основу выделения следственных действий кладет их в «произвольное начало», т. е. способность в результате выполнения того или иного уголовно-процессуального действия получить доказательственную информацию. Логическим итогом тут является исключение из числа следственных действий наложения ареста на имущество, задержания подозреваемого, эксгумации, получения образцов для сравнительного исследования⁸. Третье направление критики касается контроля и записи переговоров: указывается на очевидно негласный характер этого действия, который, по сути, превращает его в оперативно-розыскное мероприятие, а также на невозможность следователя осуществлять данное действие самостоятельно⁹.

С. А. Шейфер в следственном действии в первую очередь видит способ получения доказательств, который представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый лицом, производящим расследование, комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных

следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению в них доказательственной информации, т. е. к получению соответствующего вида доказательств¹⁰.

Некоторыми авторами предлагается даже классификация следственных действий с позиции их производства, имеющего целью получение информации о такой специфической фигуре обвиняемого, как несовершеннолетний. Так, И. А. Макаров предлагает подразделять следственные действия на три категории:

1) личные, или вербальные, следственные действия, в ходе которых следователь получает информацию о личности несовершеннолетнего из показаний последнего, а также его законных представителей, педагогов, лиц из его ближайшего окружения и свидетелей-очевидцев;

2) вещественные, или невербальные, – следственные действия, в процессе которых следователь получает информацию о личности несовершеннолетнего из оставленных им следов на месте происшествия, из материальных источников. К таким следственным действиям он относит осмотр места происшествия, выемку, обыск, освидетельствование, экспертизы, которые производятся по следам, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия;

3) судебно-психологическая, судебно-психиатрическая, судебно-медицинская экспертизы, проводимые отдельно или в комплексе; результаты этих экспертиз дают возможность судить о психическом состоянии подростка, его соответствии возрасту, подлежащему уголовной ответственности¹¹. Такая классификация, на наш взгляд, представляется излишней.

Так, следственными действиями, по нашему мнению, являются все процессуальные действия, которые совершают следователи или дознаватели при про-

изводстве предварительного расследования, которые позволяют получить новые доказательства либо проверить полученные ранее.

Следственные действия обладают рядом признаков, в зависимости от которых они классифицируются по тем или иным основаниям.

Так, одним из основных признаков следственных действий является познавательный характер, т. е. получение новых доказательств и их анализ.

Другим признаком следственных действий выступает их организационно-распорядительный, обеспечительный характер.

Рассмотрев предложенные классификации следственных действий в научной теории, представляется возможным классифицировать следственные действия на две большие группы.

Первую группу составляют так называемые следственные действия исследовательского характера. Посредством данных следственных действий решаются задачи по выявлению, исследованию и закреплению доказательств. Среди таких следственных действий те, которые обеспечивают права лиц, участвующих в расследовании. Это, например, ознакомление обвиняемого и потерпевшего с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, вынесение постановления о признании потерпевшим.

Вторую группу следственных действий составляют те, с помощью которых выявляются, закрепляются и исследуются доказательства. В данную группу относят все те следственные действия, которые являются, по сути, доказательствами по уголовному делу. Это все виды осмотров (места происшествия, предметов и документов), освидетельствование и производство судебной экспертизы, следствен-

ный эксперимент, проверка показаний на месте, выемка, обыск, предъявление для опознания, допрос, очная ставка.

Все следственные действия проводятся при наличии и правового, и фактического оснований.

Правовое основание представляет собой совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом условий, дающих следователю право произвести то или иное следственное действие¹².

Это, например, производство следственных действий только после возбуждения уголовного дела (тех, которые не могут быть проведены в рамках доследственной проверки).

Фактическое основание производства следственного действия – это фактические данные, которые диктуют необходимость выполнения конкретных действий в интересах установления истины по делу. То есть каждое следственное действие должно производиться с определенной целью, а цели следственных действий напрямую закреплены в нормах УПК РФ. Так, например, целью выемки является изъятие предметов и документов, когда точно известно, где они находятся.

Следственные действия характеризуются с двух сторон – познавательной и нормативной.

Познавательная сторона следственных действий представлена приемами познания, которые лицо, производящее расследование, использует при их производстве.

Нормативная сторона следственных действий выражается в детальной регламентации правил и условий их производства, установленной уголовно-процессуальным законодательством.

Следственные действия, производимые по уголовным делам, должны отвечать ряду правил:

– при производстве следственных действий следователь обязан соблюдать права и законные интересы граждан;

– следственные действия должны производиться лишь при наличии к этому оснований;

– следственное действие должно быть законно, т. е. производиться в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства;

– производство следственных действий должно отвечать нравственным принципам и нормам.

Помимо перечисленных общих условий, практически для каждого следственного действия устанавливаются специальные условия. Например, для производства ряда следственных действий необходимо вынесение постановления об их производстве, а некоторые следственные действия могут быть произведены только по судебному решению.

Таким образом, несмотря на то, что лицо, производящее расследование, свободно в выборе следственных действий, которые должны быть проведены для получения доказательственной базы, следует учитывать, что любое следственное действие может проводиться только при наличии правовых и фактических оснований.

По общему правилу производство следственных действий – только по возбужденному уголовному делу (за исключением разрешенных ст. 144 УПК РФ). Предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством перечень следственных действий является исчерпывающим.

Все следственные действия должны быть проведены на законных основаниях, с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и отвечать требованиям нравственности и морали. При этом каждое отдельное

следственное действие обладает своей спецификой, которая должна быть учтена при их производстве.

Значительное количество следственных действий оформляется путем составления протокола по итогам его производства. Протокол следственного действия составляется в порядке ст. 166 УПК РФ. Ряд следственных действий оформляется протоколом, составленным на основе постановления, вынесенного лицом, производящим расследование. Такими следственными действиями являются выемка, обыск, получение образцов для сравнительного исследования. Еще одним вариантом процессуального порядка производства следственных действий является получение судебного решения на его производство.

Любое следственное действие может быть произведено исключительно лицом, производящим расследование, т. е. тем, которое приняло уголовное дело к своему производству. Одно уголовное дело может быть расследовано одновременно несколькими следователями (дознателями) в случаях расследования уголовного дела следственной группой.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что не всегда лицо, производящее расследование, может иметь возможность производства следственных действий по уголовному делу лично. В связи с этим законодатель предусмотрел воз-

можность направления лицом, производящим расследование, поручений органу дознания или следователю, поручения о производстве следственных действий в другом месте.

Необходимо помнить о том, что нарушение процессуальных требований к оформлению следственных действий всегда влечет утрату его доказательственного значения, поскольку является основанием для признания недопустимым доказательством. При этом в некоторых случаях основанием для признания доказательства недопустимым достаточно технической ошибки, допущенной при составлении процессуального документа.

Таким образом, при производстве следственных действий в обязательном порядке должна быть соблюдена процессуальная форма следственного действия, предусмотренная УПК РФ, – следственное действие оформляется либо протоколом, либо постановлением лица, производящего расследование, и протоколом, либо постановлением суда и протоколом.

Следственные действия могут быть проведены исключительно уполномоченным на то лицом, т. е. лицом, осуществляющим расследование. В случае нарушения указанных требований доказательства, полученные путем производства данных следственных действий, признаются недопустимыми и утрачивают доказательственное значение.

¹ См.: Кальницкий В. В. Следственные действия : учеб.-метод. пособие. Омск, 2001. С. 11.

² См.: Герасимов И. Ф. Система процессуальных действий следователя // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. Ф. Герасимов. Свердловск, 1983. С. 3.

³ См.: Драпкин Л. Я. Решения следователя и тактические приемы в структуре процессуальных действий // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. Ф. Герасимов. Свердловск, 1983. С. 8.

⁴ См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 21.

⁵ См.: *Доспулов Г. Г.* Информационно-доказательственный процесс и психологические основы деятельности следователя : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1992. С. 21.

⁶ См.: *Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И.* Моделирование в реконструкции расследуемого события. Иркутск, 1997. С. 99.

⁷ См.: *Соловьев А. Б.* Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики) : науч.-метод. пособие. М., 2006. С. 107.

⁸ См.: *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008. С. 76.

⁹ См.: Там же. С. 82.

¹⁰ См.: *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 81.

¹¹ См.: *Макаренко И. А.* Следственные действия как процессуальные способы получения информации о личности несовершеннолетних обвиняемых и их классификация // Вестник Башкир. ун-та. 2006. № 4. С. 129–130.

¹² См.: Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. А. В. Гриненко. М., 2012. С. 58.

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

Тел.: 8 (473) 220-84-02

Voronezh State University

Malakhova L. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department

Тел.: 8 (473) 220-84-02

Н. Е. Мерецкий

Дальневосточный юридический институт МВД России

ВОСПРИЯТИЕ СУДОМ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация: статья посвящена возможности получения интегрированной информации при проведении судебного эксперимента и ее использованию с целью получения новых и имеющихся доказательств. Судебный эксперимент обладает исключительным свойством, которое значительно увеличивает познавательные возможности суда в установлении истины по делу.

Ключевые слова: судебный эксперимент, информация, расследование, тактические приемы, уголовное дело, доказательства, субъект, противодействие суду, преступление.

PERCEPTION BY THE COURT OF INTEGRATED INFORMATION WHEN CONDUCTING A JUDICIAL EXPERIMENT

Abstract: the article is devoted to the possibility of obtaining integrated information during a judicial experiment and its use in order to obtain new and existing evidence. Judicial experiment has an exceptional property, which significantly increases the cognitive capabilities of the court in the formation of truth in the case.

Key words: judicial experiment, information, investigation, tactics, criminal case, evidence, subject, opposition to the court, crime.

Поступила в редакцию 1 октября 2018 г.

Анализ результатов проведенных исследований показывает, что судебный эксперимент имеет существенные отличия от эксперимента следственного. Различия в его проведении заключаются в том, что участники следственного эксперимента, как правило, не осведомлены обо всех обстоятельствах, которые известны следствию. Напротив, участникам судебного заседания, во-первых, известны почти все обстоятельства преступления, подлежащие проверке в ходе эксперимента; во-вторых, известны результаты эксперимента, осуществленного в ходе предварительного расследования, что позволяет проверить или получить уточня-

ющие (недостающие) сведения в ходе его проведения. Данное обстоятельство, без сомнения, может снизить объективный познавательный ресурс эксперимента, поскольку позволяет недобросовестным участникам судебного процесса не просто активно, но и целенаправленно противодействовать суду в установлении процессуальной истины по делу. В то же время очевидным является и тот факт, что утрата достоверной полноты реконструкции обстоятельств дела в результате воспрепятствования со стороны участников судебного заседания неизбежно искажает результаты эксперимента. Однако суд с учетом анализа интегрированной информации имеет возможность получать недостающие сведения.

Иными словами, в период скрупулезного анализа целей судебного эксперимента по конкретному делу суд может, во-первых, исследовать все доказательства, подлежащие проверке; во-вторых, установить способ совершения преступления; в-третьих, установить обстановку, способствующую или препятствующую совершению преступления; в-четвертых, установить мотив и последовательность действий соучастников; в-пятых, нейтрализовать оказываемое противодействие суду в установлении истины по делу.

Исследуя проблему проведения судебного эксперимента с целью получения интегрированной информации, необходимо отметить, что наиболее глубокое научное исследование различных аспектов его проведения было осуществлено и изложено в трудах Р. С. Белкина, в которых была разработана теория следственного эксперимента, раскрывающая его сущность, цели, виды и тактические условия проведения. По его мнению, следственный эксперимент является способом проверки достоверности доказательств опытным путем¹. Определение, предложенное Р. С. Белкиным, по нашему мнению, актуально и в настоящее время. По своему содержанию данное определение совпадает с задачами и сущностью следственного эксперимента, содержащимися в ст. 181 УПК РФ.

Необходимо отметить, что еще в 1964 г. в своей работе «Эксперимент в судебной, следственной и экспертной практике» Р. С. Белкин писал, что целями судебного эксперимента, т. е. эксперимента, проведенного в ходе судебного разбирательства, являются проверка доказательств, собранных ранее; получение, соби́рание новых доказательств; проверка и оценка версий по делу². Соглашаясь с данным мнением, необходимо отметить, что эксперимент является не только след-

ственным, но и судебным действием, в основе которого лежит изучение судом совокупности таких познавательных способов, как наблюдение, моделирование и сравнение экспериментальной модели с образом, последствиями, обстоятельствами, в которых происходило значимое для дела событие. Данное судебное действие предполагает «интегрированное» восприятие получаемой в ходе эксперимента информации. С одной стороны, это данные, полученные в результате производства опытных действий, а с другой стороны, это мыслительный образ, созданный на основе анализа и сопоставления исследованных в суде доказательств.

Реализация цели проведения судебного эксперимента важна для определения понятия данного судебного действия и его познавательных пределов. Например, согласно ст. 181 УПК РФ, целью следственного эксперимента является проверка и уточнение данных, имеющих значение для дела. Однако точно такая же цель стоит и перед опознанием и проверкой показаний на месте. Исходя из смысла положений ст. 181 и 288 УПК РФ, установленная законом цель судебного эксперимента имеет обобщенный характер, поэтому должна и может быть конкретизирована.

Кроме того, по мнению Н. Г. Шурунова, при проведении эксперимента в целях получения неопровержимых доказательств всякий раз необходимо добиваться сходства условий, в которых происходило исследуемое событие, с теми, в которых будут проводиться опытные действия³. Таким образом, обозначенным следственным действием в судебном заседании могут быть проверены ранее добытые доказательства. В этом случае проверке подлежат: а) результаты проведенных в период предварительного

расследования экспериментов; б) иные доказательства и информация, включая показания допрошенных ранее лиц. При этом в ходе судебного эксперимента могут быть проверены доказательства, полученные как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного заседания.

Познавательный характер проведения эксперимента судом зависит от объема имеющейся информации, которой обладают участники (судьи, присяжные заседатели и т. д.), поскольку они должны не только уяснить цель и задачи, на основании чего принимается процессуальное решение, но и проанализировать имеющиеся доказательства, а также новые, установленные в ходе проведения данного судебного действия. Однако в узком понимании под проведением обозначенного судебного действия суд подразумевает производство судебного эксперимента в ситуациях, когда аналогичный эксперимент ранее при предварительном расследовании и судебных заседаниях не проводился. Такая необходимость может возникнуть, во-первых, при выявлении отдельных обстоятельств в ходе судебного разбирательства; во-вторых, в связи с появлением по делу новых, не известных ранее, но имеющих значение для дела фактов. Кроме того, как правильно указывает О. Я. Баев, «любое уголовно-процессуальное доказательство есть информация об объекте исследования (в нашем случае – об уголовно-релевантных фактах), отвечающая двум необходимым атрибутивным признакам: своей относительностью к объекту и формой своего обличения, допустимой для использования в этом качестве для доказывания в уголовном процессе»⁴.

Проверка и оценка версий как цель судебного эксперимента предполагают исследование в ходе судебного действия

не одного, а целого ряда фактов и обстоятельств, которые складываются в определенную причинно-следственную цепочку. В данном случае изучается возможность изменения состояния отдельных предметов в динамике. Например, время образования ложа трупа на снежном насте либо установление последовательности и времени передвижения предмета, человека между несколькими точками.

Формальное основание производства судебного (следственного) эксперимента указано прямо в ст. 288 УПК РФ. Таким, как правило, является обязательное наличие постановления или определения суда о его проведении. Однако фактическим основанием эксперимента в суде следует признать наличие информации, достаточной, чтобы предположить, что в результате экспериментального воссоздания опытного действия суд сможет получить новые данные, в том числе с целью проверки имеющихся сведений, о возможности восприятия лицом важных для дела фактов совершения подсудимым определенных действий, существования конкретных событий, а также иных обстоятельств, о которых ранее не было известно.

При эксперименте важным требованием является соответствие опытной модели условиям, а также иными обстоятельствам, при которых происходил устанавливаемый факт⁵. К сожалению, в некоторых случаях суд затрудняется или не может воссоздать важные условия внешней обстановки исследуемого события, необходимые для производства судебного эксперимента в силу наступивших последствий. В этом случае необходимо реализовывать такие тактические приемы, которые позволят получить неопровержимые доказательства, способные повлиять на ход и результаты судебного разбирательства. Заслуживает внимания

факт, что иногда в целях получения интегрированной информации суд, по нашему мнению, правильно принимает решение о проведении судебного эксперимента даже в период информационной неопределенности. Так, по факту убийства своей сожительницы в квартире жилого двухэтажного дома гр. «С» с целью сокрытия следов преступления поджег квартиру, намереваясь таким образом уничтожить труп. Тем не менее прибывший пожарный расчет вовремя справился с огнем, а квартиры, в которой совершено преступление, была в дальнейшем отремонтирована и заселена новыми жильцами. С разрешения новых хозяев жилища суд провел судебный эксперимент, в результате которого был установлен механизм преступления и доказана вина гр. «С». Необходимо отметить, что на предварительном следствии эксперимент не проводился, так как гр. «С» постоянно давал признательные показания, а в суде отказался, заявив, что себя оклеветал в результате якобы неправомερных действий работников правоохранительных органов⁶.

Приходится, в частности, отметить, что между исследуемым событием и рассмотрением дела в суде проходит, как правило, значительный период, который негативно влияет на сохранение не только внешней обстановки, необходимой для производства судебного эксперимента, но и на память участников судопроизводства. В силу этого обозначенный временной фактор оказывает отрицательное влияние и на процесс создания образа, с которым должны сравниваться результаты судебного эксперимента. Исходный образ во многом зависит от процессов, происходящих в памяти допрошенных по делу лиц, так как со временем забываются многие детали происшедшего, в результате чего становится невозможным установить отдельные частные признаки, влияющие на обстановку. Например, по

обвинению в убийстве гр. «М» ряд свидетелей на допросах показали, что наблюдали расследуемое событие, но воспроизвести его не могут в силу, во-первых, ограниченности в тот момент обзора и, во-вторых, в силу давности происшедшего события. Суд принял решение о проведении судебного эксперимента, в результате которого были воспроизведены все детали преступления⁷.

Еще одним фактическим основанием проведения эксперимента является соблюдение требований, касающихся обеспечения безопасности участников судебного заседания в ходе процессуального опытного действия. Данное требование прямо указано в ст. 181 УПК РФ. Установление возможности совершения лицом определенных действий рецепторного восприятия, различных событий не должно сопровождаться потенциальной угрозой причинения вреда самому лицу либо какому-либо другому человеку.

Эксперимент предполагает моделирование ситуации, иногда с применением специальной техники. Данное обстоятельство требует привлечения к участию в судебном эксперименте специалистов, которые могут помочь в воссоздании опытного действия, а также их знания важны при формулировании происшедших в ходе эксперимента событий и полученных результатов для правильного их отражения в протоколе судебного заседания.

Эксперимент как прием познания отличается тем, что истинность результата, полученного в ходе эксперимента, проверяется получением того же результата при неоднократном повторении опытного действия. Судебный эксперимент как разновидность эксперимента – способ познания – обладает тем же свойством. В силу этого, при наличии необходимости, для того, чтобы убедиться в правильности полученного результата, в

ходе судебного действия может быть неоднократно повторено опытное действие либо оно же может быть совершено в разных вариантах. Особенно данный тактический прием становится актуальным в тех ситуациях, когда результаты судебного действия не соответствуют результатам следственного эксперимента, проведенного в ходе предварительного расследования. Обратим внимание на то, что правило многократности проведения опытного действия не всегда носит обязательный характер при проведении судебных действий. Характерно, что решение, принимаемое судом о повторном проведении опытного действия в рамках одного судебного эксперимента, зависит от внутреннего убеждения суда о достоверности полученных результатов.

Одновременно с этим из-за сложности структуры, многоэлементности, а также многоэтапности, как нам представляется, судебный эксперимент не следует проводить совместно с каким-либо иным судебным действием. Проведение эксперимента в рамках иного судебного действия, тем более экспромтом, без его планирования и подготовки заранее в лучшем случае «размоет», лишит конкретики результаты такого следственного действия, а в худшем случае может привести к существенному нарушению прав участников судебного следствия. Так, проведение судебного эксперимента по установлению возможности подсудимым увидеть во время управления автомобилем препятствие на определенной скорости во время дождя на конкретном участке местности при установленных условиях требует принятия мер по воссозданию обстановки, подготовке транспортного средства, приглашения к участию в эксперименте специалистов, понятых и т. д. Производство же такого судебного эксперимента, осуществленного без подготовки и планирования, например, в ходе осмотра авто-

мобиля, которым управлял подсудимый, небезопасно для жизни и здоровья участников судебного разбирательства, в силу чего незаконно и недопустимо. Закон не запрещает задавать вопросы участникам судебного эксперимента, выслушивать их пояснения, оглашать протоколы следственных действий, производить осмотр предметов, признанных вещественными доказательствами, и т. д.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что судебный эксперимент обладает исключительным свойством, которое значительно увеличивает познавательные ресурсы при получении интегрированной информации в сравнении с другими судебными действиями. Моделирование любой проверяемой ситуации позволяет в случае необходимости игнорировать фактор времени. Кроме того, любые действия, совершаемые во время судебного эксперимента, могут быть не только повторены, но и прерваны для того, чтобы, во-первых, уточнить, поправить, исправить условия проводимого действия в соответствии с данными об исходном событии; во-вторых, установить истину с целью изобличения виновного в совершении преступления; в-третьих, способствовать правильному пониманию познанных закономерностей механизма преступления; в-четвертых, искоренять препятствия, мешающие достижению получения качественной интегрированной информации.

В силу этого, с точки зрения тактики рассмотрения уголовного дела с применением отдельных элементов других судебных действий в ходе судебного эксперимента тактически оправдана реализация разработанных иных тактических приемов, поскольку они значительно повышают познавательные возможности судебного действия, а также способствуют соблюдению разумных сроков рассмотрения уголовного дела в суде.

¹ См.: *Белкин Р. С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964; *Белкин Р. С., Белкин А. Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997.

² См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 111.

³ См.: *Шурухнов Н. Г.* Криминалистика : учебник. М. ; Воронеж, 2011. С. 291.

⁴ *Баев О. Я.* Доказательственная информация и доказательства как объекты посягательства в уголовном судопроизводстве // Противодействие расследованию и меры по его преодолению : сб. материалов 51-х криминалистических чтений : в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. С. 31.

⁵ См.: *Мерецкий Н. Е.* Тактика следственного эксперимента : лекция. Хабаровск, 2001. С. 18.

⁶ См.: материалы уголовного дела № 1-399 за 2018 г. Архив Железнодорожного районного суда г. Хабаровска.

⁷ См.: материалы уголовного дела № 1-28 за 2018 г. Архив Кировского районного суда г. Хабаровска.

*Дальневосточный юридический институт
МВД России*

Мерецкий Н. Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики

*E-mail: ugpd@rambler.ru
Тел.: 8 (4212) 40-74-78*

*Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia*

Meretsky N. E., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics

*E-mail: ugpd@rambler.ru
Tel.: 8 (4212) 40-74-78*

В. В. Печерский

*Международный гуманитарно-экономический институт
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА СТОРОН ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье рассматривается ряд проблемных аспектов, возникающих при реализации принципа равенства сторон уголовного процесса при назначении экспертизы, а также использования специальных знаний стороной защиты на различных стадиях уголовного процесса. На основе научных методов предложены способы преодоления выявленных пробелов и противоречий законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: принцип равенства сторон уголовного процесса, сторона защиты, сторона обвинения, использование специальных знаний, назначение экспертизы, права при назначении экспертизы, заключение эксперта, заключение специалиста, особое (специальное) производство в уголовном процессе.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF PARTIES WHEN APPOINTING THE EXPERTISE IN THE CRIMINAL PROCESS

Abstract: the article discusses a number of problematic aspects, arising in the implementation of the principle of equality of the parties to the criminal process in the appointment of expertise, as well as the use of special knowledge by the protection side at various stages of the criminal process. On the basis of scientific methods proposed ways to overcome the identified gaps and contradictions of the legislation and law enforcement practice.

Key words: principle of equality of the parties to the criminal process, protection side, prosecution side, use of special knowledge, appointment of expertise, rights in the appointment of expertise, expert opinion, specialist's conclusion, special proceedings in the criminal process.

Поступила в редакцию 27 сентября 2018 г.

Уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации и Республики Беларусь в числе принципов содержат принцип равенства прав сторон в уголовном процессе. В ч. 4 ст. 24 УПК Республики Беларусь указывается, что стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявле-

нию ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях. В ч. 5 этой статьи устанавливается, что суд создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей.

В ч. 3 ст. 15 УПК РФ установлено, что суд создает необходимые условия

© Печерский В. В., 2019

для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. А ч. 4 этой же статьи содержит положение, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Принцип, в том числе и принцип уголовного процесса, представляет собой основополагающее начало, которое должно возобновляться, осуществляться при каждом возникающем правоотношении, в нашем случае – между каждой из сторон процесса и судом. Это означает, что при возникновении правоотношения между указанными субъектами должен запускаться механизм реализации данного принципа. Этот механизм должен быть четко разработан и применен на соответствующих стадиях уголовного процесса.

На первый взгляд данный принцип имеет пределы своего применения только в судебном производстве, т. е. на стадиях, начинающихся после окончания предварительного расследования. Вместе с тем из содержания правоотношений, возникающих между сторонами (обвинения и защиты) и судом (как стороной, осуществляющей правосудие), УПК Российской Федерации позволяет обнаружить применение данного принципа на стадии предварительного расследования. Это касается правоотношений, возникающих при реализации положений главы 16 УПК РФ, и в частности – ст. 125 УПК РФ, регулирующей судебный порядок рассмотрения жалоб.

В УПК Республики Беларусь судебный порядок рассмотрения жалоб предусмотрен только в ограниченном содержании – ст. 143–147-1 регулируют в основном порядок судебной проверки законности и обоснования применения мер процессуального принуждения, а не действий (бездействий) и решений дознавателя, начальника подразделения дозна-

ния, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, которые являются объектом обжалования по ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, принцип равноправия сторон по УПК РФ имеет механизм реализации как на стадии предварительного расследования, так и на стадиях судебного разбирательства уголовного дела. В то же время в УПК Республики Беларусь возможность реализации исследуемого принципа не предусмотрена.

Использование специальных знаний является важным средством для профессиональной деятельности каждой из сторон уголовного процесса. Следует констатировать, что преимущества в применении данного процессуального средства, безусловно, принадлежат стороне обвинения. И происходит это, прежде всего, в силу того, что сторона обвинения начинает первой свою профессиональную деятельность и располагает информацией об обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела в максимально возможном объеме. Изначально указанная совокупность обстоятельств (фактов) известна стороне обвинения после проведения первоначальных процессуальных (в том числе следственных действий) и оперативно-розыскных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела.

Практически сразу при производстве осмотра места происшествия, других первоначальных действий выявляются материальные и нематериальные следы, которые становятся объектами, в отношении которых необходимо применить специальные знания в форме экспертных

исследований. Речь идет о судебно-медицинской экспертизе, криминалистических экспертизах, иных экспертизах, позволяющих решить первоначальные тактические задачи, возникающие в рамках реализации методики расследования соответствующего вида преступления.

Сторона защиты узнает о наличии определенных объектов для экспертного исследования на стадии возбуждения уголовного дела или предварительного расследования уже возбужденного уголовного дела в основном только при ознакомлении с постановлением о назначении соответствующей экспертизы. При этом, ввиду того, что подозреваемый или обвиняемый могут получить этот процессуальный статус спустя различное время после происшедшего события преступления, к моменту появления защитника экспертизы успевают не только назначить, но и окончить производством. Поэтому ознакомление с постановлением о назначении экспертизы в случае, когда она уже назначена, проводится или проведена, зачастую носит чисто формальный характер – повлиять на количество и качество объектов экспертизы, высказаться об экспертном учреждении, эксперте, предложить дополнительные вопросы для экспертизы становится практически невозможным ввиду указанных обстоятельств. Безусловно, когда фигура подозреваемого (обвиняемого) появляется до момента назначения экспертизы и его и защитника знакомят с постановлением о назначении экспертизы заблаговременно, принцип равноправия сторон получает возможность для реализации. Но в какой мере?

Давайте обратимся к законодательству. Статья 198 УПК РФ позволяет подозреваемому (обвиняемому) при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы ходатайствовать:

1) о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

2) привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

3) внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, а также присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту.

Полномочия подозреваемого (обвиняемого) в соответствии с ч. 1 ст. 229 УПК Республики Беларусь почти схожи. Он имеет право:

1) ходатайствовать об отстранении экспертного учреждения от проведения экспертизы в случае установления обстоятельств, ставящих под сомнение незаинтересованность в исходе уголовного дела руководителя экспертного учреждения, в котором работает сведущее лицо;

2) просить о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или специалистов конкретных судебно-экспертных учреждений;

3) представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта;

4) присутствовать с разрешения следователя, лица, производящего дознание, при проведении экспертизы, давать объяснения эксперту.

При этом в соответствии с ч. 4 ст. 229 УПК Республики Беларусь «в случае удовлетворения ходатайства, заявленного лицом, ...следователь, лицо, производящее дознание, соответственно изменяют или дополняют свое постановление о назначении экспертизы. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, лицо, производящее дознание, выносят мотивированное постановление, которое объявля-

ется под расписку лицу, заявившему это ходатайство».

Статья 198 УПК РФ такого положения не содержит, очевидно, отсылая к положениям, установленным главой 15 УПК РФ, и в частности, ст. 122 УПК РФ.

Получается, что сторона защиты, действующая в соответствии с УПК Республики Беларусь, имеет возможность заявить ходатайство о замене экспертного учреждения. Но в Республике Беларусь все государственные экспертные учреждения, производящие судебно-медицинские, биологические, криминалистические и многие другие виды экспертиз, находятся в системе Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, что делает невозможным проведение соответствующего вида экспертных исследований в другом экспертном учреждении. Российская Федерация не имеет единой системы экспертных учреждений, что позволяет реализовывать рассматриваемое право на ходатайство о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении.

Следует также обратить внимание на содержание других прав стороны защиты по УПК Республики Беларусь. Это касается права высказывать просьбу о привлечении в качестве экспертов указанных лиц или специалистов конкретных судебно-экспертных учреждений. В данном случае просьба – это разновидность ходатайства (поскольку в соответствии с п. 50 ст. 6 УПК Республики Беларусь ходатайство – просьба, обращенная к органу, ведущему уголовный процесс) или нет? Если это разновидность ходатайства, то последствия заявления ходатайства понятны и зависят от воли следователя (мы называем только одного представителя стороны обвинения, понимая под ним всех остальных представителей этой стороны). Если просьба – это не ходатай-

ство, то как следователь должен процессуально реагировать на нее? Может ли он эту просьбу отклонить или отклонить частично или обязан удовлетворить? Законодательство не содержит ответа на данные вопросы, обобщение практики никем не проводилось.

Следующий акцент ставим на праве представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта. Как следует из содержания приведенного права, это безусловное право, реализации которого никто не может противостоять, поскольку оно не предполагает усмотрения следователя. Получается, что в любом случае, когда сторона защиты представит дополнительные вопросы к вопросам, содержащимся в постановлении о назначении экспертизы, следователь обязан их внести в качестве дополнительных в содержание указанного постановления. Иного выхода у него просто нет, он не может их отводить, в том числе мотивированно, как это предусмотрено при реализации других прав.

Но как в этом случае поступают следователи на практике? Повторимся, обобщения по данной позиции нет, хотя известны ситуации, когда следователи отказывали в дополнении вопросов, представленных стороной защиты по конкретным уголовным делам.

Как видно из текстов двух уголовно-процессуальных законов, следователь и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь по своему усмотрению разрешает или не разрешает присутствие при проведении экспертизы и даче объяснений эксперту. Для получения разрешения на участие необходимо обратиться к следователю с просьбой (или ходатайством?). Отказ в даче разрешения на присутствие при проведении экспертизы, как решение следователя, по УПК РФ может быть обжалован в суд, при этом подача

жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья (ч. 7 ст. 125 УПК РФ). Получается, что, даже преодолев в суде отказ в присутствии при производстве экспертизы, можно оказаться в ситуации, когда экспертиза уже проведена и разрешение на присутствие бесполезно.

На практике сторона защиты нередко сталкивается с ситуацией, когда следователь дал разрешение на присутствие при производстве экспертизы, а руководитель экспертного учреждения или эксперт запрещает такое присутствие. Это происходит в тех случаях, когда экспертиза проводится в отношении подозреваемого (обвиняемого), например, судебная психолого-психиатрическая экспертиза, а разрешение дано его защитнику. Преодоление подобного отказа должно быть основано на требованиях законодательства. Но тут же возникает еще один вопрос: в процессе проведения той же психолого-психиатрической экспертизы (амбулаторной) защитник присутствует при опросе экспертами своего подзащитного, но после опроса происходит формирование заключения эксперта или экспертов. Может ли при этом присутствовать защитник? Сможет ли он узнать о выводах экспертов в этот момент или только после получения следователем заключения эксперта (экспертов).

Куда более важным является исследование содержания права дачи эксперту объяснений при проведении экспертизы. Этим правом может воспользоваться как подозреваемый (обвиняемый), так и его защитник, осведомленный о позиции своего подзащитного. Формирова-

ние объяснений по ситуации, объектам, подлежащим исследованию в рамках конкретной экспертизы, является важнейшей составляющей позиции стороны защиты (и подозреваемого, обвиняемого, и защитника). Содержание объяснений представителя стороны защиты, диалог между ними и экспертом по вопросам, входящим в предмет исследования эксперта, могут разъяснить отдельные или все сведения, необходимые для формирования вывода или выводов эксперта. Безусловно, это право подозреваемого, обвиняемого, при этом защитник, присутствующий при проведении экспертизы, должен фиксировать все объяснения своего подзащитного, а эксперт – составлять соответствующий документ (который сейчас в экспертной практике отсутствует), в котором отразить поставленные вопросы и полученные ответы подэкспертного лица или защитника. Данные объяснения должны быть удостоверены подписями лица, дающего объяснения, а также экспертом и защитником, если он при этом присутствует или сам давал объяснения.

Если следователь выказал отказ на просьбу дачи объяснений эксперту в процессе проведения экспертизы, то адвокатская практика выработала следующий способ преодоления подобного отказа – подозреваемый, обвиняемый, защитник направляют в адрес экспертного учреждения свои письменные объяснения и просят руководителя экспертного учреждения ознакомить с ними эксперта. По логике, факт и содержание полученных объяснений эксперт обязан отразить в своем заключении, исследовать их и указать их значение при формировании своих выводов.

Назначенные и проведенные экспертные исследования с заключениями различного содержания возвращаются в орган, их назначивший, или в орган, ве-

душий к этому времени уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела или предварительного расследования. В УПК РФ и Республики Беларусь имеются соответствующие положения, обязывающие орган, ведущий уголовный процесс, ознакомить подозреваемого, обвиняемого, защитника с содержанием заключения эксперта. Однако сроки ознакомления с полученными заключениями экспертов в законодательстве обеих стран не указаны. Получается, что заключение эксперта может поступить следователю в начале любой из указанных стадий, в любой другой момент, а ознакомление с ним может произойти в момент окончания либо стадии возбуждения уголовного дела, либо стадии предварительного расследования, даже в момент ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Например, при расследовании уголовного дела по факту ДТП, в результате которого два пассажира транспортного средства погибли, а водителю были причинены тяжкие телесные повреждения, содержание автотехнической экспертизы стало известно обвиняемому и его защитнику только в момент ознакомления с материалами уголовного дела. На протяжении всего предварительного расследования обвиняемому среди других постоянно задавался основной вопрос: где произошло столкновение транспортных средств – на полосе его движения или на встречной полосе. Обвиняемый последовательно рассказывал, что он немного выехал из снежной колеи, и обоснованно считал, что столкновение произошло на его полосе движения, куда выехал встречный автомобиль. Следователь постоянно утверждал, что столкновение произошло на встречной полосе, пытаясь склонить к такому же выводу и обвиняемого. При этом следователь заранее по-

лучил заключение автотехнической экспертизы, согласно которому столкновение произошло на полосе движения автомобиля обвиняемого, о чем свидетельствовали различные следы, в том числе и осыпь стекла с автомобилей, но несмотря на это не знакомил обвиняемого с его содержанием. И только знакомясь с материалами уголовного дела, обвиняемый узнал о выводах эксперта.

Указанный пробел в законодательстве требует своего преодоления путем указания на необходимость ознакомления с полученным заключением эксперта в течение достаточно короткого времени, например, в течение 5 дней с момента поступления заключения в орган, ведущий уголовный процесс. При этом процесс ознакомления не должен сводиться только к прочтению содержания заключения, но и получению копии такого заключения для реализации тактики защиты. Подобный срок позволит стороне защиты воспользоваться своим правом на использование специальных знаний, обсудить с соответствующими специалистами содержание и выводы эксперта и принять решение о необходимости получения заключения специалиста или о назначении дополнительной, повторной экспертизы или о назначении новой экспертизы, основанной на известных выводах.

В процессе оказания юридической помощи по уголовным делам нередко возникает ситуация, когда сторона защиты, ознакомившись с заключением первичной судебной экспертизы, заявляет органу, ведущему уголовный процесс, ходатайство о назначении дополнительного или повторного экспертного исследования и получает отказ в удовлетворении данного ходатайства. Он может быть мотивированным или немотивированным, но стороне защиты данное исследование необходимо провести, несмотря

на то, что объекты для будущего исследования находятся у стороны обвинения и она не проявляет воли их вновь исследовать с помощью специальных знаний. Были бы эти объекты у стороны защиты, ей не пришлось бы заявлять ходатайство об их экспертном исследовании, она сама бы назначила и провела соответствующие изыскания в многочисленных экспертных учреждениях Российской Федерации. Но объектами для экспертного исследования сторона защиты не располагает, и получен отказ в назначении новой экспертизы.

Рассмотрим данную ситуацию с использованием двух УПК – РФ и Республики Беларусь. В Российской Федерации данная ситуация имеет следующие способы разрешения.

1. Если на стадии возбуждения уголовного дела была проведена экспертиза и стороной защиты было заявлено ходатайство о проведении дополнительной или повторной экспертизы, которое не было удовлетворено, в соответствии с положениями п. 1.2 ч. 1 ст. 144 УПК РФ после возбуждения уголовного дела такое ходатайство подлежит удовлетворению.

2. Если стороной защиты заявлено ходатайство о проведении первичной, повторной или дополнительной экспертизы на стадии предварительного расследования, отказ в удовлетворении подобного ходатайства рассматривается по правилам обжалования в судебном порядке действия (бездействия) или решения органа, ведущего уголовный процесс – ст. 125 УПК РФ. То есть в данном случае имеется механизм реализации принципа равноправия сторон на стадии предварительного расследования.

По правилам, установленным УПК Республики Беларусь, отказ органа, ведущего уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела и стадии

предварительного расследования, в производстве первичной, дополнительной или повторной экспертизы может быть обжалован только вышестоящему должностному лицу органа, ведущего уголовный процесс, или прокурору. Принцип равноправия сторон перед судом в указанном УПК отсутствует, сторона обвинения пользуется явным преимуществом при принятии процессуального решения о назначении соответствующего экспертного исследования. Получается, что если сторона обвинения полученным заключением эксперта удовлетворена, а сторона защиты требует проведения дополнительного или повторного исследования, в отсутствие механизма судебного порядка обжалования действий (бездействий) и процессуальных решений органа, ведущего уголовный процесс, сторона защиты находится в явном ограничении средств и методов собирания доказательств, необходимых для оказания юридической помощи. Для преодоления подобной ситуации в УПК Республики Беларусь необходима разработка механизма судебного порядка обжалования действий (бездействий), а также процессуальных решений органа, ведущего уголовный процесс, на стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовного дела. Также в УПК Республики Беларусь возможно закрепление положения, согласно которому ходатайства о назначении первичной, дополнительной и повторной экспертизы, не удовлетворенные на стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовного дела, должны подлежать удовлетворению в стадии судебного разбирательства суда первой инстанции.

В рамках рассматриваемой темы следует еще обратить внимание на две важные проблемы использования специальных знаний стороной защиты. Первая касается отсутствия в УПК Республики

Беларусь механизма реализации положений ч. 3 ст. 103 УПК в части истребования мнения специалиста для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний, а также определения процессуального статуса получаемых документов. В частности, полученные стороной защиты мнения (заключения) соответствующих специалистов рассматриваются органами, ведущими уголовный процесс (органом дознания, предварительного расследования и судом) самым различным образом. Например, стороной защиты в суд первой инстанции было представлено, а затем исследовано заключение специалистов, работающих в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз. Оно было озаглавлено как «заключение эксперта», хотя давалось по запросу адвоката и в соответствии с договором между этим экспертным учреждением и обвиняемым. Данное заключение было избирательно оценено судом первой инстанции, в суд эксперты не вызывались и не допрашивались. Был постановлен обвинительный приговор. Стороной защиты суду апелляционной инстанции было заявлено ходатайство о вызове для допроса одного из экспертов в судебное заседание. Суд отклонил заявленное ходатайство, а заключение признал недопустимым доказательством, поскольку эксперты не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. И это несмотря на однозначную позицию Верховного Суда Республики Беларусь относительно статуса мнения специалиста. В ходе нового рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции данное заключение было снова исследовано, были допрошены эксперты, которые полностью подтвердили сделанные выводы, которые вместе с

другими доказательствами легли в основу оправдательного приговора по уголовному делу.

В УПК Республики Беларусь отсутствует такой источник доказывания, как заключение (мнение) специалиста, хотя, как ранее указывалось, ч. 3 ст. 103 УПК Республики Беларусь содержит положения, согласно которым «защитник вправе представлять доказательства и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи, путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний». Получается, что защитник вправе представлять доказательства и собирать сведения, в том числе и путем запрашивания мнения специалиста, а статус этого мнения в УПК Республики Беларусь законодателем не определен.

В ст. 74 УПК РФ заключение и показание специалиста относятся к доказательствам, используемым в процессе доказывания по уголовному делу. При этом ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ, введенные через один год после вступления УПК РФ в законную силу, закрепляют следующие положения: «3. Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. 4. Показания специалиста – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса». Простота и четкость преодоления исследуемого пробела в УПК Республики Беларусь очевидна.

Вторая проблема, возникающая при реализации стороной защиты права на получение мнения специалиста для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний, или при назначении экспертизы – каким образом специалисту высказывать мнение, если материалы, необходимые для формирования мнения, находятся при материалах уголовного дела или у других субъектов (например, гражданских истцов, потерпевших и т. д.)?

В адвокатской практике используется такое процессуальное средство, как ходатайство перед судом о предоставлении в распоряжение специалиста соответствующих материалов, не являющихся вещественными доказательствами по делу, например, заверенных копий протоколов процессуальных действий, копий фототаблиц и видеоизображений и т. д. Удовлетворение заявленного ходатайства в полной мере соответствует требованиям принципа уголовно-процессуального законодательства – состязательности сторон, закрепленном в ч. 3 ст. 15 УПК РФ, согласно которому «суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав». В УПК Республики Беларусь это положение принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон закреплено в ч. 5 ст. 24: «Суд создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей». Отказ в удовлетворении подобного ходатайства нарушает положения указанного принципа, свидетельствует о предвзятом отношении стороны, осуществляющей правосудие в уголовном процессе, к стороне, имеющей определенные процессуальные права по собиранию доказательств и сведений, не-

обходимых для оказания юридической помощи.

В своих разработках мы указывали на необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве принципа, механизм которого давно имеется в УПК РФ. Речь идет о принципе беспристрастности, в соответствии с которым **«суд, стороны по уголовному делу и иные участники при производстве по материалам и уголовному делу обязаны сохранять беспристрастность. Нарушение данного требования недопустимо и влечет установленную законом ответственность и признание результатов проведенных процессуальных действий и решений не имеющими юридической силы»**. Поэтому суд, отказывающийся в удовлетворении заявленного ходатайства, выказывая пристрастие в отношении одной из сторон уголовного процесса, допускает существенное нарушение уголовно-процессуального закона и обязан использовать механизм самоотвода на дальнейшее участие в уголовном деле.

Но, кроме материалов, находящихся в (при) уголовном деле, специалисту для высказывания мнения (заключения) могут понадобиться материалы, находящиеся в оригиналах или копиях (при полном отсутствии подлинников материалов) у других физических и юридических лиц. Как в этом случае получить доступ к указанным материалам? УПК РФ и Республики Беларусь лишены необходимого механизма получения соответствующих материалов (например, подлинных документов финансово-хозяйственной деятельности юридического лица – гражданского ответчика).

Нами предлагается формирование механизма получения соответствующих материалов, который может быть по аналогии заимствован у особого производства по гражданским делам, и наимено-

вания особого (специального) производства в уголовном процессе. Поскольку с помощью специальных знаний преследуется цель получения доказательств (сведений) для установления определенного факта, имеющего юридическое значение, сторона защиты может обратиться в суд по месту производства уголовного дела с заявлением об истребовании материалов, находящихся у определенного юридического лица. В заявлении должно содержаться указание на наименование материалов (документов), период их формирования (создания, составления) и другие идентификационные признаки, позволяющие четко понять и ограничить количественные и качественные признаки истребуемого материала. Кроме того, в заявлении должна быть указана цель истребования материалов, наименование органа, ведущего уголовный процесс, наименование и номер уголовного дела. При этом в заявлении о предоставлении материалов сторона защиты может указать на обеспечительные меры в отношении материалов, которые должны профилактировать возможность утраты или повреждения материалов.

Международный гуманитарно-экономический институт (г. Минск, Республика Беларусь)

Печерский В. В., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры

E-mail: wpecherskiw@tut.by

Суд возбуждает производство по заявлению, в качестве заинтересованного лица приглашает юридическое лицо, в ведении которого имеются соответствующие материалы. В процессе судебного производства устанавливаются факты, подтверждающие наличие этих материалов, их нахождение у определенного юридического лица, а также возможность передачи этих материалов в оригиналах или копиях стороне защиты для передачи специалисту. При необходимости предоставления этих материалов в подлинниках по решению суда изготавливаются соответствующие заверенные копии материалов, которые на время работы с подлинниками находятся у соответствующего юридического (физического) лица. В случае удовлетворения заявления стороны защиты суд выносит решение, обязывающее соответствующее юридическое (физическое) лицо предоставить стороне защиты, специалисту необходимые для исследования материалы, с которыми можно будет ознакомиться в помещении суда или в ином указанном судом помещении, чтобы предотвратить их возможную утрату или повреждение.

International Humanitarian-Economic Institute (Minsk, Republic of Belarus)

Pechersky V. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department

E-mail: wpecherskiw@tut.by

А. Ф. Реховский

Дальневосточный федеральный университет

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А н н о т а ц и я: статья посвящена тенденциям развития криминалистики в зарубежных странах. Автор анализирует современные достижения зарубежной науки. Большое внимание уделяется концепции судебной науки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика, судебная наука, полицейская деятельность, правосудие.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS IN FOREIGN COUNTRIES

A b s t r a c t: the article is devoted to the trends of development of criminalistics in foreign countries. The author analyzes modern achievements of foreign science. Great attention is paid to the concept of forensic science.

Key words: criminalistics, forensic science, police activity, justice.

Поступила в редакцию 18 октября 2018 г.

В странах общего права научный термин «криминалистика» не получил широкого распространения. В английской академической литературе под научным анализом расследования преступлений обычно понимается применение естественно-научных методов¹.

По данным американского Совета криминалистики, криминалистика может быть определена как профессия и научная дисциплина и направлена на распознавание, идентификацию, индивидуализацию и оценку вещественных доказательств путем применения физических и естественных наук в области правоведения².

В Соединенных Штатах также используется термин «forensic science» (судебная наука), который означает научное знание, применяемое к исследованию,

анализу и оценке физических доказательств. Его основными ветвями являются криминалистика и судебная медицина. С 2000-х гг. появляется термин «criminal investigation» (уголовное расследование), который по своему содержанию близок к традиционному европейскому термину «криминалистика».

Национальные и зарубежные исследователи отмечают, что в криминалистике наступил кризис. Так, например, австралийские ученые считают, что «доминирующая концепция судебной науки (forensic science) как лоскутное одеяло... находится в кризисе или, по крайней мере, показывает ряд аномалий и серьезных ограничений»³. В. Д. Корма и В. А. Образцов также справедливо отмечают, что парадигма криминалистики «...еще не приобрела черты четкой, целостной, непротиворечивой подсистемы научного знания. В первую очередь это связа-

© Реховский А. Ф., 2019

но с наличием серьезных расхождений во взглядах на такие базовые, ключевые категории, как понятие криминалистики, а также понятия ее объекта и предмета»⁴.

Мы полагаем, что мнения представителей российской криминалистики и представителей зарубежной науки не следует рассматривать обособленно друг от друга, поскольку, как справедливо отмечает Т. С. Волчецкая: «...существенной характеристикой криминалистики является то, что она, являясь не отраслью права, а юридической наукой, практически не имеет национальных границ»⁵.

О тенденции слияния научных подходов свидетельствуют результаты исследования венгерского криминалиста Csaba Fenyvesi, который считает, что «...хотя существуют условные различия между концепциями наук континентального и общего права о криминальном расследовании (криминалистика и судебная наука), их предмет и цели идентичны и их содержание согласуется друг с другом. В качестве тенденции можно установить, что можно наблюдать постепенное разрушение жестких границ между этими концепциями, и настоящее время уже характеризуется их взаимным взаимодействием»⁶.

В данной статье будет дан анализ отдельных предложений зарубежных исследователей.

Зарубежные исследователи считают одной из причин кризиса криминалистики то обстоятельство, что она вовлечена в неконтролируемую спираль движения, приведшего к уменьшению ее объема до ряда сервисных лабораторий с ограниченными строгими аналитическими функциями, а не к набору взаимосвязанных процессов, отвечающих процессам безопасности общества. Кроме того, по их мнению, следует учитывать экономические правила и бизнес-модели, которые должны регулировать практику судебной

экспертизы с учетом высокой стоимости результатов экспертной деятельности⁷.

По мнению зарубежных ученых, криминалистические исследования должны учитывать не только технические аспекты, но и фундаментальные, теоретические, криминологические, правовые, этические вопросы в более широком социологическом и философском измерениях. Действительно, самой проблемной частью современной криминалистики является не технический анализ события преступления, а обнаружение и понимание следов на основе процесса познания и логики.

Результаты криминалистических исследований должны в конечном счете оказывать помощь в ответе на вопросы, связанные с безопасностью общества, полицейской деятельностью и правосудием. Как следствие, создание связей между различными темами научных исследований должно стать одним из важнейших приоритетов науки, так как это позволит разорвать обособленность, которая существует между различными судебными дисциплинами. Единственный путь развития судебной науки, когда она сможет своевременно понять преступную деятельность, когда криминалистические и научные сообщества поймут, что разобщенность в настоящее время наблюдается в большинстве полицейских организаций и большинстве университетов, и это обстоятельство не позволяет им активно сдерживать преступность⁸.

Помимо традиционного подхода, ориентированного на суд, следы имеют потенциал для обеспечения знаний о личности, преступных группах и преступной деятельности. Следственная генетика направлена на выход за пределы традиционного использования ДНК, получая внешне видимую (фенотипическую) информацию о человеке и его биогеографическом происхождении (рис. 1, 2).

Рис. 1. От анализа ДНК до прогнозирования фенотипа. Графическая иллюстрация предполагаемой судебной экспертизы: рабочий процесс с использованием развивающейся массивной параллельно-последовательной технологии (MPS)

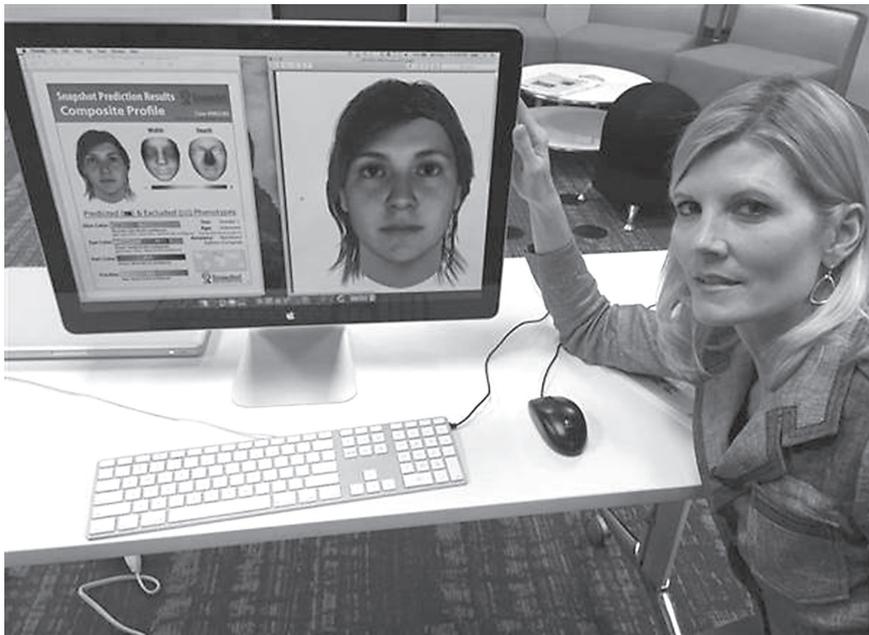

Рис. 2. Первые результаты полученного фенотипа по капле крови исследователя

Инновационный вклад криминалистики в другие области системы правоприменения позволит обеспечить более совершенный уровень безопасности общества.

Для изменения парадигмы зарубежной криминалистики (судебной науки) предлагается ряд стратегических направлений:

– судебная наука должна сосредотачиваться не на «специализациях», а на продвижении опыта и знаний о следе как остатке преступного присутствия и деятельности/действия;

– судебная наука не должна быть сосредоточена на лабораторно ориентированной концепции судебной науки, но следует вернуть место преступления в качестве предмета научной деятельности; сценография – это ключ к светлomu будущему следа как доказательства и судебной науки в целом;

– судебная наука должна стать важным источником расследования преступлений и шире использоваться для решения проблемы безопасности общества;

– судебная наука должна применяться по всей цепочке судебного процесса – от места преступления к представлению доказательственной информации в суде;

– исследования в области судебной науки нуждаются в эпистемологическом

компоненте для разработки на основе логики рекомендаций по использованию следовой информации;

– судебная наука должна переориентироваться на решение проблем с целью укрепления ее значения в обществе, а также большей стабильности и устойчивости.

Представляется, что самостоятельным направлением развития криминалистики является ее цифровое направление. Форензика – это поиск надежных доказательств в электронной информации. Здесь существует одна проблема, которая именуется как «терабайтная проблема» и заключается в том, что объем цифровой информации может расти быстрее самих инструментов, способных проанализировать этот объем информации. Но из этого следует и обратное – в этих массивных коллекциях данных имеется гораздо больше информации о жизни людей, чем это было в прошлом, и субъекты расследования получают способы и возможности, которых никогда ранее не существовало⁹.

Думается, криминалистика должна переосмыслить парадигмы судебной экспертизы в плане изучения прошлых ошибок, пересмотра фундаментальных принципов и адаптации ее к потребностям времени.

¹ См., напр.: Клаус Дитер Поль. Естественно-научная криминалистика. М., 1985.

² См.: URL: <http://www.all-about-forensic-science.com/criminalistics.html>

³ Roux C. et al. The end of the (forensic science) world as we know it? The example of trace evidence. URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2014.0260>

⁴ Корма В. Д., Образцов В. А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития : монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016. С. 38.

⁵ Волчецкая Т. С. Современные тенденции развития криминалистики в России и США // Folia Iuridica Universitatis Wratislaviensis. 2015. Т. 4, № 1. С. 148.

⁶ Csaba Fenyvesi. The continental and common-law conceptions of criminalistics // US-China law Review. Vol. 14 : 46. 2017. P. 46–57. Doi: 10.17265/1548-6605/2017.01.004.

⁷ См.: Roux C. et al. Op. cit.

⁸ См.: Forensic Science : Current State and Perspective by a Group of Early Career Researchers. Found Sci. Doi: 10.1007/s10699-016-9500-0.

⁹ См.: *Losavio Michael, Pastukov Pavel, Polyakova Svetlana.* Cyber Black Box/Event Data Recorder : Legal and Ethical Perspectives and Challenges with Digital Forensics // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2015. Vol. 10, № 4. Article 4. URL: <https://doi.org/10.15394/jdfsl.2015.1210>

Дальневосточный федеральный университет

Реховский А. Ф., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики

E-mail: rafdvgu@mail.ru

Far Eastern Federal University

Rekhovsky A. F., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Justice, Prosecutorial Supervision and Forensic Science

E-mail: rafdvgu@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация: законодательство России не создает сегодня свободной конкуренции в вопросах поиска конкретного исполнителя судебных экспертиз при расследовании уголовных дел. Многолетнее доминирование государственных экспертных структур, свойственное истории развития российского уголовного процесса и криминалистики, требует как минимум своего критического анализа.

Ключевые слова: криминалистика, расследование, монополия, государственный, судебный, эксперт, частный, неопубликованный, акт.

SOME PROBLEMS OF THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN MODERN RUSSIAN FORENSICS

Abstract: the legislation of Russia does not create today free competition in the search for a specific executor of legal expertise in the investigation of criminal cases. The long-term domination of state expert structures, characteristic of the history of the development of the Russian criminal process and criminology, requires at least its critical analysis.

Key words: criminalistics, investigation, monopoly, state, judicial, expert, private, unpublished, act.

Поступила в редакцию 31 октября 2018 г.

Проблемы монополизма, свойственные практике назначения судебных экспертиз по уголовному делу, привлекают внимание как автора¹, так и других российских исследователей².

Сегодня, в частности, заслуживает одобрения практика, созданная по итогам внедрения результатов указаний, сформулированных в информационном письме от 24 июля 2018 г. № 36-10-2018 «Об использовании в качестве доказательств заключений судебно-медицинских экспертиз, проведенных экспертами Следственного комитета РФ»³. Указанное информационное письмо было под-

писано заместителем Генерального прокурора РФ В. Я. Гринь. Можно поддержать данную точку зрения Генеральной прокуратуры РФ, предписывающую органам следствия (персоналу Следственного комитета РФ) избегать использования впредь в процессе доказывания по уголовному делу заключений судебно-медицинских экспертиз, производство которых было поручено экспертам этого же Следственного комитета РФ. Вместе с тем остается лишь сожалеть, что данное информационное письмо осталось до настоящего времени официально не опубликованным. Оно так и не стало доступным для широкой российской юридической общественности, хотя затрагивает

(и весьма существенно) процесс реализации прав не только значительного числа хозяйствующих субъектов, но и интересы рядовых граждан, участвующих в том или ином статусе в производстве по уголовным делам в современной России. Здесь в некоторой степени оказывается актуальной норма права, закрепленная в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ. Не должны применяться любые нормативно-правовые акты, не опубликованные для всеобщего сведения в надлежащем официальном порядке⁴. С другой стороны, стоит прислушаться и к точке зрения Д. С. Андреева, считающего незарегистрированные и неопубликованные административно-правовые акты относящимися к числу актов, не вступивших в законную силу⁵.

Некоторым диссонансом здесь выступает точка зрения, высказанная А. В. Грошевым. Он при наличии определенных условий допускает (прямо или косвенно) вступление в силу неопубликованных нормативно-правовых актов⁶.

Оснований сомневаться в повсеместном фактическом применении на территории Российской Федерации указанного информационного письма сегодня не имеется. Поучительной является и цитата в тексте этого информационного письма случая из судебной практики Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан по уголовному делу в отношении врача, по итогам судебного рассмотрения которого был вынесен оправдательный приговор⁷. В обоснование мотивации данного оправдательного приговора указано неверное заключение, которое было дано по итогам судебной экспертизы. Эта экспертиза явилась проведенной экспертом Следственного комитета РФ, оказавшейся противоречащей выводам, полученным по итогам судебно-медицинской экспертизы, проведенной иными судебными экспертами по ходатайству стороны защиты. Остает-

ся предположить, что в будущем данное информационное письмо, фактически выступающее сегодня в качестве некоего нормативно-правового акта, окажется надлежащим образом официально опубликованным. Хотя процитированное нами информационное письмо формально не относится к числу административно-правовых актов, а применение закона по аналогии не допустимо в современных российских условиях, тем не менее анализ этой точки зрения представляется нам целесообразным и актуальным как минимум в аспекте потенциально возможного формулирования ориентиров дальнейшего развития данного сегмента правового пространства в процессе дальнейшего государственного строительства и совершенствования модели российского правового государства⁸.

Разделение органов, осуществляющих процесс расследования по уголовному делу и экспертных структур, несомненно, достойно максимального распространения. Здесь некоторые ассоциации могут быть проведены с легендарной концепцией разделения властей. Производство экспертиз, в том числе и по уголовным делам, с нашей точки зрения, должно относиться к одной из сфер коммерческой деятельности. Конкурировать в этой коммерческой деятельности вполне могут как государственные структуры, так и не являющиеся таковыми экспертные подразделения и отдельные эксперты. К сожалению, до полного введения свободной и справедливой конкуренции в указанной сфере общественных отношений еще довольно далеко. В некоторой степени серьезным препятствием для реализации подобного направления развития общественных отношений является содержание национального российского законодательства (правового поля). В частности, критического взгляда, пристального анализа и, весьма веро-

ятно, серьезной корректировки достойно письмо Министерства экономического развития РФ и Федеральной антимонопольной службы РФ от 5 марта 2014 г. № 4332-ЕЕ/Д28и, АЦ/7864/14⁹.

Среди прочих общественных отношений из сферы регулирования Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ¹⁰ указанным письмом были исключены и отношения по привлечению и оплате деятельности судебных экспертов при производстве предварительного расследования по уголовным делам. Отсутствует официальное опубликование данного письма. Непосредственно в тексте указанного Федерального закона нет указания на общественные отноше-

ния с участием таких экспертов. Давшими указанный выше официальный комментарий представителями органов федеральной исполнительной власти были реализованы функции законодателя. Учитывая наличие действующего сегодня Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 октября 2012 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹¹, актуальным становится ожидать появления и соответствующего постановления Конституционного Суда РФ. Степень значимости для современного российского общества данного сегмента общественных отношений позволяет предполагать и подобный вариант развития событий.

¹ См.: Шошин С. В. Некоторые особенности инновационного моделирования криминалистической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. М., 2011. № 1. С. 197.

² См.: Мазуренко П. Н., Мазуренко А. П. Проблемы судебной экспертизы на современном этапе // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». Т. 11. Казань, 2015. С. 187.

³ Информационное письмо от 24 июля 2018 г. № 36-10-2018 «Об использовании в качестве доказательств заключений судебно-медицинских экспертиз, проведенных экспертами Следственного комитета РФ» // Документ официально опубликован не был.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁵ См.: Андреев Д. С. Дефектные административно-правовые акты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

⁶ См.: Грошев А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 276.

⁷ См.: Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан. Официальный сайт. Судебное делопроизводство. Производство по уголовным делам. URL: https://naberezhno-chelninsky--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_or=case&case_id=301659828&dello_id=1540006 (дата обращения: 31.10.2018).

⁸ См.: Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Некоторые аспекты восприятия правового государства в XXI веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 3. С. 344.

⁹ См.: О позиции Минэкономразвития России и ФАС России по вопросам применения норм Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и му-

ниципальных нужд» к отношениям, связанным с привлечением экспертов, специалистов, переводчиков и иных участников уголовного судопроизводства : письмо Министерства экономического развития РФ и Федеральной антимонопольной службы РФ от 5 марта 2014 г. № 4332-ЕЕ/Д28и, АЦ/7864/14 // Документ официально опубликован не был. Цит. по: Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: <http://base.garant.ru/70604890/> (дата обращения: 31.10.2018).

¹⁰ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

¹¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 октября 2012 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2, февраль.

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского*

Шошин С. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии

*E-mail: serguei8@mail.ru
Тел.: 8-904-240-06-97*

*Saratov National Research
State University
named after N.G. Chernyshevsky*

Shoshin S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology

*E-mail: serguei8@mail.ru
Tel.: 8-904-240-06-97*

Л. А. Щербич

Университет прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ МЕТОДИКИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассматривается содержание принципов методики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции, формулируются выводы об их важности и необходимости, так как именно они определяют направленность и содержание собственно деятельности прокурора, связанной с поддержанием обоснованного обвинения по уголовному делу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное преследование, государственный обвинитель, принципы, методика поддержания государственного обвинения.

ON THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF THE METHOD OF MAINTAINING PUBLIC PROSECUTION IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

A b s t r a c t: the article deals with the content of the principles of methods of maintaining public prosecution in the court of first instance, the conclusions about their importance and necessity as it is the principles that determine the direction and content of the actual activities of the Prosecutor related to the maintenance of a reasonable charge in a criminal case.

Key words: criminal prosecution, public prosecutor, principles, methods of maintaining public prosecution.

Поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

Уголовное преследование как одно из направлений деятельности прокуратуры осуществляется в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Важной составной частью уголовного преследования является поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве.

Прокурор, поддерживая государственное обвинение, руководствуется принципом состязательности сторон, который выступает гарантией справедливого пра-

восудия и предполагает состязательное публичное представление доказательств на основе «равенства оружия», т. е. предоставления участникам равных процессуальных средств защиты своих прав.

Основным правом, закрепленным в ст. 6 Конвенции о защите человека и основных свобод, является право на справедливое судебное разбирательство, или беспристрастный суд. Характеристикой беспристрастного суда выступает равенство сторон в судебном процессе и недопущение формирования с процессуальной точки зрения привилегированного отношения к одной из сторон в ущерб второй стороне. Данный принцип равенства сторон в судебном слушании яв-

ляется применимым ко всем уголовным делам¹.

Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 ноября 1996 г. № 19-П по делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР, «данный конституционный принцип предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия, осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, а потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций».

Следовательно, эффективность деятельности по поддержанию государственного обвинения зависит исключительно от активности прокурора, участвующего в судебном процессе, которая, на наш взгляд, базируется не только на качественном знании норм материального и процессуального права, а также материалов уголовного дела, но и на четком представлении о современных возможностях криминалистической науки. Применение криминалистических средств и методов позволит прокурору реализовать задачи по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите лиц, подвергающихся уголовному преследованию, а также других участников уголовного судопроизводства, что обеспечит вынесение судом законного, обоснованного и справедливого решения.

Так, справедлив вывод Т. С. Волчецкой о том, что в современный период, после принятия УПК РФ, вместе с процессом фактической реализации принципа состязательности в уголовном процессе многие ученые стали проводить в жизнь идеи расширительного применения криминалистики в рамках уголовного процесса. Появились научные исследования

по прокурорской тактике, проблемам использования ряда положений криминалистической тактики (версии, планирование, моделирование, ситуационный подход и т. д.) в деятельности судьи².

На необходимость широкого использования криминалистического подхода в процессе судебного следствия обращается внимание в работах Н. Даниловой, О. Коршуновой и других ученых, обоснованно утверждающих, что исследование события преступления и процесса его изучения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является центральной частью познавательного процесса в суде первой инстанции³.

Вместе с тем следует констатировать отсутствие теоретически обоснованных и методологически выверенных криминалистических разработок, исполняющих роль инструмента, использование которых обеспечивает последовательное, планомерное и рациональное выполнение прокурором функции по поддержанию государственного обвинения.

Развитие науки влечет за собой постоянное увеличение объема знаний при сохранении существующих теорий. Научные идеи, положения и законы обладают многообразными внутренними и внешними связями, обуславливающими на каждом этапе развития общества определенную взаимосвязь наук и их интеграцию.

В этой связи уместно привести высказывание А. В. Славина о том, что никакое знание не существует как изолированная целостность, оно всегда является фрагментом более общей системы знаний⁴. Тем более что, проникая в глубь предмета (каковыми являются общие положения методики поддержания государственного обвинения), мы постепенно переходим от внешней его стороны к внутренней структуре. Такое углубление знаний сопровождается, а нередко и вызывается тем, что в поле зрения исследователя попада-

ют все новые и новые, ранее неизвестные свойства изучаемого объекта, которые отнюдь не тождественны тому его варианту, с которого началось изучение.

Таким образом, исследование содержания исходных положений методики поддержания государственного обвинения необходимо начать из тех, которые имеют форму принципов, и здесь следует обратить внимание на общие принципы методики поддержания государственного обвинения, образующие исходные положения, которые определяют ее содержание, структуру и значение.

Как справедливо отмечает И. А. Возгрин, принципы – это положения, определяющие наличие внутренних закономерных связей в явлениях действительности, а также выводы и рекомендации о способах, правилах и методах человеческой деятельности⁵.

Деятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения в суде имеет системный характер с присутствием ей внутренними закономерными связями, в связи с этим в качестве принципов, по мнению В. Н. Исаенко, следует рассматривать систематизированную совокупность основных и обязательных условий выполнения прокурором возложенной на него функции по подготовке и осуществлению уголовного преследования в суде первой инстанции⁶. И здесь следует обратить внимание на то, что содержание данных принципов обуславливается фундаментальными положениями уголовного судопроизводства.

Далее автор указывает на локальный характер принципов, поскольку они определяют направленность и содержание собственно деятельности прокурора, связанной с поддержанием государственного обвинения по уголовному делу в суде. А систему этих принципов составляют следующие положения: *обусловленность; заблаговременность, пол-*

нота, всесторонность, объективность изучения прокурором – государственным обвинителем уголовного дела; *достаточность содержащихся в уголовном деле доказательств* для обоснования выводов о преступном характере деяния, в связи с которым ведется уголовное судопроизводство, о совершении этого деяния подсудимым и его виновности в этом деянии, а также об установлении иных обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела судом; взаимодействие прокурора – государственного обвинителя со следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, а также с другими участниками досудебного производства в процессе подготовки к участию в судебном разбирательстве в целях прогнозирования и предупреждения возникновения в процессе его проведения ситуаций, осложняющих поддержание обвинения; планирование участия в судебном процессе на всех его этапах, определение очередности исследования доказательств обвинения и тактики их представления суду, участия в отдельных процессуальных действиях в рамках судебного следствия и т. д.⁷

В целом, соглашаясь с подобным подходом, следует, на наш взгляд, отнести к так называемым исходным положениям методики поддержания государственного обвинения принцип соблюдения разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ), и, как справедливо подчеркнула Е. В. Марковичева, «...российский законодатель, дополнив главу 2 УПК РФ ст. 6.1 “Разумный срок уголовного судопроизводства”, закрепил тем самым новый уголовно-процессуальный принцип». Далее, продолжает автор, анализ п. 3 ст. 5 и п. 1 ст. 6 Конвенции позволяет рассматривать разумный срок судопроизводства как обязательное условие реализации права на свободу и лич-

ную неприкосновенность и права на *справедливое судебное разбирательство*⁸.

Данный принцип очень тесно связан с принципом планирования участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве. И вот почему.

Он предопределяет объективные возможности государственного обвинителя на всем этапе судебного рассмотрения уголовного дела по существу. Но возможности могут иметь различную степень обоснованности и развитости. Именно потому в плане целесообразно закрепить ближайшие цели (перспективные и конечные), в соответствии с чем в методике поддержания государственного обвинения будет планироваться и описываться участие прокурора на всех этапах судебного разбирательства. Так, государственный обвинитель для достижения поставленной цели (поддержать обоснованное обвинение) должен разрешить следующие вопросы:

1) с решения какой именно задачи предполагается начать реализацию плана (с учетом этапов судебного разбирательства, например, будет ли это предварительное слушание или судебное следствие);

2) какова последовательность решения намеченных задач с учетом прогнозирования ситуаций, могущих возникнуть на том или ином этапе судебного разбирательства;

3) с какого конкретного действия следует начать (или от какого действия следует воздержаться, например, заявления различных ходатайств) и что предполагается сделать потом.

Безусловно, разрешение указанных вопросов всегда должно быть основано на исполнении норм раздела девятого УПК РФ.

Необходимо, чтобы при планировании прокурор уделял больше внимания мероприятиям, подготавливающим и обеспечивающим решение ключевых вопросов по делу определенных в ст. 73 УПК РФ. Кроме этого, государственному обвинителю при планировании важно ориентировать себя на результативность (достижение намеченной цели – законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовного дела судом); продуктивность (например, разрешение иных вопросов ст. 309 УПК РФ); правильность (точное соответствие нормативным предписаниям, в том числе УПК РФ, УК РФ и другим федеральным законам); надежность (наличие эффективных способов (тактических приемов), применяемых для достижения намеченной цели); экономичность (минимальная затрата сил и средств для достижения поставленной цели и с учетом ст. 6.1 УПК РФ).

Описанный ранее принцип позволит определить последовательность представления доказательств, выявить оптимальные формы и правила взаимодействия между участниками судебного разбирательства и т. д. Планирование участия в судебном процессе имеет важное методическое значение, обеспечивая не только оптимальный, но и эффективный подход поддержания законного и обоснованного обвинения в суде первой инстанции.

¹ См.: Проблемы развития процессуального права России : монография / под ред. В. М. Жуйкова. М., 2016. С. 106. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.10.2018).

² См.: Волчецкая Т. С. Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и развитие криминалистики : сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Яблокова и В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 7.

³ См.: Руководство для государственных обвинителей : криминалистический аспект деятельности / под ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2015. С. 42–43 ; Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела : монография / Н. А. Данилова [и др.]. М., 2013. С. 46–47.

⁴ См.: Славин А. В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976. С. 98.

⁵ См.: Возгрин И. А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1977. С. 68.

⁶ См.: Методика поддержания государственного обвинения / Г. Л. Куликова [и др.] ; отв. ред. В. Н. Исаенко ; Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. М., 2010. С. 6.

⁷ См.: Там же. С. 7–8.

⁸ См.: Марковичева Е. В. Применение понятия «разумный срок» в российском уголовном судопроизводстве // Судья. 2017. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2018).

Университет прокуратуры Российской Федерации

Щербич Л. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве

E-mail: shcherbkrim@mail.ru

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Shcherbich L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision Over Execution of Laws in the Operational-Search Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings

E-mail: shcherbkrim@mail.ru

А. А. Эксархопуло

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ПРЕДМЕТ «ПРИКЛАДНОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»

А н н о т а ц и я: статья посвящена одному из альтернативных способов решения проблемы, возникшей в связи с предложениями пересмотреть предмет современной криминалистической науки, расширив его до масштабов всей правоприменительной практики. Критикуя эти предложения, автор статьи считает более перспективным создание новых, самостоятельных отраслей знания, основанных на интеграции наук и ориентированных на обслуживание тех сфер деятельности, которые нуждаются в тактико-техническом и методическом обеспечении. Имея свои собственные предметы познания, эти новые отрасли, по мнению автора, могут развиваться под общим названием «Прикладная криминалистика».

К л ю ч е в ы е с л о в а: предмет криминалистики, интеграция знаний, отрасли науки, прикладная криминалистика, правоприменительный процесс.

SUBJECT "APPLIED CRIMINALISTICS"

Abstract: the article is devoted to one of the alternative ways of solving the problem that arose in connection with the proposals to revise the subject of modern criminalistic science, expanding it to the scale of all law enforcement practice. Criticizing these proposals, the author of the article considers it more promising to create new, independent branches of knowledge based on the integration of sciences and oriented to serve those areas of activity that need tactical, technical and methodological support. Having their own subjects of knowledge, these new branches, according to the author, can develop under the general title "Applied criminalistics".

Key words: subject of criminalistics, knowledge integration, branches of science, applied criminalistics, law enforcement process.

Поступила в редакцию 19 октября 2018 г.

В истории криминалистики никогда не прекращались дискуссии о том, что должна изучать данная наука и каков предмет ее познания. Тем не менее в том, что предметом криминалистики являются отдельные, криминалистически значимые особенности преступления и процедуры установления истины в уголовном судопроизводстве, ученые в большинстве своем никогда не сомневались. Однако с конца XX – начала XXI в.

в этих дискуссиях наметилась тенденция к расширению предметной области криминалистической науки за счет включения в «сферу ее интересов» не только деятельности правоохранительных органов по исследованию обстоятельств совершенных преступлений, но и любой иной правоприменительной и не только правоприменительной деятельности. При этом диапазон мнений о предмете криминалистики оказался настолько широк, что, пожалуй, наиболее адекватной реакцией на их разнообразие стало лаконичное заме-

чание А. М. Ларина: «Криминалистика – это то, чем занимаются криминалисты». Он же и пояснил, чем все же криминалисты занимаются, иронично заметив: «легче ответить, чем они не занимаются»¹.

Предложения распространить «криминалистическое влияние» на практически неограниченный круг изучаемых ею явлений стали поступать с завидным постоянством. Желание дополнить предмет криминалистики воплотилось в идее создания универсальной криминалистики², междисциплинарной теории или даже криминалистики, выходящей на «надотраслевой уровень»³. Некоторые авторитетные авторы подобное расширение предметной области науки даже назвали «**историческим**» призывом ученых: «Перед учеными-криминалистами, – пишет, к примеру, А. М. Кустов, – встает **исторический вопрос расширения предмета науки**»⁴. (выделено нами. – А. Э.).

Главный аргумент в пользу выхода криминалистики за рамки своего традиционного предмета был и остается до банальности прост: раз криминалистические разработки с успехом используются в некриминалистических отраслях знания и никто, кроме криминалистов, не способен создать для них инструментарий, подобный криминалистическому, то все эти сферы деятельности непременно должны составить предмет криминалистического познания.

Между тем, чтобы признать криминалистику наукой, способной наиболее эффективно решать проблемы, например, гражданского, административного или иного правоприменительного процесса, необходимо быть уверенным, что никакая иная наука, кроме криминалистики, не располагает такой возможностью.

Авторы идеи, судя по всему, не задумывались над тем, что криминалистических знаний для этого может оказаться недостаточно. Вряд ли можно рассчиты-

вать на успех разработки криминалистических рекомендаций для новых потребителей, не имея глубоких знаний в административном, гражданском праве и процессе, не понимая тонкостей и особенностей правового регулирования той сферы деятельности, куда предполагается эти новшества внедрять. Трудно себе представить, во что могла бы превратиться криминалистика, если бы ее создатели, прекрасно ориентируясь в естественно-технических отраслях знания, не обладали знаниями уголовно-процессуального и уголовного права.

Освоение «чуждых» криминалистике знаний разработчиками средств, предназначенных для использования в том же гражданском процессе, может оказаться куда более сложной задачей, чем кажется на первый взгляд ученым-криминалистам, настаивающим на расширении предмета своей науки, но при этом несведущих, к примеру, в проблемах цивилистики. Простым заимствованием криминалистических средств и методов для использования в новой сфере деятельности здесь вряд ли удастся отделаться.

А значит криминалистическая разработка познавательных средств, предназначенных для использования в новой области знания, хотим мы того или нет, обязательно потребует учета особенностей правового регулирования тех сфер правоприменительной деятельности, куда их предлагается внедрять. Не зная этих особенностей, любая разработка криминалистики окажется беспредметной. Поэтому тактико-технические средства, создаваемые для того же арбитражного процесса, должны ориентироваться на предусмотренные законом арбитражно-процессуальные процедуры в той же мере, в какой криминалистические средства и методы борьбы с преступностью подчиняются уголовно-процессуальным правилам⁵.

На рубеже XX–XXI вв. наряду с идеей распространения сферы криминалистического познания за пределы уголовного судопроизводства стали систематически поступать и предложения о необходимости приведения содержания и предмета науки в соответствие с новшествами уголовно-процессуального законодательства, в особенности после закрепления в УПК РФ принципа состязательности. Суть идеи состояла в том, чтобы переориентировать развитие криминалистики на решение задач, стоящих перед двумя «конкурирующими» участниками уголовного процесса – стороной обвинения и стороной защиты⁶.

Логика проста: коль скоро криминалистика, начиная с Ганса Гросса, и создавалась, и развивалась как система рекомендаций, предназначенных для следователей, а говоря современным процессуальным языком, для стороны обвинения, то она, по мнению авторов идеи, не могла быть ничем иным, кроме как «криминалистикой обвинения». Чтобы устранить этот, с их точки зрения «пробел», было предложено изменить структуру криминалистической науки, сформировав ее систему из двух равноправных частей: «криминалистики обвинения» и «криминалистики защиты». Правда, авторы идеи забыли объяснить, как должна будет функционировать наука, призванная разрабатывать рекомендации, предназначенные для использования сторонами, преследующими часто прямо противоположные цели, и при этом оставаться в равной степени научными.

Уже только по этой причине в криминалистической науке нет и не может быть места «криминалистике защиты» в виде ее структурного подраздела, ориентированного не на постижение истины, а на отстаивание субъективных интересов подзащитного. Впрочем, при определении предмета науки криминалистам

не следует ориентироваться и на ставшие законом инициативы отечественного законодателя, по невежеству или недомыслию провозгласившего главной функцией отечественного предварительного следствия обвинение, вместо отмененного ими же принципа «объективности, всесторонности и полноты расследования уголовных дел».

Сферы деятельности, выходящие за пределы исторически сформировавшегося предмета криминалистики, и в их числе адвокатская деятельность, деятельность участников гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, и вообще всей правоприменительной практики на сегодняшний день, действительно, нуждаются, причем, не меньше, чем уголовно-процессуальная деятельность, в тактико-техническом и методическом обеспечении. Верно и то, что ни одна из базовых правовых наук самостоятельно такими прикладными разработками и исследованиями не занимается. Между тем разрешить извечный вопрос о том, что делать, не так уж трудно, если в поисках ответа на него следовать хорошо известным с начала XX столетия тенденциям развития мировой науки, демонстрирующей, в частности, возможности интеграции современного научного знания.

Хорошо известно, что взаимодействие различных наук нередко завершалось созданием новых методов познания, способных привести к новым решениям не только существовавших ранее, но и вновь возникающих научных проблем. В результате интегративных процессов, обусловленных общностью познаваемых разными науками явлений, формировались и новые прикладные отрасли знания. По большому счету даже сама криминалистика как новая для начала XX в. научная дисциплина своим возникновением была обязана начавшейся интегра-

ции наук, прежде всего, естественно-технических и юридических, относящихся к сфере борьбы с преступностью.

Этот путь развития прикладного криминалистического знания и сегодня сохраняется как, несомненно, наиболее перспективный в решении проблем тактико-технического или методического обеспечения любой, нуждающейся в этом сферы деятельности, во всяком случае, по сравнению с их искусственным поглощением криминалистической наукой, о котором говорят авторы идеи расширения предмета криминалистики. Как показывает более чем столетний опыт развития науки, криминалистика вполне способна эффективно взаимодействовать с теми отраслями знания, которые, имея общие с ней интересы и общие «точки соприкосновения», нуждаются в ее участии.

Такое взаимодействие, подчиняясь общим тенденциям и закономерностям развития современной науки, может привести к формированию новых прикладных отраслей криминалистики. От ее интеграции, к примеру, с достижениями отраслевых юридических наук можно ожидать полноценного развития и «криминалистики защиты», и «криминалистики обвинения», и «криминалистической цивилистики», и, возможно, других направлений научных исследований, ориентированных на создание познавательных средств, предназначенных для использования в самых разнообразных сферах юридической, и не только юридической, практики.

Подобно тому, как традиционная криминалистика многие десятилетия обустраивала уголовное судопроизводство и сегодня продолжает прилагать усилия для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности, каждая из этих новых прикладных научных дисциплин будет призвана разрабатывать тактико-технические средства для соб-

ственной, специфической сферы правоприменительной деятельности – гражданско-правовой, административно-правовой и т. д.

Будучи связанными с классической (традиционной) криминалистикой генетически, эти новые отрасли прикладного знания, объединенные общим для них названием «Прикладная криминалистика», и должны будут в перспективе составить основное ее содержание⁷. Свое место среди них, разумеется, займут не только отрасли прикладного криминалистического знания, призванные обслуживать правоприменительную деятельность, осуществляемую за рамками уголовного судопроизводства, но и те, предмет которых вообще выходит за пределы юридической практики.

Рискнем предположить, что в недалеком будущем вполне может возникнуть интерес к исследованию таких проблем прикладной криминалистики, как тактико-техническое обеспечение политической деятельности, с которой, например, в использовании лжи и дезинформации сегодня вряд ли сможет соревноваться какая-либо иная деятельность. Средства и методы, специально разработанные прикладной криминалистикой для диагностики и разоблачения ложных аргументов в политической дискуссии, несомненно, привлекут внимание всех тех, кто так или иначе желал бы знать правду.

Не менее интересные результаты можно ожидать от прикладных исследований, основанных на интеграции криминалистики с иными неюридическими отраслями знания, той же исторической наукой. «Криминалистическая история», ориентированная на разработку научных методов распознавания подлогов и фальсификаций исторических фактов, которыми в последние годы, кстати, все чаще стали уделять внимание и историки, и политики, надо полагать, также имеет право

на существование, а главное – вполне реальную перспективу. Многие из исследований, проведенных в прошлом с целью выяснения исторической правды, хорошо известны, о чем свидетельствуют, в частности, работы выдающегося ученого, ленинградского профессора-криминалиста Ивана Филипповича Крылова. Одну из глав своей знаменитой книги «В мире криминалистики» он так и назвал – «Криминалистика на службе других наук». В ней И. Ф. Крылов рассказал об одном из первых криминалистических исследований, оказавших «значительные услуги... исторической науке»⁸. Это было исследование, проведенное в 1894 г. основоположником судебной фотографии Е. Ф. Буринским, которому удалось прочитать древние рукописи времен Дмитрия Донского, обнаруженные еще в 1843 г. во время ремонтных работ в Московском Кремле. В книге приводятся и другие интересные примеры творческого приспособления достижений криминалистики для решения проблем исторической, и не только исторической, науки, но и литературоведения, искусствоведения и т. д.⁹ Все эти исследования вполне заслуживают того, чтобы войти в состав «Прикладной криминалистики» в качестве ее самостоятельных отраслей.

Представляются весьма перспективными и исследования в такой отрасли прикладной криминалистики, как «Криминалистическая экономика». Ибо для экономистов, предпринимателей, бизнесменов, надо полагать, было бы небезынтересно иметь в своем распоряжении средства раннего распознавания, а при необходимости и разоблачения истинных намерений своих конкурентов, особенно когда эти намерения обусловлены стремлением обмануть либо ввести потенциальных партнеров в заблуждение с помощью, например, фальсифицированных финансовых документов.

Практически неисследованными наукой остаются и такие проблемы, как эффективное осуществление общественного контроля над правосудием. Сама по себе эта проблема была известна криминалистам еще в середине XIX в. О ней писал выдающийся юрист и ученый Владимир Данилович Спасович, один из идеологов Судебной реформы и разработчиков Уставов уголовного и гражданского судопроизводства 1864 г. Характеризуя данную проблему, В. Д. Спасович призывал «весь народ» и общественное мнение давать оценку судебным приговорам по уголовным делам и, как бы следуя логике судьи, принимающего окончательное решение, вникать в их существо. Главной задачей общественного контроля над правосудием В. Д. Спасович видел возможность таким образом оградить граждан от судейского произвола. Приведем полностью высказанную им мысль на эту тему:

«Судебный приговор... есть закон, безусловно, обязательный для всех по данному делу, всякий закон должен быть разумен, а он разумен только тогда, когда есть возможность ежеминутно его оценить и взвесить критически те основания, на которых он построен; когда я, другой, третий, десятый, когда весь народ, когда общественное мнение, вникая в существо дела и восстанавливая в своем сознании ту цепь умозаключений, посредством коей судья установит достоверность вины или невинности подсудимого, может сказать: мы бы точно так судили, если бы были на месте судьи. В противном случае, если от судьи вы не будете требовать убеждения разумного, критического, если не будете требовать, чтобы он указал на основания выведенной им достоверности, если вы безусловно положитесь на его инстинкт, на его такт, на его чутье, на его вдохновение, то спрашивается, каким же образом вы отличите его убеждение от его предубеждения, правду от не-

правды в его приговоре? Вы уничтожили всякие ограничения его произвола, вы сделали его полным распорядителем жизни, чести, имущества подсудимых; да будь он самый безукоризненный человек, все-таки опасно быть вполне преданным на его милость или немилость, и кажется, вы сделали шаг назад в цивилизации, что вы от органического неустройства возвратились к неорганическому хаосу, что вы разрезали ножом гордые узел правосудия и от избытка форм искали убежища в отсутствии всяких форм...»¹⁰

Увы, но до сегодняшнего дня идея профессора В. Д. Спасовича продолжает оставаться в отечественном правосознании лишь благим пожеланием, которое, если и реализуется, то только в порядке личной инициативы отдельных представителей общественности или журналистов, причем далеко не всегда способных профессионально разобраться в юридических (и криминалистических) тонкостях вынесенных судебных решений, и поэтому, критически их оценивая, не готовых убедительно аргументировать свою позицию. Ясно, что представителям общественности без помощи «Прикладной криминалистики» трудно бывает разобраться в «существе дела», обратить внимание на ошибки, а нередко и злоупотребления, допускаемые и следова-

телями, и судьями, особенно когда такая оценка материалов уголовных дел требует специальных правовых или криминалистических знаний.

Представляется в этой связи, что осуществлению эффективного общественно-го контроля над правосудием во многом могла бы помочь криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел.

Немалые перспективы такая экспертиза способна открыть и для тех, кто в свое время был несправедливо осужден и уже отбыл назначенный срок лишения свободы. Тем более что число жертв отечественного правосудия, в отношении которых в свое время принимались заведомо неправосудные решения, сегодня исчисляется десятками, если не сотнями тысяч. Криминалистическая экспертиза материалов прошлых уголовных дел, проведенная с целью выявления злоупотреблений при их расследовании и судебном рассмотрении, могла бы стать незаменимым средством установления таких фактов в случае обращения несправедно осужденных в нашей стране лиц с требованиями о своей реабилитации.

Решение всех упомянутых выше проблем и есть задача и предмет «Прикладной криминалистики», разработки которой могут оказаться полезными всем, кто стремится постичь истину.

¹ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 23.

² См., напр.: Кустов А. М. Научный взгляд на предмет и объекты российской криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 62; *Его же*. У истоков и источников криминалистической науки // Вестник криминалистики. 2015. № 2 (54). С. 12.

³ Жижина М. В., Ищенко Е. П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 23–24.

⁴ Кустов А. М. У истоков и источников криминалистической науки // Вестник криминалистики. 2015. № 2 (54). С. 13.

⁵ О тенденциях расширения предмета криминалистики и критической оценке взглядов ученых, поддерживающих эту тенденцию, см. подробнее: Эксархопуло А. А.

Криминалистика : проблемы теории. Уфа, 2017. С. 82–101 ; *Его же*. Криминалистика : теоретические проблемы и практические решения : учеб. пособие. Уфа, 2018. С. 60–74.

⁶ См.: *Баев О. Я.* Криминалистические средства и методы исследования преступлений // Криминалистические средства и методы исследования преступлений. Вып. 10. Воронеж, 1999. С. 16 ; *Зорин Г. А.* Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 19–20 ; Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам : сб. статей / отв. ред. В. Н. Смирнов. Екатеринбург, 2001.

⁷ Некоторые аспекты формирования отдельных отраслей прикладной криминалистики, их суть, содержание и возможности практической реализации прикладных разработок изложены автором в монографии: *Эксархопуло А. А.* Прикладная криминалистика. Уфа, 2018. 201 с.

⁸ *Крылов И. Ф.* В мире криминалистики. Л., 1989. С. 278–279.

⁹ См.: Там же. С. 279–291.

¹⁰ *Спасович В. Д.* О теории судебно-уголовных доказательств. В связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 66–67.

*Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

Эксархопуло А. А., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права

*E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru
Тел.: 8-981-157-54-67*

*Saint-Petersburg Branch
of the National Research University
«Higher School of Economics»*

Exarkhopulo A. A., Doctor of Legal Sciences, Professor of Constitutional and Administrative Law Department

*E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru
Tel.: 8-981-157-54-67*

В. Ю. Яргутова

Нижегородская академия МВД России

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ЗАЛОГ СПРАВЕДЛИВОГО ПРИГОВОРА СУДА
(на основе анализа судебной практики)**

Аннотация: в статье говорится о необходимости привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в области бухгалтерского учета, при документировании преступлений в сфере экономической деятельности. Автор аргументирует свою позицию примерами из судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, утверждая, что в суде для установления суммы причиненного ущерба практически всегда необходимы знания в области бухгалтерского учета. Автор констатирует, что только привлечение лиц, обладающих специальными знаниями в области бухгалтерского учета, будет способствовать вынесению справедливого приговора суда.

Ключевые слова: специальные знания, бухгалтерский учет, специалист, эксперт, специалист-ревизор.

**USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD
OF ACCOUNTING IN CRIMINAL CASES OF CRIMES
IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY AS A GUARANTEE
OF A FAIR VERDICT OF THE COURT
(based on the analysis of judicial practice)**

Abstract: this article refers to the need to involve persons with special knowledge in the field of accounting, when documenting crimes in the field of economic activity. The author argues his position with examples from judicial practice in criminal cases of crimes in the sphere of economic activity, arguing that in court to determine the amount of damage almost always requires knowledge in the field of accounting. The author states that only the involvement of persons with special knowledge in the field of accounting will contribute to a fair verdict of the court.

Key words: special knowledge, accounting, specialist, expert, auditor.

Поступила в редакцию 6 ноября 2018 г.

В настоящий момент ввиду развития научно-технического прогресса, как следствие, усложнения схем совершаемых преступлений экономической на-

правленности, порой очень сложно без дополнительной помощи как следователю, так в дальнейшем и суду разобраться в схеме совершенного преступления с правильным определением размера причиненного ущерба. Еще в 1913 г. сведу-

© Яргутова В. Ю., 2019

щие лица ассоциировались с «увеличительным стеклом» для судьи¹. На наш взгляд, с этой позицией нельзя не согласиться и сегодня.

Действительно, бухгалтерский учет порой очень сложен для понимания, без наличия экономического образования разобраться в нем бывает невозможно. Именно поэтому уже со стадии возбуждения уголовного дела привлекаются специалисты, эксперты и иные лица, обладающие специальными знаниями в области бухгалтерского учета².

Данный факт мы хотели бы подтвердить примерами из судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Свой анализ начнем с рассмотрения примеров, подтверждающих необходимость использования специальных знаний в области бухгалтерского учета при документировании преступлений в тех случаях, когда необходимо осуществить анализ кассовых операций. Стоит заметить, что порядок ведения кассовых операций регламентируется специальным Указанием Банка России³.

Рассмотрим конкретный приговор суда⁴: в кассу ТСЖ поступили денежные средства в сумме 12 063 434,22 руб. от собственников квартир дома, которые были предназначены для оплаты коммунальных услуг, технического обслуживания дома, однако из них только 7 120 435,3 руб. были израсходованы по назначению, 4 942 998,92 руб. были присвоены бухгалтером-кассиром ТСЖ гр. Н. В судебном заседании было оглашено заключение эксперта. В данном случае в числе объектов, которые были исследованы экспертом, следует обозначить кассовые книги ТСЖ, приходные и расходные кассовые ордера, авансовые отчеты, оправдательные документы и др. Как мы видим, с целью установления квалифицирующего признака, предусмотренного

ч. 4 ст. 160 УК РФ, суммы причиненного ущерба (особо крупного размера) судом было исследовано заключение эксперта.

В качестве примера проведенного анализа кассовых документов при документировании преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, рассмотрим приговор суда от 27 ноября 2017 г. № 1-629/2017 по делу № 1-629/2017 Бийского городского суда (Алтайский край)⁵. Так, гр. Б. осуществлял предпринимательскую деятельность без регистрации по договорам на оказание услуг с ООО «СБ». При выполнении работ и получении дохода он действовал не как индивидуальный предприниматель либо представитель какого-либо юридического лица, а просто как физическое лицо. За оказанные услуги денежные средства выдавались гр. К. из кассы ООО «СБ» по расходно-кассовым ордерам. Согласно расходно-кассовым ордерам гр. Б. получил от ООО «СБ» доход в размере 10 607 961,00 руб.

В судебном заседании были оглашены показания свидетеля, старшего специалиста-ревизора ОДИ УЭБ и ПК ГУ МВД России по Алтайскому краю, согласно которым она проводила исследование документов, в результате которого было установлено, что согласно представленным расходно-кассовым ордерам гр. Б. получил от ООО «СБ» доход в размере 10 607 961,00 руб.

В данном случае специалистом-ревизором были исследованы следующие документы: письмо из налоговой инспекции об отсутствии регистрации, договоры на оказание услуг, заключенные между ООО «СБ» и гр. Б.; акты выполненных работ, карточка счета «50» ООО «СБ», кассовая книга ООО «СБ», расходные кассовые ордера ООО «СБ» и другие документы.

Специальные знания в области бухгалтерского учета необходимы и при расследовании преступлений, связанных с

безналичными расчетами. Порядок осуществления безналичных расчетов определен в Положении о правилах осуществления перевода денежных средств⁶. На основе примеров из судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности мы рассмотрим, в каких случаях необходимы специальные знания в области бухгалтерского учета, а именно подробно остановимся на проведенном анализе таких форм безналичных расчетов, как расчеты платежными поручениями, расчеты инкассовыми поручениями, расчеты чеками.

Рассмотрим приговор суда от 12 декабря 2016 г.⁷, согласно которому гр. А. совершил мошенничество. Схема преднамеренного неисполнения гр. А договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности заключалась в следующем: являясь фактическим руководителем ООО «С», гр. А. заключил агентский договор с ООО «Ю», согласно которому за агентское вознаграждение ООО «С» должно было заключить с ООО «М» договор поставки металлоконструкций в ООО «Ю». Договор поставки был заключен, оплата производилась на условиях предоплаты. Также был заключен договор поставки ООО «С» в ООО «М» металлопродукции и расходных материалов, необходимых при изготовлении металлоконструкций для ООО «Ю». Предоплата от ООО «Ю» поступила на расчетный счет ООО «М» в сумме 30 833 426,50 руб., в последующем данные денежные средства были перечислены в качестве оплаты в ООО «С». С целью создания видимости исполнения обязательств ООО «С» осуществило несколько поставок в адрес ООО «М» на сумму 3 849 894,07 руб. Обязательства по поставке в ООО «М» металлопродукции гр. А. выполнены не были, а полученные в качестве предоплаты денежные сред-

ства в сумме 26 983 532,43 руб. были похищены гр. А.

Стоит заметить, что при рассмотрении данного уголовного дела в суде важное значение имели не только выписки по расчетным счетам, но и платежные поручения, подтверждающие перечисление денежных средств.

В качестве примера анализа расчетов инкассовыми поручениями рассмотрим приговор суда по обвинению гр. С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ⁸. Так, гр. С., являясь директором ООО «С», знал о наличии требований налоговой инспекции об уплате недоимки по налогам, решений о принудительном взыскании с ООО «С» недоимки по налогам, знал о выставлении инкассовых поручений на расчетные счета, принятии решения о приостановлении операций по расчетным счетам ООО «С». С целью сокрытия денежных средств, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки, гр. С. подписал и направил в адрес ООО «Г» распорядительные письма с просьбой произвести оплату по договорам на расчетные счета контрагентов. Оплата была произведена на расчетные счета контрагентов. В данном случае специалистом-ревизором отделов документальных исследований в обязательном порядке анализируются инкассовые поручения. В справке об исследовании документов должно указываться, на какие расчетные счета выставлены инкассовые поручения и по каким расчетным счетам приостановлено движение денежных средств для того, чтобы можно было установить периоды, когда налоговым органом «заблокированы» все расчетные счета организации.

Несмотря на то что расчеты чеками на сегодняшний день не так многочисленны, данные расчеты имеют место быть. В качестве примера рассмотрим приговор суда⁹, согласно которому гр. К.,

М., Е. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Схема преступления: первоначально гр. К., М., Е. подыскивали «клиентов» незаконной банковской деятельности, заинтересованных в незаконном «обналичивании» денежных средств. После достижения с «клиентом» договоренности об условиях «обналичивания» члены организованной группы сообщали им реквизиты и номера расчетных счетов подконтрольных им юридических лиц, на которые «организации-клиенту» необходимо осуществить безналичное перечисление денежных средств. После зачисления «клиентом» денежных средств на расчетные счета указанных организаций члены организованной группы за вычетом удерживаемой комиссии в размере определенного с «клиентом» процента выдавали последним наличные денежные средства. В данном приговоре суда суд проводит исследование также денежных чеков. Так, гр. М., не являясь руководителем ООО «О», имел в своем распоряжении чековую книжку с бланками денежных чеков ООО «О» на получение денежных средств с расчетного счета указанной организации (гр. М. собственноручно проставлял от имени руководителя ООО «О» поддельные подписи в графах «Подпись _____» на лицевой и обратной стороне соответствующего денежного чека). Согласно заключению эксперта подписи от имени руководителя ООО «Е» в графах «Подписи _____» на лицевой и оборотной сторонах денежного чека ООО «О» № 8196776 выполнены, вероятно, не руководителем ООО «Е», а гр. М.

Как было установлено судом, факт предъявления гр. М., К., Е. денежных чеков для получения наличных денежных средств со счетов организаций подтверждает их роли и причастность к незаконной банковской деятельности в составе организованной группы.

В качестве примера рассмотрим приговор суда¹⁰, согласно которому гр. С. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ. Схема преступления заключалась в следующем (рассмотрим один из эпизодов): гр. С., являясь продавцом магазина ООО «ЕР», используя компьютерную программу «1С: Бухгалтерия предприятия», занесла сведения об изъятии из кассы денежной суммы в размере 574 000 руб., впоследствии изъяз указанную сумму из сейфа и положив в инкассаторскую сумку лишь 162 500 руб. В препроводительной ведомости к инкассаторской сумке С. указала, что изъяла из сейфа 162 500 руб. Согласно справке об исследовании документов специалиста-ревизора отдела документальных исследований в ходе проведенного исследования было установлено следующее: по данным Z отчета Филиала «Поволжский» ООО «Е» за 8 февраля 2017 г. инкассированы денежные средства в сумме 574 000 руб. По данным карточки счета 57 установлено, что 8 февраля 2017 г. сумма инкассации и сумма зачисления 162 500 руб. На исследование представлена квитанция к сумке № 439 на сумму 162 500 руб. Имеется подпись инкассаторского работника о том, что опломбированную сумку № 439 8 февраля 2017 г. без пересчета принял. Таким образом, 8 февраля 2017 г. разница между суммой денежных средств, списанных из кассы Общества для инкассирования (по данным Z-отчетов) и фактически зачисленных на расчетный счет (по данным карточки счета 57), составляет 411 500 руб. По всем эпизодам разница составила 839 404,45 руб.

Таким образом, проведенное исследование показало, что по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности использование специальных знаний в области бухгал-

терского учета просто необходимо. Данными знаниями обладают специалисты, эксперты, специалисты-ревизоры и др. Подготавливаемые ими заключения специалистов, заключения экспертов, справки об исследовании докумен-

тов в обязательном порядке исследуются в суде и способствуют принятию правильного решения по уголовному делу о преступлении в сфере экономической деятельности, вынесению справедливого приговора.

¹ См.: Предисловие В. К. Случевского к книге С. Ф. Иванова «Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе». URL: http://aldebaran.ru/author/f_ivanov_s/kniga_buhgalterskaya_ukspertiza_v_sudebnom_processe/ (дата обращения: 25.09.2018).

² См.: Яругтова В. Ю. Предпосылки эффективности и правильности использования специальных экономических знаний сотрудников отделов документальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (5). С. 83.

³ См.: О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства : указание Банка России от 11 марта 2014 г. № 3210-У (в ред. от 19.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.09.2018).

⁴ См.: Приговор от 12 декабря 2017 г. № 1-152/2017 по делу № 1-152/2017 Октябрьского районного суда г. Томска (Томская область). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

⁵ См.: Приговор суда от 27 ноября 2017 г. № 1-629/2017 по делу № 1-629/2017 Бийского городского суда (Алтайский край). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

⁶ См.: Положение о правилах осуществления перевода денежных средств (утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П) (в ред. от 05.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2018).

⁷ См.: Приговор от 12 декабря 2016 г. № 1-180/2016 по делу № 1-180/2016 Правобережного районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

⁸ См.: Приговор от 3 февраля 2017 г. № 1-334/2016 1-8/2017 по делу № 1-334/2016 Ухтинского городского суда (Республика Коми). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

⁹ См.: Приговор от 6 октября 2017 г. № 1-20/2017 1-211/2016 по делу № 1-20/2017 Новгородского районного суда (Новгородская область). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

¹⁰ См.: Приговор от 6 октября 2017 г. № В1-50/2017 по делу № В1-50/2017 Богатовского районного суда (Самарская область). URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 25.09.2018).

*Нижегородская академия
МВД России*

Яругтова В. Ю., преподаватель кафедры
судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета

*E-mail: vera.tomilova.84@mail.ru
Тел.: 8-902-784-32-59*

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Yargutova V. Yu., Lecturer of Department
of Forensic Accounting and Accounting

*E-mail: vera.tomilova.84@mail.ru
Тел.: 8-902-784-32-59*

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.